

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Вестник
КАЛМЫЦКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

4(56)/2022

ВЕСТНИК КАЛМЫЦКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал

ISSN 1995-0713

Основан в 2006 году
Периодичность выхода 4 раза в год

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова»

№4(56) 2022

Журнал входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации (по состоянию на 01.02.2022).

Группы научных специальностей:

5.6.1 – Отечественная история (исторические науки), 5.6.3 – Археология (исторические науки), 5.7.7 – Социальная и политическая философия (философские науки), 5.7.8 – Философская антропология, философия культуры (философские науки), 5.7.9 – Философия религии и религиоведение (философские науки), 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (филологические науки), 10.02.19 – Теория языка (филологические науки), 10.02.20 – Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание (филологические науки).

Редакционный совет:

д-р биол. наук *Б.К. Салаев* (председатель); д-р экон. наук, проф. *Э.И. Мантаева* (зам. председателя); канд. пед. наук, доц. *З.Б. Доржинова* (ред. англ.); канд. пед. наук *Э.В. Эрдниева* (отв. секретарь).

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. *В.Б. Убушаев* (гл. редактор); д-р филос. наук, проф. *В.Н. Бадмаев* (зам. гл. редактора); д-р филол. наук, проф. *Т.С. Есенова* (зам. гл. редактора); д-р ист. наук, проф., академик РАН *Х.А. Амирханов*; д-р ист. наук, проф., академик НАН РК *Б.А. Байтанаев*; д-р филол. наук, проф. *П.Ц. Биткеев*; д-р филос. наук, проф. *З.Т. Голенкова*; д-р филос. наук, проф. *Г.В. Драч*; д-р филол. наук, проф., член-корр. РАН *А.В. Дыбо*; д-р филос. наук, проф. *З.Н. Исмагамбетова*; д-р ист. наук, проф. *М.Е. Колесникова*; д-р ист. наук *П.М. Кольцов*; д-р ист. наук, проф. *А.Н. Команджаев*; д-р филол. наук, проф. *Г.Ц. Пюрбеев*; д-р филол. наук, доц. *Г.В. Файзиева*; д-р филос. наук *М.С. Уланов*; д-р филол. наук, проф. *Е.Э. Хабунова*; д-р ист. наук, проф. *А.В. Цюрюмов*.

BULLETIN OF KALMYK UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

ISSN 1995-0713

The journal was founded in 2006
The journal is issued four times a year

Founder:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov”

№4(56) 2022

This peer-reviewed journal is included into the list of periodicals recommended for publishing doctoral research results by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (as of February 2, 2022).

Branches of science:

5.6.1 – History of Russia (historical sciences), 5.6.3 – Archeology (historical sciences), 5.7.7 – Social and political philosophy (philosophical sciences), 5.7.8 – Philosophical anthropology, philosophy of culture (philosophical sciences), 5.7.9 – Philosophy of religion and religious studies (philosophical sciences), 10.02.02 – Languages of the peoples of the Russian Federation (philological sciences), 10.02.19 – Linguistics (philological sciences), 10.02.20 – Comparative-historical typological and contrastive linguistics (philological sciences).

Editorial board:

Doctor of Biological Science *B.K. Salaev* (Chairman); Doctor of Economics, Professor *E.I. Mantaeva* (Deputy Chairman); Candidate of Pedagogics, Assistant Professor *Z.B. Dorzhinova* (English version); Candidate of Pedagogics *E.V. Erdnieva* (executive secretary).

Editorial council members:

Doctor of History, Professor *V.B. Ubushaev* (Editor-in-Chief); Doctor of Philosophy, Professor *V.N. Badmaev* (Deputy Editor-in Chief); Doctor of Philology, Professor *T.S. Esenova* (Deputy Editor-in Chief); Doctor of History, Professor, Member of the Russian Academy of Science *H.A. Amirchanov*; Doctor of History, Professor, Member of the Academy of the National Academy of Science of the Republic of Kazakhstan *B.A. Baitanaev*; Doctor of Philology, Professor *P.Ts. Bitkeev*; Doctor of Philosophy, Professor *Z.T. Golenkova*; Doctor of Philosophy, Professor *G.V. Drach*; Doctor of Philology, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Science *A.V. Dybo*; Doctor of Philosophy, Professor *Z.N. Ismagambetova*; Doctor of History, Professor *M.E. Kolesnikova*; Doctor of History, Professor *P.M. Koltsov*; Doctor of History, Professor *A.N. Komandjaev*; Doctor of Philology, Professor *G.Ts. Pyurbeev*; Doctor of Philology, Assistant Professor *G.V. Fayzieva*; Doctor of Philosophy, Professor *M.S. Ulanov*; Doctor of Philology, Professor *E.E. Habunova*; Doctor of History, Professor *A.V. Tsyuryumov*.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Гунаев Е.А.

Административно-территориальное и земельное обустройство
Букеевской (Внутренней) Орды в Российской империи:
дореволюционная историография6

Джагаева О.А., Ещенко Ю.Г., Голубева Е.В.

Общество астраханских врачей: структура, направления деятельности, результаты 12

Джсалаева А.М., Команджаев А.Н.

Н.Н. Пальмов: «Цель творчества – самоотдача...» (к 150-летию со дня рождения).....21

Лаванд С., Кольцов П.М.

Антиохия и возникновение христианства в первой половине I в. н.э.32

Лиджиева И.В.

Традиции и наука в системе хозяйствования на аридных землях
(на примере Калмыцкой степи)38

Михаэлис Д.В.

К вопросу об изменении статуса мировой юстиции в Российской империи
в период контрреформ 1881–1917 гг. (на примере Сибирского региона)45

Очиров Б.В.

Динамика численности населения Большедербетовского улуса
Ставропольской губернии во второй половине XIX века51

Шиханов Н.А.

История становления и развития 229-го авиаотряда
в Советской Калмыкии с 1957 до 1970 гг.61

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Дадаева А.Р., Бахаева Л.М.

Концепт «добро/зло» в языковой картине русского и чеченского народов
(на материале толковых словарей)72

Дайдаева М.В., Харанутова Д.Ш.

Семантическое содержание абстрактных лексем в языковом сознании детей
с нарушением интеллекта (результаты ассоциативного эксперимента):
сопоставительный аспект.....78

Джунгурова В.Н., Алишина Х.Ч.

Номинации частей тела и болезней животных в калмыцком, бурятском,
ойрат-синьцзянском языках в сопоставлении с татарским языком87

Есенова Г.Б., Есенова Т.С.

Изменение семантики номадной лексики в монгольских языках94

Лиджиева Л.А., Биткеев П.Ц., Пюрбеев Г.Ц. Семантика глаголов динамической локализации в монгольских языках (движение по твердой поверхности).....	100
Мушаев В.Н., Хонинов В.Н., Баринаова Б.В. Номинативы звезд и созвездий в лексико-культурологической традиции калмыков.....	108
Омакаева Э.У., Салыкова В.В., Цолмон Ш. Русские, монгольские и калмыцкие анималистические образы пословичного мини-текста в зеркале лингвокультурных кодов: заяц/туулай/туула, волк/чоно/чон, лиса/үнэг/арат	115
Сарангаева Ж.Н. Лингвокультурологический и лингвопереводческий аспекты английского перевода (на материале стихотворения Риммы Ханиновой «Зул»).....	124
Трофимова А.Н., Файзиева Г.В. Дефиниционный анализ лексической единицы «foreigner»	131
ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ	
Буваева Г.А., Андреева А.А. Digital humanities: от фронтального дискурса к «цифровому повороту»	138
Гулевский А.Н. Война и мир: столкновение России и Европы	144
Гуляк И.И., Смагина Г.В. Философская проблема соотношения свободы и ответственности человека в государстве.....	150
Жаде З.А., Гвашева Б.З., Шадже Л.А. Многоуровневая идентичность в оценках научного сообщества Адыгеи	157
Нижников С.А., Ле Тхи Туэт «Социально вовлеченный буддизм» Тхить Нят Ханя в диалоге культур.....	166
Савельева К.В. Феномен культурных индустрий в философско-культурологическом дискурсе	175
Топчиев М.С. Амбивалентность геополитического пространства Каспийского макрорегиона: потенциал угроз социетальной безопасности России.....	182
Четырнова Л.Б., Сахаров А.С. Коммуникативный анализ писем калмыцких ханов и владельцев (XVIII в.).....	189
CONTENTS.....	196

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Е.А. Гунаев

Калмыцкий научный центр Российской академии наук

**АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ
И ЗЕМЕЛЬНОЕ ОБУСТРОЙСТВО БУКЕЕВСКОЙ (ВНУТРЕННЕЙ)
ОРДЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ:
ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ**

*Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп»
(номер госрегистрации: 122022700134-6)*

В статье рассмотрены основные труды дореволюционной историографии о Букеевской (Внутренней) казахской орде в аспекте ее административно-территориального и земельного обустройства. Вопросы административно-территориального обустройства Букеевской орды в дореволюционной историографии не нашли своего подробного освещения. По мнению автора, это объясняется отсутствием официального политического статуса территории, на которой располагалась орда. Вместе с тем, именно в дореволюционное время было осуществлено первое топографическое описание данной территории, описаны границы и примерная площадь. Земельное обустройство в дореволюционной историографии можно проследить по описанию социально-экономического уклада и типа хозяйствования казахов Внутренней орды, характеристики сельскохозяйственных угодий, земельных споров, налогообложения и политики центрального и губернского правительств по стимулированию перевода кочевников на оседлый образ жизни.

Ключевые слова: Букеевская (Внутренняя) орда; казахи; Российская империя; Астраханская губерния, Оренбургская губерния; дореволюционная историография.

Е.А. Gunaev

Kalmyk Scientific Center of the RAS

**ADMINISTRATIVE-TERRITORIAL AND LAND ARRANGEMENT
OF BUKEEV (INNER) HORDE IN THE RUSSIAN EMPIRE:
PRE-REVOLUTIONARY HISTORIOGRAPHY**

*The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6
'The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups'*

The article examines the main studies of pre-revolutionary historiography about the Bukeev (Inner) Kazakh Horde in the aspect of its administrative-territorial and land arrangement. The issues of the administrative-territorial arrangement of the Bukeev Horde in pre-revolutionary historiography have not found their detailed coverage. According to the author, this is due to the lack of an official political status of the territory where the horde was located. At the same time, it was in pre-revolutionary times that the first topographic description of this territory was carried out, the boundaries and approximate area were described. The land arrangement in pre-revolutionary historiography can be traced by the description of the socio-economic structure and type of economics of the Kazakhs of the Inner Horde, characteristics of agricultural land, land disputes, taxation and policies of the central and provincial governments to stimulate the transfer of nomads to a sedentary lifestyle.

Key words: Bukeev (Inner) Horde; Kazakhs; Russian Empire; Astrakhan province, Orenburg province; pre-revolutionary historiography.

Букеевская (Внутренняя орда) – особое этнополитическое образование казахов на юго-востоке Российской империи, образованное в 1801 г. и просуществовавшее как ханство до середины XIX в. Как отмечает А. В. Сызранов, «научный интерес к истории Букеевской орды обусловлен тем, что она в силу своего географического и политического положения первой из казахских ханств оказалась в структуре Российской империи, не теряя при этом некоторой своей политической и социокультурной обособленности во внутреннем управлении» [16, с. 131]. В работе А. В. Сызранова представлен обзор дореволюционной и советской историографии образования Букеевской орды, в основном посвященный причинам ее возникновения [16]. К. И. Кобландин, Н. Э. Масанов, Ж. К. Касымбаев отмечали, что одним из сложных и малоизученных вопросов истории дореволюционного Казахстана является история Внутренней (Букеевской) орды. Появление Внутренней орды (в 1812–1845 гг. – Букеевское ханство) на политической карте России было обусловлено целым комплексом социально-экономических и политических факторов [9, с. 50].

Исходя из целей нашего исследования, проанализируем работы дореволюционных авторов на предмет освещения административно-территориального и земельного обустройства Букеевской (Внутренней) орды.

В Географическо-статистическом словаре П. П. Семенова-Тян-Шанского, изданном в 1863 г., указывалось, что Внутренняя или Букеевская орда занимала пространство между землями Уральского войска на востоке, Каспийским морем на юге, Самарской губернией на севере и Астраханской губернией на западе. В административном отношении орда относилась к оренбургскому ведомству, но так как она занимала пространство, входившее в прежние пределы Астраханской губернии, то Внутреннюю орду включали нередко, хотя и неправильно, в Астраханскую губернию не только на картах, но и в описаниях. Внутренняя орда отделялась от Волги землями калмыков и кундровских татар и урочищами от уездов Красноярского, Енотаевского, Черноярского и Царевского [15, с. 495]. Далее отмечается, что количество земель, занятых ордою, в точности не определено, но приблизительно простирается до 1 040 кв. м. [*миль – Е.Г.*] или 51 тыс. кв. верст [15, с. 495].

И. М. Казанцев отмечал, что кочевья Внутренней орды находятся в степях, лежащих между Волгой и Уралом, при впадении этих рек в Каспийское море. «Пространство этих степей ... всего же заключают в себе более семидесяти тысяч квадратных верст...» [8, с. 209].

А. Е. Алекторов в своих заметках, опубликованных в 1887 г., характеризовал местность между нижними течениями рек Урала и Волги как пустыню, «не занятую никем почти тридцать лет» после ухода калмыков в 1771 г. [1, с. 881]. Согласно А. Е. Алекторову, в 1801 г. султан Букей Нуралиев, склоненный обещанием российского правительства утвердить его ханом над теми казахскими родами, которые за ним следуют, занял эти места с несколькими тысячами кибиток. Первые переселенцы поселились на побережье Каспийского моря, затем с увеличением количества переселяющихся кочевья казахов распространились к северу на Нарын-пески и луговые части рек Узеней, Чижей и Торгуна. В итоге российское правительство вынуждено было «оградить дальнейшие захваты пустопорожних земель», определив положением 19 мая 1886 г. границы земель под кочевье казахов [1, с. 881].

А. Е. Алекторов приводит краткий анализ изменений управления Букеевской ордой, в результате чего в апреле 1860 г. она была разделена на семь участков или частей: 1) Прикаспийскую I (Первый приморский округ); 2) Прикаспийскую II (Второй приморский округ); 3) Камыш-Самарскую; 4) Нарынскую; 5) Калмыцкую; 6) Таловскую и

7) Торгунскую [1, с. 884]. Согласно его данным, первоначально пространство «высочайше дарованных в 1806 г. в постоянное пользование киргизов Внутренней Букеевской орды земель определялось в 5 377 743 квадратных десятины» [1, с. 885]. С 1828 г. казахам было позволено временно кочевать в бывшем Черноярском уезде Уральской степи на участке площадью 503 808 квадратных десятин. В 1839 г. казахам также во временное пользование была отдана часть степного пространства в Царевском и Новоузенском уездах в 872 800 квадратных десятин. Таким образом, по данным А. Е. Алекторова, общая площадь всех земель, предоставленных во временное пользование казахам Внутренней (Букеевской орды) с 1840 г. можно определить в 6 754 371 квадратных десятин. Он отмечал, что «к концу 1880-х гг. эта цифра значительно уменьшилась по причине неоднократно возбуждавшихся разного рода земельных споров...» [1, с. 885].

И. С. Иванов отмечал, что в административном отношении положение Букеевской орды первое время оставалось неопределенным. На основании именного высочайшего указа от 17 июля 1908 г. Букей с подвластным населением был подчинен Оренбургской военной комиссии. В то же время Букей должен был «во всяких случаях» обращаться прямо к астраханскому губернскому начальству, которое обязано было сообщать оренбургскому военному губернатору «о всех делах и случаях, до него касающихся, и в разрешениях по ним основаться...» [7, с. 932].

П. И. Небольсин отмечал, что Букеевские киргизы (казахи) закрепили за собой огромное пространство степей, но впоследствии стало ясно, что степи эти, пожалованные целому народу для его благосостояния, обратились как бы в личную собственность самого хана. Он не делил землю между родами поровну, как должно было быть, а сам жаловал ее казахским родам, своим приближенным, родственникам и султанам по собственному своему усмотрению [14, с. 158]. Он также приводит сведения о начале перехода к оседлости у части казахов Букеевской орды: «Несмотря на кочевой быт Киргизов, у них уже давно сделаны начатки к оседлости» [14, с. 161].

А. Евреинов отмечал, что главное препятствие состоит в точности определить границы Внутренней орды. «Но по изложенным постановлениям и действительным владениям киргизов границы Букеевской орды составляют: Новоузенский уезд Самарской губернии и Царевский уезд Астраханской губернии, земли калмыков и кундровских татар Астраханской губернии, дачи графа Безбородко и князя Юсупова по Каспийскому побережью, часть самого побережья и земля казаков Уральского войска» [4, с. 58].

Согласно А. Евреинову, количество земли в этих границах составляло приблизительно более шести миллионов десятин. Из них почти третья часть была непригодна к использованию, потому что состояла из бесплодных песчаных степей, камышей, солонцеватых озер и соляных грязей. Он считал, что такого пространства оказывалось недостаточно для киргизов Внутренней орды и их скотоводства. Поэтому для них в то время уже несколько лет постоянно в оброчное содержание бралась земля у владельцев дач Каспийского побережья, у калмыков Астраханской губернии, свободные земли в Саратовской губернии, и было дозволено перепускать на зиму конские табуны на уральские войсковые земли с платой по установленному акцизу. Вместе с тем, А. Евреинов пришел к выводу, что, «сбросив с шести миллионов десятин третью часть неудобных, получается четыре миллиона десятин удобной земля, а скотоводство киргизов Букеевской орды... простирается до двух миллионов голов; следовательно, на каждую голову скота они имеют по две десятины своей удобной земли. Количество весьма удовлетворительное» [4, с. 58].

В труде А. Харузина «Степные очерки (Киргизская Букеевская орда): странички из записной книги» приводится важное утверждение: «Киргизская степь и не губерния, и не уезд» [18, с. 19–20]. Тем самым, на наш взгляд, мы видим двойственную природу территориального образования Букеевской орды, с одной стороны, в административно-территориальном отношении она не была самостоятельным уездом, с другой стороны, обладала определенной внутренней автономией в территориальном и управленческом отношении.

А. Харузин в своем труде «Киргизы Букеевской орды (антрополого-этнологический очерк)», изданном в 1889 г., отмечает, что сведений о топографии местности, занимаемой киргизами (азиатскими и букеевскими), очень много. Он приводит список авторов, в чьих трудах содержатся наиболее полные сведения по топографии местности [19, с. 13–14]. Отметим, что большинство трудов перечисленных авторов носит больше этнографический описательный характер.

А. Харузин особо выделял труд А.И.Левшина «Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей» (1832) в 3-х частях, считая его первым по полноте в литературе о киргизах (казахах) [19, с. 358]. Действительно, труд А.И.Левшина значим по своей полноте и описанию истории казахов, вместе с тем собственно о Букеевской орде в нем содержится мало информации. Например, указываются причины, побудившие хана Букея на переселение в пределы Астраханской губернии с подвластными людьми [10, с. 322–323].

Л. Л. Мейер в своем труде «Киргизская степь Оренбургского ведомства» практически не касается положения Внутренней орды, предмет его исследования – зауральские казахи. О Внутренней орде содержатся некоторые сведения в историческом очерке в начале книги [13, с. 24–25].

В статье П. Медведского «Внутренняя Киргизская орда в хозяйственно-статистическом отношении» площадь ее территории определена в пределах 7 967 квадратных миль [11, с. 183]. Он приводит сведения о переходе киргизов (казахов) в приволжскую степь, их расположении по переселении и наделу землями [12, с. 285–308]. Согласно П. Медведскому, в первое двадцатилетие XIX в. о земельной собственности в Букеевской орде «не было и речи», но с увеличением населения и умножением количества скота стали возникать споры из-за отдельных участков, угодий [12, с. 286]. Что заставило российское правительство ближе войти во внутренние дела киргизов (казахов). Вследствие этого был разрешен наем свободных земель по соседству с ордою на каспийских побережьях, в дачах князей Юсупова и Безбородко, у калмыков Богоцхуровского улуса Астраханской губернии, у западной границы Внутренней Букеевской орды. Сверх того, в 1858 г. был разрешен перепуск киргизов (казахов) за Урал, в количестве тысячи кибиток [12, с. 287–288].

И. Ф. Бларамберг отмечал, что при описании границ Внутренней Киргизской орды «...разумеются не административные границы, а ряд урочищ, за которые киргизы не простирают своих кочевий» [2, с. 3]. Он включил в свой труд данные Я. В. Ханькова о земельных угодьях Внутренней Киргизской орды, где отмечается, что «нерешение тяжбы о землях внутренней Орды делает невозможным точное определение пространства, занятого кочевьями киргизов...» [17, с. 31; 2, с. 20].

Весьма ценной является также широко известная работа М. И. Иванина, в которой содержится детальный анализ положения во Внутренней орде [9, с. 54–55]. В труде М. И. Иванина содержится информация о земельных спорах и способе их разрешения в Букеевской орде [5, с. 26].

Обращает на себя внимание также труд Н. И. Веселовского, посвященный жизни и деятельности одного из наиболее крупных представителей русской колониальной администрации середины XIX в. В. В. Григорьева, который в начале 50-х гг. XIX в. был Председателем Оренбургской Пограничной комиссии, а затем Оренбургского областного правления, т.е. именно тех территориально-административных органов, которым в это время непосредственно подчинялась Внутренняя орда. В переписке и деловых бумагах В. В. Григорьева сосредоточен огромный фактический материал по истории орды [9, с. 58]. Прежде всего, В. В. Григорьев обратил внимание на вопросы земельный и податный, изучил их и составил проект разрешения того и другого, послуживший фундаментом к основным реформам в крае [3, с. 120–121].

В заключение приходим к следующим выводам:

– вопросы административно-территориального обустройства Букеевской орды в дореволюционной историографии не нашли своего подробного освещения, возможно, это объяснялось тем, что Внутренняя Киргизская орда, как отмечалось выше, «не губерния и не уезд». По мнению автора, это объясняется отсутствием официального политического статуса территории, на которой располагалась орда. Вместе с тем, именно в дореволюционное время было осуществлено первое топографическое описание данной территории, описаны границы и примерная площадь.

– земельное обустройство в дореволюционной историографии можно проследить по описанию социально-экономического уклада и типа хозяйствования казахов Внутренней орды, характеристики сельскохозяйственных угодий, земельных споров, налогообложения и политики центрального и губернского правительств по стимулированию перевода кочевников на оседлый образ жизни.

Список литературы

1. Алекторов А. Е. Внутренняя Букеевская орда (Краткий исторический очерк) // История Букеевского ханства. 1801–1852 гг.: Сб. документов и материалов / сост. Б. Т. Жанаев, В. А. Иночкин. С. Х. Сагнаева. – Алматы: Дайк-Пресс, 2002. – С. 881–895.

2. Бларамберг И. Ф. Военно-статистическое обозрение Российской империи: издаваемое по высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального штаба [трудами офицеров Генерального штаба]. – СПб.: Тип. Деп. Ген. штаба, 1848–1858. Т. 14: Оренбургский край: Ч. 1–3. 1848. Т. 14, ч. 3: Земли Киргиз-Кайсаков Оренбургского ведомства / [по рекогносцировкам и материалам, собр. на месте, сост. Бларамбергом], 1848. – 119 с.

3. Веселовский Н. И. Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам, 1816–1881 / Сост. Н.И. Веселовский. – Санкт-Петербург: Имп. рус. археол. о-во, 1887, 288 с., приложения – 105 с.

4. Евреинов А. Внутренняя или Букеевская киргиз-казачья орда // Современник. – 1851. – № 10. – Т. XXIX. – Ч. 2. – С. 49–96.

5. Иванин М. Внутренняя или Букеевская орда // Эпоха. – 1864. – № 12. – С. 1–48.

6. Иванов И. С. Внутренняя киргизская орда. Краткий статистический очерк. Астрахань. Типография Губернского Правления. – 1891. – 101 с.

7. Иванов И. С. К столетнему юбилею Внутренней (Букеевской) киргиз-кайсацкой орды // История Букеевского ханства. 1801–1852 гг.: Сб. документов и материалов / сост. Б. Т. Жанаев, В. А. Иночкин. С. Х. Сагнаева. – Алматы: Дайк-Пресс, 2002. – С. 895–943.

8. Казанцев И. М. Описание киргиз-кайсаков / сост. И. Казанцев. – Санкт-Петербург: Тип. т-ва «Обществ. Польза», 1867. – 231 с.

9. Кобландин К. И., Масанов Н. Э., Касымбаев Ж. К. Внутренняя орда в русской дореволюционной историографии // Вопросы истории Казахстана в русской дворянско-буржуазной и современной историографии советологов: Темат. сб. науч. тр. профес.-преподават. состава вузов М-ва просвещения КазССР / Каз. пед. ин-т им. Абая; [Редкол.: Касымбаев Ж. К. (гл. ред.) и др.]. – Алма-Ата: КазПИ, 1985. – С. 50–63.

10. Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. В 3-х ч. Ч. 2: Исторические известия. – СПб.: Тип. Карла Крайя, 1832. – 333 с.

11. Медведский П. Внутренняя Киргизская орда в хозяйственно-статистическом отношении // Журнал Министерства государственных имуществ. – 1862. – Июль. С. 183–194.

12. Медведский П. Внутренняя Киргизская орда в хозяйственно-статистическом отношении // Журнал Министерства государственных имуществ. – 1862. – Август. С. 285–308.

13. Мейер Л. Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства / Сост. Ген. штаба подполк. Л. Мейер. – Санкт-Петербург: тип. Э. Веймара и Ф. Персона, 1865. – 386 с. (Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба; [Т. 10]).

14. Небольсин П. И. Очерки Волжского низовья. СПб.: Тип. Мин-ва внутрен. Дел, 1852. – 197 с.

15. Семенов-Тянь-Шанский П. П. Географическо-статистический словарь Российской империи: [Т. 1-5] / сост. по поручению Рус. геогр. о-ва действ. чл. О-ва П. Семёнов. – СПб.: Изданием А. Н. Турубаева, 1863–1885. – Т. 1. 1863. – 716 с.

16. Сызранов А. В. Образование Букеевской орды (историография вопроса) // Вопросы истории Сибири: сборник научных статей / науч. ред. М. К. Чуркин. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2021. – Вып. 17. – С. 130–136.

17. Ханьков Я. В. Очерк состояния Внутренней Киргизской орды в 1841 г. – [СПб.: б. и., 184-?]. – [34] с.

18. Харузин А. Н. Степные очерки (Киргизская Букеевская орда): странички из записной книги. – М.: Типография А. А. Левенсон, 1888. – 192 с.

19. Харузин А. Киргизы Букеевской орды (антрополого-этнологический очерк). – М.: Тип. А. А. Левенсон, 1889. – 255 с.

О.А. Джзагаева¹, Ю.Г. Ещенко², Е.В. Голубева¹

¹Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова

²Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева

ОБЩЕСТВО АСТРАХАНСКИХ ВРАЧЕЙ: СТРУКТУРА, НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, РЕЗУЛЬТАТЫ

В статье анализируются основные направления деятельности Общества астраханских врачей в период его существования в 1869-1917 гг. Авторы рассматривают научно-теоретические, практические и общественно-просветительские аспекты работы Общества. С использованием широкого источникового материала показан круг вопросов, входивших в компетенцию Общества, инициативы членов Общества и механизмы для их реализации. Особый акцент сделан на взаимоотношения Общества с органами Астраханского городского общественного управления и губернской властью по решению вопросов здравоохранения, медицинского обеспечения населения, улучшения санитарно-гигиенического состояния региона.

Ключевые слова: *Общество астраханских врачей, медицина, здравоохранение, врач, Астраханская губерния, эпидемии, медицинское обслуживание, санитарное состояние, санитарный врач, городское общественное управление.*

O.A. Dzhagaeva¹, Y.G. Eshchenko², E.V. Golubeva¹

¹Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov

²Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev

THE SOCIETY OF ASTRAKHAN DOCTORS: STRUCTURE, ACTIVITY, RESULTS

The article analyzes the main activities of the Society of Astrakhan Doctors during the years of 1869 to 1917. The authors consider the scientific-theoretical, practical and social-educational aspects of the work of the Society. The researchers used a wide source of materials. They show the range of issues that were within the competence of the Society, the initiatives of the members of the Society and the mechanisms for their implementation. Particular emphasis is placed on the relationship of the Company with the bodies of the Astrakhan city public administration and the provincial authorities in addressing health issues, medical support for the population, and improving the sanitary and hygienic state of the region.

Key words: *Society of Astrakhan Doctors, medicine, healthcare, doctor, Astrakhan province, epidemics, medical care, sanitary condition, sanitary doctor, city public administration.*

В Российской империи к середине XIX в. был накоплен определенный опыт по созданию и организации работы профессиональных объединений врачей: Немецкое врачебное общество, основанное в 1817 г. по образцу Берлинского медико-исторического общества, Общество русских врачей, созданное в 1833 г. в Санкт-Петербурге, Общество киевских врачей, действовавшее с 1840 г. и др [3, с. 194]. Возможность создания профессиональных медицинских обществ на местах была анонсирована медицинским департаментом Министерства внутренних дел, а проект примерных уставов создаваемых обществ был разослан по губерниям [6, с. 3–4]. В конце 1850-х – 1860-х гг. медицинские Общества открываются во многих крупных губернских городах: Общество врачей Восточной Сибири в Иркутске в 1858 г. [30], Общество «Беседа саратовских врачей» в 1860 г. [22], Ярославское общество врачей в 1861 г. [8], Общество врачей г. Казани в 1868 г. [1] и многие другие.

В Астраханской губернии общественное объединение врачей было создано в 1869 г., позже, чем в центральных губерниях страны. Проанализируем основные направления деятельности этого профессионального объединения и рассмотрим его вклад в развитие системы здравоохранения Астраханской губернии.

В качестве источникового материала нами привлекались протоколы заседаний и годовые отчеты о деятельности Общества астраханских врачей, материалы Астраханских губернских съездов врачей, а также издававшиеся Обществом в начале 1890-х гг. выпуски «Трудов Общества астраханских врачей» и ежемесячный периодический журнал «Известия Общества астраханских врачей», учрежденный в 1908 г. Значительный интерес представляют отчеты, обзоры и доклады членов Общества, опубликованные в качестве статей в местной периодической печати, а также как самостоятельные исследования.

В Астраханской губернии идея создания медицинского общества нашла поддержку среди инициативной группы врачей, которые обратились к бывшему старшему врачу губернской больницы приказа общественного призрения, врачебному инспектору Фридриху Мартыновичу Ольдекопу с просьбой подать ходатайство об учреждении общества, а до его утверждения – стать его временным председателем [6, с. 3–4].

27 сентября 1869 г. состоялось собрание заинтересованных астраханских врачей, ветеринаров и фармацевтов (в количестве 29 чел.), на котором было принято коллективное решение о необходимости создания медицинского общества в Астрахани [14]. 3 декабря 1869 г. астраханский губернатор Н.Н.Биппен объявил об открытии Общества астраханских врачей. В качестве органа управления обществом был утвержден президиум, состав которого формировался выборным путем. В первый состав президиума Общества вошли президент Ф.М.Ольдекоп, вице-президент А.К.Депнер, секретарь О.Я.Яницкий и кассир А.П.Вейнер [6, с. 3–4]. Позже управление осуществляло Бюро, которое избралось членами Общества и утверждалось губернатором. Так, на заседании 22 декабря 1889 г. было выбрано Бюро в составе председателя Н.М.Никольского, секретарей В.Н.Сперанского и И.В.Страхова, библиотекаря М.Ф.Куликова и казначея В.Н.Лукина, которое было утверждено губернатором 23 января 1890 г. [18, с. 85]. В разные годы Общество астраханских врачей возглавляли Ф.М.Ольдекоп, М.И.Арустамов, А.Е.Ваденюк, В.М.Никольский, В.И.Иорданский и др.

Общество состояло из почетных и действительных членов (в их число могли входить не только практикующие врачи, но и ветеринары, провизоры), членов-корреспондентов и членов-соревнователей. В состав Общества входило большинство врачей, находившихся на городской службе. Члены Общества входили в состав и других общественных и административных объединений: санитарно-больничной комиссии, Санитарного общества, Астраханского губернского медико-статистического бюро, Астраханской городской санитарно-исполнительной комиссии – и являлись гласными Астраханской городской думы и др., что позволяло им быть в курсе проводившихся в городе и губернии санитарных, профилактических, противоэпидемических мероприятий и выносить на обсуждение проблемы, находившиеся в ведении разных учреждений. Ежегодные отчеты о деятельности Общества представлялись в канцелярию губернатора.

Касса Общества существовала за счет членских взносов, пожертвований меценатов и промышленников, доходов от проведения благотворительных мероприятий. Как и во многих других медицинских общественных организациях, в Обществе астраханских врачей существовала практика сбора на заседаниях так называемого

«манассеинского рубля» – взноса, делавшегося членами Общества в специальную медицинскую кассу, из которой осуществлялась материальная помощь семьям врачей, в случае их тяжелой болезни, инвалидности или смерти [27, с. 1].

Общество астраханских врачей, созданное в декабре 1869 г., просуществовало в губернии вплоть до революции 1917 г., хотя фактически прекратило свою деятельность с началом Первой мировой войны. В советский период продолжателем дел Общества астраханских врачей стало Общество теоретической и клинической медицины, открытое при Астраханском медицинском институте в 1921 г. [2].

Все сферы деятельности Общества астраханских врачей можно условно разделить на три крупных направления: научно-теоретическое, общественно-просветительское и практическое.

К научно-теоретическому направлению деятельности Общества можно отнести сбор и систематизацию сведений о состоянии медицинского обслуживания в Астраханской губернии; данных об эпидемиях, возрастной, социальной и этнической принадлежности заболевших; географической привязанности к определенным частям губернии определенных инфекционных заболеваний, причинах этого явления и направлениях распространения и др. Разнообразие инфекционных форм было чрезвычайно велико. Географическое положение Астраханской губернии – окраинное, граничившее с азиатскими и кавказскими полиэтничными территориями – делало регион подверженным вспышкам различных эпидемических заболеваний. Одними из самых распространенных являлись малярия, возникавшая из-за обилия стоячих вод и камышей и принимавшая нередко форму тяжелой тропической лихорадки; чума, ставшая для региона эндемичной и дававшая ежегодные вспышки различной интенсивности; и проказа [29, с. 4]. Уже на первом заседании Общества астраханских врачей, которое состоялось 9 декабря 1869 г., было решено пригласить в качестве действительного члена Общества, секретаря Астраханского губернского статистического комитета, с целью получения от него оперативных сведений о динамике демографических процессов в губернии – рождаемости, смертности, движении народонаселения, заболеваемости и др [6, с. 3–4]. Позже необходимость ведения такой статистики была признана местным управлением. В 1893 г. при санитарно-больничной комиссии Астраханского городского общественного управления по проекту врачей Н.Я.Герца, В.Н.Сперанского и И.М.Буткова было учреждено Астраханское губернское медико-статистическое бюро, занимавшееся сбором и анализом сведений по заболеваемости и смертности населения, а также извещением санитарных врачей об очагах инфекционных заболеваний [20, с. 6].

Членами Общества была поставлена задача подготовки медико-топографического описания города Астрахани и Астраханской губернии [6, с. 3–4]. На заседании Общества 20 апреля 1870 г. был представлен вышедший в свет труд доктора Ф.М.Ольдекопа «Медико-топографическое описание Астраханской губернии», который не терял своей актуальности и научной ценности в течение последующих нескольких десятилетий [15]. Научные исследования, посвященные санитарному состоянию Астрахани, также были подготовлены в 1887 г. врачом Астраханской городской Мариинской больницы А.П.Далингером [4], в 1895 г. санитарным врачом Астраханского управления рыбными и тюленьими промыслами С.М.Поповым [23] и др.

За годы существования Общества была собрана значительная библиотека, состоявшая как из научных трудов врачей-практиков, так и из периодических изданий. Общество выписывало медицинские журналы: «Медицинское обозрение», «Архив судебной медицины и общественной гигиены», «Практическая медицина», «Больничная газета Боткина», «Врач», «Вестник психиатрии Мержеевского», «Журнал

акушерства и женских болезней», «Архив ветеринарных наук», «Санитарное дело», «Хирургический вестник» и др., с которыми желающие могли ознакомиться в библиотеке Общества [24, с. 74]. С 1908 г. Общество издавало собственный ежемесячный журнал «Известия Общества астраханских врачей», в котором печатались протоколы заседаний и наиболее яркие доклады врачей. Журнал издавался на средства Общества при субсидировании со стороны Астраханского отдела Общества борьбы с заразными болезнями, действовавшего в губернии с начала XX в. [9]. Для пополнения научной библиотеки существовала практика выкупа медицинских коллекций книг у семей умерших врачей. Так, на заседании Общества 30 апреля 1893 г. по предложению доктора Н.Я.Герца было решено приобрести библиотеку покойного доктора А.Е.Ваденюка, «согласовавшись предварительно с вдовой о ценности» [27, с. 3]. Библиотека была приобретена за 150 руб. [19].

Первоначально библиотека Общества находилась в коридоре лечебницы, работа с изданиями была затруднена, так как отсутствовал оборудованный читальный зал, не было помещения, где мог бы производиться учет оборота книг и т.п. В 1908 г. по предложению В.И.Иорданского, заведующего Астраханской бактериологической лабораторией [29, с. 2], в здании лаборатории было выделено два помещения, где стало возможно осуществить систематизированное хранение книг, составить их каталог и обеспечить доступ к ним заинтересованных лиц. Расходы на обустройство библиотеки, приобретение мебели, перевозку книг были произведены из средств Общества [29, с. 5].

Общественно-просветительское направление деятельности Общества врачей заключалось в активном участии его членов в популяризации медицинского знания в Астраханской губернии. Они активно выступали с лекциями, готовили брошюры и листовки для ознакомления населения с элементарными санитарно-гигиеническими нормами и процедурами обеззараживания, с мерами, необходимыми для предотвращения заболеваний, широко распространенных в губернии (таких как чума, холера, тиф). Ряд заседаний Общества посвящался обсуждению мер борьбы с эпидемическими заболеваниями [5; 21; 31]. К примеру, члены Общества высказывались за внедрение практики поголовного убоя зараженного скота с целью предупреждения эпизоотий. Следует отметить, что эта мера была признана целесообразной в районах губернии с оседлым населением и была приведена в действие [6, с. 6].

С 1890 г. стало внедряться проведение открытых заседаний Общества, на которых могли присутствовать все желающие [6, с. 9]. Однако специфика части рассматриваемых вопросов не позволяла обсуждать их публично. В результате апробированная практика была юридически закреплена в соответствующем параграфе Устава Общества. Так, в 1894 г. было решено допускать «постороннюю публику», корреспондентов и репортеров местных газет только на научные части заседаний Общества. Обсуждение административных вопросов (избрание новых членов и Правления Общества, утверждение смет, чтение благодарственных писем или «личных бумаг известных членам Общества лиц» и т.п.) и интересных случаев из медицинской практики врачей должно было быть закрытым [25, с. 16].

Важной составляющей практического направления работы Общества была разработка для Астраханского городского общественного управления предложений по улучшению медицинского обслуживания населения и санитарного состояния города Астрахани, взаимодействию с Астраханской городской думой и городским головой.

Неоднократно в 1890-х – начале 1900-х гг. местными органами власти ставился вопрос о введении ночных дежурств врачей, для чего к Обществу за содействием обращались представители Астраханского городского общественного управления,

санитарно-больничной комиссии, городской думы и др. В апреле 1893 г. в городской думе обсуждалась необходимость поочередных дежурств врачей при Астраханской городской управе. Принимая во внимание малочисленность городских врачей и объем их работы, санитарно-больничная комиссия предложила членам Общества принять участие в этих дежурствах. Предложение это было оставлено открытым, так как был непонятен ряд организационных моментов [17, с. 11]. В 1903 г. Астраханской городской думой вновь поднимался вопрос организации ночных дежурств врачей, в связи со значительными затруднениями по вызову врача к больному в ночное время. Думой были проработаны организационные аспекты, выделено финансирование на оплату труда врачей в неурочное время. К 1908 г. организация дежурств полностью перешла в ведение Общества. Для осуществления контроля над ними, назначения врачей, установления графика и т.п. было создано особое бюро из состава членов Общества [6, с. 11–12].

На заседании Общества 31 марта 1903 г. доктором И.А.Деминским было предложено создать в Астрахани Санитарное общество. Гигиеническое состояние городов и сел Астраханской губернии было неудовлетворительным. Вопросами санитарного-гигиенического благоустройства занимались правительственные учреждения, которые явно не дорабатывали по этой проблеме. Общество астраханских врачей и Астраханская городская санитарно-больничная комиссия писали петиции и жалобы, но кардинально повлиять на ситуацию не могли. Принимавшиеся Обществом астраханских врачей решения, впрочем, как и решения других общественных организаций империи, носили рекомендательный характер для государственных органов и не были обязательны к исполнению [7].

Астраханская городская санитарно-больничная комиссия при Астраханском городском общественном управлении была создана по предложению гласного С.М.Буткова на заседании Астраханской городской думы 24 февраля 1893 г. На комиссию, по сути, было возложено руководство всем здравоохранением города Астрахани. Но в то же время ее решения носили рекомендательный характер. Комиссия могла готовить для городской думы вопросы, касавшиеся состояния городским [20, с. 3, 12]. Но вот практически заставить граждан соблюдать чистоту в общественных местах и участвовать в городских мероприятиях по уборке территории административного ресурса у нее хватало. В этой связи один из членов Общества астраханских врачей, доктор И.А.Деминский предлагал учредить специальное Санитарное общество, которое бы занялось наведением гигиенического порядка и благоустройством в городе. Он предлагал привлечь туда известных горожан, инициативных и обеспеченных жителей города. В качестве примера И.А.Деминский приводил работу Саратовского общества санитарных врачей, начавшего свою деятельность еще в 1877 г. [28]. Доктор Деминский запросил у членов Саратовского общества устав, который был «любезно выслан» [7] и положен в основу будущего устава Астраханского санитарного общества.

После прохождения всех бюрократических процедур и согласований, 12 марта 1906 г. в Астрахани было открыто Санитарное общество [6, с. 11]. Общество принимало участие в решении вопросов обустройства городской канализации, водопровода, очистки воды, устройства дополнительных лечебниц, в том числе на рыбных промыслах [16], и др.

Но далеко не по всем вопросам профессиональное медицинское сообщество и общественные организации могли найти общий язык с губернскими властями.

Некоторые инициативы со стороны губернаторской администрации в адрес Общества так и остались на уровне предложений. Например, в конце 1869 г. поступило предложение губернатора о передаче Тинакской грязелечебницы в арендное содержание Обществу астраханских врачей. После долгих совещаний Общество вынуждено было ответить отказом. Члены общества знали, что эта важная для здравоохранения губернии лечебница содержалась приказом общественного призрения в неудовлетворительном состоянии и требовала серьезного ремонта. Однако Общество не располагало достаточными для их проведения денежными средствами и поэтому вынуждено было отказаться от этого предложения [6, с. 5].

Вопрос о передаче грязелечебницы поднимался повторно через несколько десятилетий, такое предложение от губернатора поступило в январе 1908 г. Следует отметить, что во второй раз предложение было встречено с большим энтузиазмом. Общество согласилось взять заведование лечебницей в свои руки, но выдвинуло ряд условий, необходимых, по мнению врачей, для ее эффективного функционирования. Главным, по мнению членов Общества, было направление доходов от лечебницы на совершенствование медицинского обслуживания в ней. Необходимо также было проведение ремонта в ее корпусах и вспомогательных помещениях. В ремонте и благоустройстве нуждалась прилегающая к лечебнице территория. Предусматривалось также, что 15% от доходов грязелечебницы пошли бы на покрытие расходов Общества. Но главное управление по делам местного хозяйства признало эти условия неприемлемыми, и Тинаки так и остались в ведении приказа общественного призрения [6, с. 15] вплоть до 1914 г., когда управление над грязелечебницей приняло земство [12, с. 231].

Реализация некоторых проектов требовала значительных финансовых затрат, нести которые Общество, даже при наличии общественной кассы и взносов со стороны меценатов, было не в состоянии. На заседании 5 марта 1871 г. доктор Чорбин выступил с инициативой о создании при Обществе амбулаторной лечебницы, по аналогии с подобными учреждениями, находившимися в ведении Общества русских врачей в Москве. В такой лечебнице могли бы получить медицинскую помощь, в том числе и бесплатную, городская беднота [10, с. 958–959]. Лечебница была открыта 23 декабря 1873 г., однако проработала она недолго. Как видно из отчета, представленного на заседании Общества астраханских врачей 23 июня 1874 г., на содержание лечебницы за полгода поступило: 61 руб. 80 коп. платы с больных, 168 руб. 25 коп. частных пожертвований и 53 руб. с проведения благотворительного вечера (всего 283 руб. 5 коп.). Израсходовано же на содержание больницы за указанный период было 705 руб. За время работы больницы была оказана помощь 1137 больным, причем 931 чел. обслуживался бесплатно. Общество обращалось за материальной поддержкой в Астраханскую городскую думу и к частным лицам с просьбой выступить в роли благотворителей, но инициатива не встретила ни широкой общественной поддержки, ни помощи от губернской власти. В результате лечебница просуществовала всего полгода, а дефицит ее бюджета был покрыт за счет средств Общества [6, с. 5].

К компетенции Общества астраханских врачей представители управления обращались при выработке программ и планов мероприятий по улучшению медицинского обслуживания и развития сети учреждений здравоохранения в губернии. В 1870 г. по запросу директора медицинского департамента Министерства внутренних дел Е.В.Пеликана Обществом был подготовлен план работы по борьбе с надвигающейся на регион эпидемии холеры. Разработка комплекса мероприятий была поручена Особой комиссии, созданной из членов Общества под руководством О.Я.Яницкого. В начале 1870-х гг. по просьбе комитета рыбных и тюленьих промыслов проводились консультации по улучшению порядка медицинского осмотра

ловцов и рабочих, санитарного состояния рыболовецких ватаг на промыслах, усилению надзора за рыбопромышленными предприятиями. На заседаниях 22 января и 6 марта 1872 г. президентом Общества Ф.М.Ольдекопом ставился вопрос об активизации оспопрививания в Астраханской губернии. Практическая реализация этого предложения была весьма затруднена [6, с. 5–6]. Особенно драматичный оборот эпидемия оспы приняла в Калмыцкой степи Астраханской губернии. Мероприятия по прививанию калмыцкого населения начались еще в 1830-х гг. Но масштабное вакцинирование требовало расширения штатов медицинских работников на территории степи, а кадровых и финансовых возможностей для этого было недостаточно [11, с. 578]. Проблема насыщения территории калмыцких кочевий медицинским персоналом оставалась актуальной на протяжении XIX – начала XX вв. [13]. Задача оспопрививания стала более или менее успешно решаться только путем привлечения так называемых «вольнонаемных» оспопрививателей. Ими становились, как правило, наиболее известные и пользовавшиеся уважением представители калмыцкого населения, старейшины, а также представители местной религиозной элиты [11, с. 578].

Таким образом, исследование выявило ряд сложностей в деятельности профессионального объединения астраханских врачей. В основном они были связаны с отсутствием властных полномочий у этого общественного объединения. Решения Общества, носившие рекомендательный характер, не могли разрешить огромное количество проблем, стоящих перед городской медициной. Здравоохранение в Российской империи все более нуждалось в государственной поддержке, и никакие общественные инициативы не могли заменить ее роль в этом вопросе.

Необходимо отметить большую роль Общества в популяризации медицинских знаний среди населения, работу по улучшению санитарно-гигиенического состояния города Астрахани, вклад врачей-эпидемиологов в борьбу с инфекционными заболеваниями на территории губернии. К числу заслуг Общества относится организация ночных дежурств врачей, создание в Астрахани Санитарного общества. Несомненные достижения в разработке вопросов медицинской статистики. Высказав мнение о необходимости санитарно-статистического направления, Общество астраханских врачей настойчиво добивалось осуществления его на практике, результатом чего стало создание Астраханского губернского медико-статистического бюро. Широкий круг интересов членов Общества астраханских врачей, академичность, вовлеченность их в решение вопросов здравоохранения, тесное взаимодействие с органами городского общественного управления внесли заметный вклад в становление городской системы здравоохранения и санитарного обеспечения в исследуемый период.

Список литературы

1. Абросимова М.Ю., Артемьева И.Ю., Поспелова Е.Ю. История казанских медицинских научных обществ и их роль в решении актуальных проблем медицины и здравоохранения // Казанский медицинский журнал. – 2014. – Т. 95. – № 2. – С. 151–157.

2. Астраханское Региональное отделение Российского научного медицинского общества терапевтов. – URL:<https://www.rnmot.ru/ru/page/jufo-otdelenija.html> (дата обращения 02.07.2022)

3. Вишленкова Е.А. Медицинские советы и врачебные общества в Петербурге первой половины XIX в. // История медицины. – 2016. – Т. 3. – № 2. – С. 186–201. DOI: 10.17720/2409-5583.t3.2.2016.17v здесь. – С. 194.

4. Далингер А.П. Медико-статистическое исследование татарского населения Астраханского уезда : Дис. на степ.д-ра медицины А.Далингера. – СПб., 1887. – 173 с.

5. Деминский И. О борьбе с чумой в Астраханской губернии. Доклад, заслушанный на заседании Общества астраханских врачей 3 февраля 1906 г. // Известия Общества астраханских врачей. – 1908. – № 3. – С. 26–38.
6. Деминский И.А. Очерк деятельности Общества астраханских врачей за 40 лет (1869-1909) // Известия Общества астраханских врачей. – 1909. – № 8. – С. 2–25.
7. Доклад доктора И.А.Деминского // Астраханский листок. – 1903. – № 73. – С. 2.
8. Ерегина Н.Т., Смирнова Е.М. Ярославль был выбран не случайно... // Высшее образование в России. – 2014. – № 8–9. – С. 91–97.
9. Ерина И.А., Садретдинов Р.А. К истории дерматовенерологической службы в Астраханской области // Центральный научный вестник. – 2018. – Т. 3. – № 22 (63). – С. 3-4.
10. История Астраханского края. – Астрахань, АГПУ, 2000. – 1122 с.
11. История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. – Элиста: Герел, 2009. – Т. 3. – 752 с.
12. Карабаева А.З., Морозова Л.А., Койбагарова З.М. История развития санаторно-курортного комплекса в Астраханской области // Естественные науки: актуальные вопросы и социальные вызовы. Материалы III Международной научно-практической конференции. – Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2020. – С. 229–232.
13. Команджаев А.Н., Бадмаева С.Е. Эпидемические заболевания в Калмыцкой степи Астраханской губернии в конце XIX – начале XX в. // OrientalStudies. – 2021. – Т. 14. – № 1. – С. 43-55. – DOI: 10.22162/2619-0990-2021-53-1-43-55
14. Медицинские вести Астраханской области. – 2017. – № 6 (18). – С. 33.
15. Ольдекоп Ф.М. Медико-топография города Астрахани и его ближайшей окружности : старшего врача Астраханской городской больницы, доктора медицины Ольдекопа // Медико-топографический сборник: с картами, планами, географ.табл. и рис в тексте. – СПб., 1870. – С. 301–720.
16. Ольшевский С.О. Несколько слов о постановке врачебного дела в Красноярском уезде в 1907 г. // Известия Общества астраханских врачей. – 1908. – № 3. – С. 18–20.
17. Отчет о деятельности Общества астраханских врачей за 1892-1893 гг. // Протоколы Общества Астраханских врачей. – Астрахань: б.и., 1894. – С. 9–11.
18. Отчет общества врачей за 1889-1890 гг. // Труды Астраханского общества врачей. Выпуск 1. – Астрахань: Паровая новая русская типография, 1891. – С. 85–87.
19. Отчет по кассе Общества астраханских врачей за 1893 г. // Протоколы Общества астраханских врачей. – Астрахань: б.и., 1894. – С. 12.
20. Отчет по санитарным и лечебным учреждениям Астраханского городского общественного управления за 1898 г. – Астрахань: Паровая новая русская типография, 1899. – 436 с.
21. Пальмирский П.В. Об условиях борьбы с чумой, холерой и оспой в Калмыцкой степи Астраханской губернии // Известия Общества астраханских врачей. – 1909. – № 2. – С. 1–7.
22. Попков В.М., Завьялов А.И., Луцевич И.Н., Мясникова И.В., Райкова С.В. Вклад физико-медицинского общества в развитие здравоохранения и медицинского образования в Саратовской губернии (к 150-летию со дня основания) // Саратовский научно-медицинский журнал. – 2010. – Т. 6. – № 3. – С. 730–737.
23. Попов С.М. Санитарный обзор и медико-статистическое исследование г. Астрахани с кратким изложением первой десятилетней деятельности астраханских городских санитарных врачей. – Вып. 1. – Астрахань, 1895. – 144 с.

24. Протокол заседания Астраханского общества врачей от 1 февраля 1890 г. // Труды Астраханского общества врачей. Выпуск 1. – Астрахань: Паровая новая русская типография, 1891. – С. 71-74.

25. Протокол заседания Общества астраханских врачей от 18 февраля 1894 г. // Протоколы Общества Астраханских врачей. – Астрахань: б.и., 1894. – С. 13–16.

26. Протокол заседания Общества астраханских врачей от 7 января 1907 г. // Известия общества астраханских врачей. – 1908. – №1. – С. 17-21.

27. Протокол заседания Общества астраханских врачей, посвященного памяти доктора А.Е.Ваденюка, 30 апреля 1893 г. // Протоколы Общества астраханских врачей. – Астрахань: б.и., 1894. – С. 1–3.

28. Райкова С.В., Завьялов А.И., Луцевич И.Н., Мясникова И.В. Научно-практический вклад Общества санитарных врачей в развитие здравоохранения и становление санитарной службы в Саратовской губернии в конце XIX – начале XX вв. // Саратовский научно-медицинский журнал. – 2011. – Т. 7. – № 1. – С. 176–182.

29. Редакционная статья // Известия Общества астраханских врачей. – 1908. – № 1. – С. 2–5.

30. Сизых Т.П. К 150-летию общества врачей Восточной Сибири // Сибирский медицинский журнал (Иркутск). – 2005. – Т. 53. – № 4. – С. 83–89.

31. Совещание о холере // Известия Общества астраханских врачей. – 1908. – № 2. – С. 61–62.

А.М. Джалаева, А.Н. Команджаев

Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова

**Н.Н. ПАЛЬМОВ: «ЦЕЛЬ ТВОРЧЕСТВА – САМООТДАЧА...»
(К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)**

Несмотря на наличие более десятка статей о многогранной деятельности профессора Н.Н. Пальмова, его творческое наследие продолжает вызывать интерес исследователей. Ученый на стыке эпох, будучи далеким от политики, ранее являвшийся историком церкви Н.Н. Пальмов в раннесоветский период сконцентрировался на написании фундаментальных работ по истории калмыков и создании в Калмыцкой автономной области архивно-музейного дела. В данной статье авторы обращают внимание на некоторые идейные стороны его творческой биографии, а также ставят задачу обогащения и уточнения устоявшихся в историографии взглядов на основе привлечения дополнительных источников и литературы.

Ключевые слова: православная церковь, монашество, Астраханская губерния, история калмыцкого народа, архив, музей.

A.M. Dzhalayeva, A.N. Komandzhaev

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov

**N.N. PALMOV: "THE PURPOSE OF MY WORK IS SELF-DEVOTION"
(150th ANNIVERSARY OF PALMOV N.N.)**

The article is devoted to the work of N.N. Palmov in the Kalmyk autonomous region. The scientist has written many historical articles and books. Many scholars have been researching his works. Palmov N.N. worked at the crossroads of two centuries and he began his career as a researcher of the history of the Russian Orthodox Church. During early years of the Soviet Union Palmov focused on writing fundamental works on the history of the Kalmyk people and the establishment of archives and museums in the Kalmyk autonomous region. The authors of this article describe his ideological principles. The aim of their research was to learn more sources and books concerning the contribution of Palmov N.N. to historical science.

Key words: Russian Orthodox Church, monkhood, Astrakhan region, history of the Kalmyk people, archive, museum.

Изучение биографии Н.Н. Пальмова – это долг памяти о человеке, сумевшем в тяжелейших условиях послевоенной разрухи сохранить архивные сокровища калмыцкого народа, организовать собирание и хранение документов новой эпохи, создать первый научный труд по калмыцкой истории. О Николае Николаевиче Пальмове в отечественной историографии написано достаточно много. Пальма первенства, на наш взгляд, принадлежит работам, в которых исследовались те или иные аспекты его многогранного научного творчества [4; 5; 6; 7; 8; 18]. Также достаточно много статей, представивших ретроспективный обзор его богатой биографии.

Н.Н. Пальмов родился 8 (21) декабря 1872 г. в потомственной священнической семье в г. Астрахань [4, с.36]. Основателем династии являлся его прадед о. Иаков Тихонович, служивший в городской Смоленской церкви. Дед Гавриил Яковлевич, прослужив после обучения в духовной семинарии несколько лет в этой же церкви и в кафедральном Успенском соборе, уже в сане протоиерея с 1972 г. стал настоятелем

Астраханского кафедрального собора. Исследователи признают, что, являясь преподавателем разных учебных заведений, о. Гавриил был очень известным в интеллектуальной жизни Астрахани человеком. Это неудивительно, поскольку именно духовенство в силу наследственной грамотности и традиций, со своими учебными заведениями, архивами и библиотеками, являлось в изучаемый период одним из важных источников формирования творческой и научной интеллигенции России [25, с. 165–166]. Не случайно, что русское духовенство в силу определенных традиций потенциально являлось прежде всего сословием историков [2, с. 225]. О. Гавриил был знатоком и собирателем церковных древностей и старообрядческих рукописей. Современники видели в нем органичное сочетание ума, выдержанности, такта, особо выделяя такие черты его характера, как твердость и честность. Г.Я. Пальмов был награжден орденами св. Анны 2-й степени, св. Владимира 3-й степени, в результате чего приобрел потомственное (передаваемое по наследству) дворянство. Его сын Николай, родившийся в 1845 г., после завершения учебы в Киевской духовной академии, прослужив недолгое время в Пермской и Черниговской духовных семинариях, вернулся в Астрахань. Здесь он, возведенный в сан протоиерея, служил в кафедральном Успенском соборе, являлся преподавателем истории и законоучителем в Мариинской женской гимназии и Астраханском епархиальном женском училище [25, с. 166].

В рассматриваемый нами период историко-краеведческая традиция стала явлением общественно значимым и распространилась на большинство губернских центров европейской части России. В русле этой традиции в Астрахани было создано в 1872 г. Петровское общество исследователей Астраханского края (ПОИАК). Н.Г. Пальмов был его действительным членом по историко-этнографической секции. Он и его коллеги разработали программу исследований, на основе которой проводились изыскания по истории татарского и калмыцкого народов. Совместно с секцией натуралистов, в которую входил В.А.Хлебников, попечитель Малодербетовского улуса, они подготовили экспозицию, представленную на Казанской научно-промышленной выставке 1890 г. В.А.Хлебников за коллекцию птиц и зверей Астраханского края был удостоен Большой серебряной медали [29, с. 1414]. Н.Г.Пальмов подготовил экспонаты, характеризующие быт астраханских калмыков, а также альбом историко-этнографических фотографий. На одной из площадок выставки, в Державинском саду, была установлена калмыцкая кибитка. Этнографическая коллекция, вызвавшая живой интерес посетителей, была отмечена почетными дипломами. Астраханский отдел Казанской выставки 1890 г., подготовленный членами ПОИАК, стал основой для открытия в 1897 г. краеведческого музея в Астрахани [17, с.176–177]. Неустанный подвижнический труд Н.Г. Пальмова не остался без внимания. Он был награжден орденом св. Владимира 3-й степени, а также серебряной медалью на Александровской ленте [4, с. 4].

Его сын, Николай Николаевич Пальмов, в русле семейных традиций, завершив духовную семинарию в Астрахани, продолжил обучение в Киевской духовной академии, в которой получил глубокое образование, изучая как светские, так и религиозные предметы. Его кандидатское сочинение «Чинопоследования пострижений в монашество (историко-археологическое исследование)» было написано по теме, которую предложил известный в то время исследователь в области христианского богослужения профессор А.А. Дмитриевский, который дал работе Н.Н. Пальмова очень высокую оценку [25, с. 167]. История монашества была одной из популярных тем среди студентов духовных академий рубежа XIX–XX вв. Избравшие её стремились рассмотреть и изучить монашество с точки зрения христианской нравственности и аскетики

не только и не столько для интеллектуального развития, сколько для духовного самовоспитания. Не удивительно, что эта тема оказалась созвучной всей последующей достаточно аскетичной жизни Н.Н. Пальмова.

После академии Н.Н. Пальмов преподавал гомиетику (учебная дисциплина, посвященная искусству проповедничества) в Псковской духовной семинарии, космографию и географию в Псковском епархиальном женском училище. В январе 1901 г. он стал преподавателем латинского языка в Киевской духовной семинарии, в которой в 1914 г. возглавил кафедру археологии. Этот действительно успешный для Н.Н. Пальмова год был отмечен защитой его магистерской диссертации «Пострижение в монашество: чины пострижения в монашество в греческой церкви», опубликованной в том же году [25, с. 168–169]. Это сочинение Николая Николаевича является последней фундаментальной работой на русском языке, посвященной историческому описанию чинов монашеского пострига. Позже, уже после революционных событий, в феврале 1918 г. Пальмова избрали на должность экстраординарного профессора по кафедре археологии в духовной академии, однако дни его службы в духовной школе были сочтены.

Н.Н. Пальмов являлся деятельным членом с 1912 г. Несторианского исторического общества в Киевском университете. В разное время общество Нестора-летописца возглавляли профессора В.Б. Антонович, М.Ф. Владимирский-Буданов. Они составили первое поколение киевской исторической школы, которая развивалась в рамках общероссийской историографии в пореформенный период. Характерным для этого направления было проявление интереса к источнику в противоположность интересу к обобщениям. И Антонович, и Владимирский-Буданов учили историков в первую очередь понимать язык документальных источников, анализировать их [16, с.66–67]. Помимо исследовательских принципов Пальмов воспринял, по нашему мнению, интерес к истории как к истории народа, который являлся основой взглядов Антоновича, считавшего, что изучение истории – это «народное самопознание», и «чем болееносится в него света, правды и науки, тем выше, нравственное, а следовательно, и могущественнее становится данный народ» [16, с. 60].

После прихода большевиков к власти и отделения церкви от государства финансирование духовной академии практически прекратилось. Пальмов оказался без средств к существованию и в 1918 г. принял приглашение на кафедру истории и теории искусств новоиспеченного Астраханского краевого университета. Идея о его открытии была предложена ещё в начале XVIII в. выдающимся ученым Г.В. Лейбницем Петру I во время их дружеских встреч на немецкой земле. По проектам Лейбница, Астрахань должна была сделаться центром русско-азиатского юго-восточного просвещения, «вмещать в себе святилище наук с открытыми аудиториями как для русских, так и для азиатов» [14].

В весеннем полугодии 1918/1919 учебного года Н.Н. Пальмов читал курс «История искусств в связи с археологией Астраханского края» [12, с. 109]. При его участии были подготовлены первые выпуски «Ученых записок» университета. Помимо этого на заседании созданной им научной ассоциации он выступил с докладом по теме «Хазарские владения в IX и X веках», а также подготовил историко-археологический очерк «Прошлое Астраханского края». Выдающийся востоковед академик В.В. Бартольд выражал личную благодарность профессору Н.Н. Пальмову за предпринимаемые им попытки обследовать астраханские древности, но вскоре эти изыскания пришлось свернуть. В конце 1919 г. поступило распоряжение Наркомпроса РСФСР о закрытии университета, «так как не было преподавателей, не было и зданий» [12, с. 114].

Это был «утопический» период высшей школы первых послереволюционных лет, когда учебные заведения открывались без должного материально-финансового и кадрового обеспечения. Позднее от наиболее смелых проектов пришлось отказаться. Астраханский университет был преобразован в медицинский институт имени А.В. Луначарского [12, с.110].

В марте 1921 г. профессор Н.Н. Пальмов возглавил архивно-музейную секцию отдела народного образования ЦИК Калмыцкой автономной области [см. 6, с. 76–89]. Обращает на себя внимание то, с каким энтузиазмом просветитель Пальмов воспринял новую эпоху с её мощным социальным запросом на популяризацию научного знания. Его интерес к истории калмыков был столь же адекватен своему времени, которое британский историк Э.Г. Карр охарактеризовал как период, когда народы, «входящие в историю как полноправные члены», стали изучаться «не колониальным администратором или антропологом, а историком» [9, с. 173]. Это означало переход от фиксации эмпирических данных к их систематизации, максимально объективному использованию при реконструкции прошлого.

В связи с этим его приход в архивную сферу был предопределен самим временем. В годы социальных катаклизмов приходит острое осознание глубинной сущности такого фундаментального основания исторической памяти, как архивов, в которых материализуется связь поколений. Союз российских архивных деятелей (РАД), созданный профессиональными историками и архивистами, смог сохранить архивы от возможного их уничтожения во время безвластия 1917 г. [28, с. 280].

На основе проектов, разработанных задолго до октябрьских событий, был подготовлен и подписан В.И. Лениным в июне 1918 г. закон «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР», метко названный современниками «манифестом прав науки в архивах» [27, с.67]. Этим декретом была создана централизованная система государственного управления архивным делом с выделением последнего в самостоятельную отрасль. В соответствии с этим законом архивы были переданы в специально образованные государственные хранилища, а также узаконено их постоянное комплектование материалами ведомств и учреждений. Многие сделал в строительстве новой архивной системы первый руководитель архивного ведомства Д.Б. Рязанов, сплотивший ведущих архивистов и историков страны. Социал-демократ западноевропейского типа, сторонник научного марксизма Рязанов наряду с председателями Союза РАД, академиками А.С. Лаппо-Данилевским и С.Ф. Платоновым, всегда оставался добросовестным архивистом-исследователем до своей трагической смерти (он был расстрелян в 1938 г.) [28, с.300].

По его предложению Главное управление архивным делом (ГУАД, Главархив) было включено в систему Наркомата просвещения и поставлено на фундамент государственного финансирования. По существу, это являлось реализацией планов российских архивистов еще с середины XIX в. Таким образом, приглашение профессора Н.Н. Пальмова на работу отражало тенденцию на научную ориентацию архивов, заложенную Рязановым, хотя он к тому времени уже был смещен со своего поста.

После отстранения Рязанова имели место негативные тенденции в истории отечественных архивов, связанные с ведомственным подходом к ним и с политизацией архивов, которые историками и архивистами с большим трудом преодолевались в 1918–1920-х гг. [28, с.301]. В архивном ведомстве начались серьезные перемены. Главархив с переподчинением ВЦИК был переименован в Центрархив РСФСР во главе с М.Н. Покровским. Местные органы управления архивами с 1922 г. стали

называться архивными бюро, состоявшими при секретариате президиумов исполкомов, что значительно понижало их статус. В 1925 г. архбюро были переданы под руководство президиумов исполкомов.

Многие архивные деятели на местах, как и профессор Пальмов, надеялись переждать эту вспышку «административного» рвения, полагаясь на собственное понимание ценности архивных документов и своего профессионального и патриотического долга. С энтузиазмом Николай Николаевич стал приводить в порядок пострадавший в период гражданской войны архив бывшего Управления калмыцким народом, который являлся наиболее полным хранилищем документов по калмыцкой истории. Работать приходилось в неимоверно трудных условиях. При переходе к нэпу содержание госучреждений переводилось на местные средства, которых в пораженной голодом Калмыцкой области катастрофически не хватало. В 1922 г. в Калмархивбюро оставалось всего две штатные единицы. Было отключено отопление, освещение сводилось к минимуму. Экономить приходилось на всем. Часть расходов, в частности, на машинисток, Пальмов оплачивал из своей скудной зарплаты. То, что удавалось выкроить, шло главным образом на активную публикационную деятельность архива.

К сожалению, так и не был утвержден подготовленный в Центрархиве РСФСР проект нормативного акта «О введении в действие Положения о порядке издания архивных материалов», призванный передать архивному ведомству исключительное право публикации архивных документов [10, с. 3–16]. Архивам приходилось выплачивать значительные средства издательствам. В небольшой заметке областной газеты «Красная степь» 1 ноября 1926 г. сообщалось: несмотря на острую нужду в деньгах, Н.Н. Пальмов отказался от гонорара за свои труды. С его согласия средства, полученные от реализации его книг, решено было обратиться в фонд на издание трудов Калмархивбюро [11]. Известного учёного регулярно приглашали в Москву на конференции и съезды архивных деятелей, историков. Но он неизменно отвечал вежливым отказом, чтобы не тратить бюджетные средства на поездки. Показательна запись в протоколе заседания Президиума Калмоблисполкома от 7 декабря 1928 г.: «ценнейший работник Пальмов работает у нас с 1921 года и за все эти 7 лет ни разу не пользовался отпуском, объясняя это тем, что не на кого оставить отдел. А компенсацию за неиспользованные отпуска не получал просто из-за чрезмерной скромности» [НА РК. Ф.Р-71. Оп.1. Д.6. Л.121]. Он иногда был вынужден пропускать заседания облисполкома, на которых обсуждались подготовленные им материалы, из-за чрезмерной занятости.

Сотрудничество, сложившееся в первые послереволюционные годы в архивной сфере между учеными и властью, привело к ряду успехов в переходный период, совпавший с первой половиной 1920-х гг. Вершиной архивоведческой мысли стало определение основополагающего понятия «архивный фонд», принятого на I съезде архивных деятелей РСФСР в марте 1925 г. В послеоктябрьский период, до прихода М.Н. Покровского к руководству архивным делом, шел активный процесс разработки архивной терминологии, начало которому положил А.И. Андреев, ученик академика А.С. Лаппо-Данилевского [15, с.322]. Это напрямую было связано с принципами пофондового формирования архивного наследия государства. В связи с этим важное значение приобрело понимание архивного фонда как целостного объекта. В.Н. Автократов, ученик А.И. Андреева в Историко-архивном институте, по этому поводу писал: «В процессе документирования деятельности возникают информационные связи между документами, а в самом фонде складываются скрепленные этими связями структуры документов» [1, с.114].

Архивный фонд утвердился как основная классификационная и учетная единица. Альтернативы пофондовому сохранению архивных документов и по сей день не найдено. Декретом 1 июня 1918 г. в РСФСР был создан и взят под централизованное управление Единый Государственный Архивный Фонд (ЕГАФ) – национальное документальное наследие. В 1925 г. ЕГАФ был разделен на дореволюционные документы, хранящиеся в исторических архивах, и советские – в архивах Октябрьской революции. Рубежной точкой для этого разделения являлся 1917 г. Следом была приведена в соответствие с этим архивным законодательством структура Калмыцкого облархива. Его сотрудники приступили к планомерной деятельности по учету, комплектованию и описанию архивных документов. В 1928 г. архив принял на хранение 47 фондов пореволюционного периода.

1920-е годы явились наиболее плодотворным периодом в научной биографии профессора Н.Н. Пальмова. Разработка калмыцкой истории стала органичным продолжением его архивной деятельности. Наряду с этим он был вовлечен в бурную преподавательскую и культурно-просветительную работу в самых разных её формах. Пальмов преподавал историю калмыков во всех астраханских учебных заведениях (педтехникум, рабфак, совпартшкола), в которых происходила подготовка кадров для Калмыцкой автономной области. В итоге менее чем за три месяца сложился «Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России» [19]. Это был первый опыт связного изложения калмыцкой истории XVII – первой четверти XIX вв. Размышлениями по этому поводу он делится со своим другом Х.Б.Кануковым: «Положение – похожее на то, как делаются просеки в дремучем лесу; совершенно такое же, потому что, как и сами Вы знаете, по первоисточникам калмыцкой историей никто раньше не занимался и поэтому нельзя воспользоваться ничьими раннейшими трудами, хотя бы по части материалов... Конечно, налицо – немалая затрата сил, главное же, вечное беспокойство, внушаемое сознанием долга быть безупречным с точки зрения исторической правды в своих писаниях» [24, с.17]. Этому труду ждали. Для народа, обретшего территориально-национальную автономию, обращение к своей истории диктовалось стремлением избавиться от комплексов национально-исторической неполноценности, обозначить перспективы собственного будущего в новом государстве.

Наиболее подробное освещение калмыцкая история получила в его «Этюдах по истории приволжских калмыков», явившихся основным трудом Н.Н. Пальмова, завершённым осенью 1929 г. [21]. «Этюды» состоят из тематических блоков, выстроенных в хронологической последовательности и отражающих поэтапное освоение и осмысление ученым архивного материала. Они изданы в 5 частях: 1-я часть освещает факты калмыцкой истории до 1737 г.; во 2-й части опубликованы очерки автора о различных событиях и лицах в 1738–1764 гг. с дополнениями к 1-й части; в 3-й книге, в которую вошли 3–4 части, Пальмов анализирует причины ухода большей части калмыков в 1771 г. в Джунгарию. 5-я часть «Этюд» (Дела земельные) обозначила политические и аграрные проблемы. Историк-профессионал, владевший приемами исторической критики, объективным подходом к оценке прошлого, Пальмов избегает всякого теоретизирования, обобщения, подчинения исторического материала абстрактным концепциям. Упреждая будущих критиков, он отмечает, что всестороннее исследование калмыцкой истории настоятельно требует предварительного сбора и публикации источников и, в первую очередь, архивных [5, с. 28].

В 1929–1930 гг. по просьбе Н.Н. Пальмова член-корреспондент АН СССР С.К. Богоявленский, один из известных историков «школы Ключевского», выявил в Дрвнлехранилище (ныне Российский государственный архив древних актов)

содержательные материалы по истории калмыцкого народа первой половины XVII в., имевшиеся в фонде Посольского приказа [3]. Дальнейшие разыскания Пальмова в Астраханском и Калмыцком архивах кардинальным образом расширили рамки созданной им истории калмыцкого народа, наполнив её, как мы сегодня выразились бы, антропологическим содержанием. В 1929–1933 гг., в последний период жизни, Пальмов создал очерки о культуре, быте калмыков. За годы кропотливого труда сложилась структура его будущей книги о «племенном составе» калмыков с разделами: донские калмыки, оренбургские и уральские, терские, чугуевские, томуты и шереты. В 2007 г. эти бесценные рукописи были опубликованы в сборнике неизданных трудов Н.Н. Пальмова «Материалы по истории калмыцкого народа за период пребывания в пределах России», с обязательным в подобных изданиях научным сопровождением [23].

В 1931 г. заведующий агитационно-пропагандистским отделом Нижневолжского краевого комитета ВКП (б) Г.И.Бройдо предложил Николаю Николаевичу сотрудничество с кафедрой калмыковедения, созданной в Саратовском вузе (преобразованном в 1932 г. в Нижневолжскую высшую коммунистическую сельскохозяйственную школу). Ученый ответил согласием и с энтузиазмом принялся составлять программы работ, собирать библиотеку, выписывать редкие книги из центра, делать из них выписки и т.д. К весне 1933 г. общий объем подготовленных им материалов, отправленных в рукописном виде в Саратов, составил 745 страниц [26, с.68–69]. Судьба их остается неизвестной.

26 марта 1932 г. Пальмов писал Канукову: «С отъездом т. Бройдо в Москву пропала надежда на издание при посредстве Нижне-Волжского Краевого Коммунистического университета...» [24, с. 55]. Написанная по предложению кафедры калмыковедения статья «Музыкальные инструменты у калмыков» не была опубликована, впрочем, как и другие три работы Пальмова, «на 500 свыше страниц», отправленные ранее [24, с. 65].

При непомерной загруженности Пальмов не оставался архивным затворником. Его статьи регулярно появлялись в калмыцкой и астраханской периодической печати. Написанные понятным и интересным широкой читательской аудитории языком, они носили не только просветительский, но и прикладной характер. В них содержались исторические сведения о природных и производственных ресурсах края и области, о традиционных промыслах, ремеслах его жителей. Он полагал, что они могут оказаться полезными при народнохозяйственном планировании Калмыкии.

Пальмов являлся продолжателем традиций целого поколения историков-краеведов, которое сформировалось в условиях пореформенной России. Их отличительной особенностью являлись альтруизм и огромное трудолюбие, бескорыстие и горячая увлеченность историей родного края, историей и этнографией нерусских народов, проживавших рядом с ними. К сожалению, его интеллигентские базовые ценности социального прогресса не понимал глубоко почитаемый им учитель, известный литургист, церковный историк, богослов А.А. Дмитриевский. Его «имперскость» объясняется принадлежностью к элитарной корпорации церковного управления и образования (в 1907–1918 гг. Дмитриевский был ученым секретарем Императорского Православного Палестинского общества). В 1926 г. А.А. Дмитриевский в письме к протоиерею Иоанну (И.Н.) Королькову, бывшему коллеге по Киевской духовной академии, сожалел, что Пальмов, оставив любимую науку, «совершенно окалмычился» и «печатает историю калмыцкого народа под девизом «пролетарии всех стран, соединитесь» [25, с.170].

Период с 1917 по 1927 гг. нередко называют, по выражению С.О. Шмидта, «золотым веком» краеведения. Его отличительной чертой была тесная взаимосвязь с академическими учреждениями и учеными. Статья Пальмова «К астраханскому периоду жизни В.Н. Татищева» вышла в «Известиях Российской Академии наук» двумя частями – в 1925 и 1928 гг. [20]. Она была представлена к публикации С.Ф. Платоновым, что свидетельствует о том, что исследовательская методика Пальмова импонировала представлениям академика об источнике и методах его обработки. Еще одна статья Пальмова вышла в этом издании по представлению востоковеда С.Ф. Ольденбурга.

По заданию Института востоковедения АН СССР Пальмов провел выявление документальных материалов о каракалпаках в Астраханском облархиве. Составленный им обзор этих источников вошел в уникальный по своей значимости сборник «Материалы по истории каракалпаков» [22]. Позднее эта книга была изъята из библиотек, вероятно, на том основании, что часть каракалпаков в отдаленном прошлом участвовала в этногенезе крымскотатарского народа, репрессированного в 1944 г. На их основе Пальмов также написал работу «Заволжские и приволжские кочевники в их взаимоотношениях в первой половине XVIII века». Она упоминается в переписке с Кануковым, но следов её обнаружить не удалось. Из этой проблематики возник замысел статьи «Абулгази в калмыцких кочевьях», которая стала последней завершённой работой ученого. Её рукопись хранится в Архиве востоковедов СПбФ ИВ РАН. Она была принята к изданию в Ленинграде, но в печать не вышла. Об этом свидетельствует хранящийся в деле машинописный экземпляр статьи «Абулгази в калмыцких кочевьях» с редакторской правкой.

С 1929 г. – года «великого перелома» – начался самый драматический период истории отечественного архивного строительства. Он отмечен такими катастрофическими для архивов явлениями, как «макулатурные» кампании и массовые «чистки» архивных кадров [27, с. 354]. В соответствии с «сословным» методом классовой идентификации Пальмов носил двойное клеймо: сын священника и дворянин. 25 марта 1931 г. на заседании президиума Калмоблисполкома было принято постановление: «1. Ввиду наличия материалов о прошлой реакционной деятельности проф. Пальмова возбудить перед Президиумом ВЦИК ходатайство об отмене представления Пальмова к награждению орденом Трудового Красного Знамени. 2. Снять проф. Пальмова с должности заведующего Калмархивбюро, поручив Совкультстрою подыскать на указанную должность соответствующего кандидата» [НА РК. Ф.Р-3. Оп.2. Д.1600. Лл. 68, 73]. Это решение было столь абсурдным в отношении известного ученого и несвоевременным, что с его реализацией не стали спешить. Пальмов в это время был всецело занят подготовкой исторических справок в ответ на запросы, поступающие в облисполком из центра в связи с приближающимся празднованием 10-летия автономии Калмыкии, перенесенным с 1930 года.

Свое бескорыстное служение науке и организации музейно-архивного дела он считал служением народу. Исходя из этого предназначения своей деятельности Н.Н. Пальмов был лоялен по отношению к советской власти и готов был сотрудничать с ней. Его политическая индифферентность не противоречила активной общественной позиции, направленной на популяризацию исторических знаний и приобщение большого числа людей к историко-культурному наследию. Пальмов был полон замыслов и надежд, которыми он поделился с Кануковым 31 декабря 1932 г. в последнем письме другу (7 февраля 1933 г. Харги Бадиевич скончался): «Когда-то Вы писали, что при взаимных усилиях мы сдвинем гору. Пусть не гору, но, во всяком случае, «бугор»

истории поддастся нашим дружеским усилиям. Вы займетесь калмыцкими текстами, а я буду предлагать Вам старинные их переводы. Этой работы хватит не на один только наш век – оставим много и потомкам, главное же – покажем им дорогу...» [24, с. 102].

Взаимоотношения Пальмова с историками «новой генерации» складывались доброжелательно. Когда в Калмыцкий облархив приехал завкафедрой калмыковедения Саратовского комвуза Г.З. Минкин, Пальмов оказал ему всяческую помощь: проводил с ним беседы по калмыцкой истории, консультировал по вопросам работы с источниками, подбирал для него материалы. Многие представители историков-марксистов стремились построить исследование на полной источниковой базе. «До тех пор, пока мы будем целиком переключать такую работу на беспартийных специалистов, как якобы чисто «техническую», мы не станем сами настоящими специалистами», – заявлял Н.М. Лукин, стоявший у истоков советской исторической науки [13]. Историки – бойцы общего социалистического фронта – должны быть не только идеологически и политически выдержанными, но и улучшать качество исследовательской методики. О Г.З. Минкине Пальмов сообщал в письме Канукову от 31 декабря 1932 г.: «На меня он произвел впечатление дельного человека и осведомленного в калмыцкой экономике за XIX век, материалы по которой он собирал несколько месяцев в Ленинграде. У нас он проработал 15 дней... и уехал с немалыми приобретениями, причем обещался приехать осенью на два месяца, чтобы продолжить изучение документов XVIII в., читать которые он стал учиться у нас, так как до сих пор ему не приходилось иметь дела с старинным письмом... Сотрудниц моих привлек к делу выборки материалов о Гражданской войне в Калмыкии» [24, с.103]. Через полгода вышла статья Минкина «О феодализме в Калмыкии», а затем и другая – «Колониальная политика царизма в Калмыкии во второй половине XIX и начале XX в.». В советской исторической науке уже не один год, начиная с 1929-го, шли дискуссии, касающиеся формационных проблем. Начинаящий историк Г.З.Минкин своими работами обозначил себе приоритет в постановке проблемы феодальных отношений у калмыков, однако к научным занятиям более не возвращался. Он был скорее пропагандистом. В саратовском журнале «На культурфронте» Минкин выступил с памфлетом «Огонь по проповедникам помещичье-буржуазных взглядов в исторической науке» [о проф. П.Г. Любомирове]. Это был известный специалист в области социально-экономической истории России XVII и XVIII вв., на протяжении десяти лет возглавлявший кафедру русской истории Саратовского университета. Его исследования внесли важный вклад в изучение развития промышленности в России. Из-за критики и необоснованных политических обвинений со стороны своего бывшего подопечного Любомиров вынужден был уехать из Саратова в Москву, подвергся краткосрочному аресту по «Академическому делу» и вскоре умер. Вероятно, Минкину профессор Пальмов представлялся таким же «буржуазным историком», и он по возвращении из Астрахани прервал с ним контакты.

В раннесоветский период положение «буржуазного историка», по терминологии того времени, определяли не столько социальный и политический факторы, а, скорее, дореволюционный статус ученого, обусловленный его авторитетом и научным потенциалом. Вокруг ученого образовывался вакуум. Немногочисленные представители дореволюционной и первого поколения советской интеллигенции Калмыкии были репрессированы. Сузился круг лиц, с кем Пальмов мог советоваться и обсуждать вопросы калмыковедения, поскольку была разгромлена уникальная петербургская школа востоковедов, а В.Л. Котвич еще ранее, в 1923 г., уехал в Польшу. С.Ф. Платонов, как главный фигурант сфабрикованного «Академического дела», был арестован в

январе 1930 г. и вскоре умер в ссылке. С.К. Богоявленский, проходивший по этому же процессу историков, был сослан в Сибирь. В декабре 1932 г. Пальмов писал Канукову: «...погрузившись в свои изыскания и по необходимости оторвавшись от живых людей, я чувствую себя... совершенно одиноким и только в труде ищу забвения своего одиночества... Что же можно извлечь выгодного из того «чудака», который углубился в чтение пожелтевших от времени фолиантов со странными крючками вместо букв и что-то такое пишет, пишет – «никому не нужное» (слышу часто)» [24, с.92].

Силы Н.Н. Пальмова были на исходе. Сказывались последствия многолетнего труда без отдыха и разделения времени на служебное и личное, постоянная материальная нужда. Николай Николаевич скончался в Астрахани по дороге в архив 11 февраля 1934 г.

В Калмыкии высоко чтят его имя и дела. В 1968 г. Национальному музею Калмыкии было присвоено имя профессора Н.Н. Пальмова. Давно назрела необходимость переиздать его «Этюды по истории приволжских калмыков». Остается неизвестной судьба его научных материалов, выполненных для кафедры калмыковедения Саратовского комвуза и отправленных туда. Дальнейшее исследование и публикация научного наследия Н.Н. Пальмова – достойный способ продлить его существование в нашей интеллектуальной жизни.

Архивные источники

НА РК – Национальный архив Республики Калмыкия

Список литературы

1. Автократов В.Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения. – М.: РГГУ, 2001. – 402 с.
2. Бердинских В.А. Уездные историки: русская провинциальная историография. М.: Новое литературное обозрение, 2003. – 528 с.
3. Богоявленский С.К. Материалы по истории калмыков в первой половине XVII в. // Исторические записки. 1939. Т.5. – С.48–101.
4. Бурчинова Л.С. Ученый, педагог, человек: биографический очерк о Н.Н. Пальмове. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1978. – 36 с.
5. Бурчинова Л.С. Предисловие // Пальмов Н.Н. Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. 2-е изд. – Элиста: Калм.кн.изд-во, 1992. – С. 5–25.
6. Гучинов М.И. Н.Н. Пальмов – организатор архивного дела в Советской Калмыкии // Вестник Калмыцкого НИИЯЛИ. Вып.11. Сер.истор. – Элиста: КНИИЯЛИ, 1974. – С.76–89.
7. Джалаева А.М. К биографии профессора Н.Н. Пальмова // Пальмовские чтения: материалы региональной научно-практической конференции. – Элиста: [б.и.], 2003. – С. 54–60.
8. Джалаева А.М. Предисловие // Пальмов Н.Н. Материалы по истории калмыцкого народа в период пребывания в пределах России. – Элиста: Калм.кн.изд-во, 2007. – С.3–25.
9. Карр Э.Г. Что такое история? Рассуждения о теории истории и роли историка. Пер. с англ. Б.Д. Джоламановой. – Алматы: ЖетіЖаргы, 1997. – 208 с.
10. Копылова О.Н., Хорхордина Т.И. Централархив РСФСР в 1920-е гг.: новый курс руководства архивной отраслью // Отечественные архивы. 2018. №2. – С. 3–16.
11. Красная степь. 1926, 1 ноября.

12. Левина Т.А., Чуйков Ю.С. К истории первого Астраханского университета (первый выпуск Медицинского института имени А.В. Луначарского) // Астраханский вестник экологического образования. 2017. №4 (42). – С. 108–120.
13. Лукин Н.М. За большевистскую партийность в исторической науке // Историк-марксист. 1931. Т. 22. – С. 3–10.
14. Марков А. Мечты об Астраханском университете // Астраханские известия. 2002. №23. 6–12 июня.
15. Медушевская О.М. История науки как динамический процесс. К 120-летию со дня рождения А.И.Андреева // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2008. №4. – С. 312–328.
16. Михальченко С.И. Киевская историческая школа // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т.64. Вып.1. – С. 53–69.
17. Назипова Г.Р. «Наше время – эпоха выставок»: к истории выставочной деятельности научного сообщества Казани (XIX – начало XX в.) // Известия Алтайского государственного университета. 2008. Т. 4-3 (60). – С. 173–178.
18. Наберухин А.И. Н.Н. Пальмов об эволюции политического строя Калмыцкого ханства // Вестник Калмыцкого НИИЯЛИ. Вып. 11. Серия историческая. – Элиста: КНИИЯЛИ, 1974. – С. 23–28.
19. Пальмов Н.Н. Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. – Астрахань: Калм.кн.изд-во, 1922. – 139 с.
20. Пальмов Н.Н. К астраханскому периоду жизни В.Н. Татищева // Известия Российской Академии наук. Отделение исторических наук и филологии. – Л.: 1925. №6-8. С.201–216.; Известия Академии наук СССР. VII серия. Отделение гуманитарных наук. – Л.: 1928. С.317–342.
21. Пальмов Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков. – Астрахань: Калм. обл.исполн.ком-т, Ч.1: XVII и XVIII вв. 1926. – 264 с.; Ч.2: XVIII в. 1927. – 231 с.; Ч.3-4: Ограничительные мероприятия правительства в отношении к калмыкам. 1929. – 392 с.; Ч.5: Дела земельные. 1932. – 186 с.
22. Пальмов Н.Н., Пономарев А.И. Печатные и рукописные исторические известия о каракалпаках на русском языке // Материалы по истории каракалпаков. Сборник. Труды института востоковедения АН СССР. Т. VII. / Редактор издания А.Н. Самойлович. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. – С. 145–256.
23. Пальмов Н.Н. Материалы по истории калмыцкого народа за период пребывания в пределах России. Сост., вступит.ст. и примеч. А.М.Джалаевой. – Элиста: Калм. кн.изд-во, 2007. – 462 с.
24. Письма Н.Н. Пальмова Х.Б.Канукову. – Элиста: Калм.кн. изд-во, 1968. – 109 с.
25. Сухова Н.Ю. Учитель и ученик: письма 1897–1914 гг., связующие А.А. Дмитриевского и Н.Н. Пальмова // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2015. Вып. 4 (12). – С. 164–241.
26. Тапкина А.О. Неопубликованные труды профессора Н.Н. Пальмова. // Вестник КНИИЯЛИ. Вып.11. – Элиста: 1974. – С. 68–69.
27. Хорхордина Т.И. История и архивы. – М.: РГГУ, 1994. – 358 с.
28. Хорхордина Т.И. Российские архивы и общество в революциях начала XX века // Труды по руссиеведению. 2009. Вып. 1. – С. 270–305.
29. Чуйков Ю.С. Владимир Алексеевич Хлебников – «неизвестный» орнитолог // Русский орнитологический журнал. 2011. Т.20. Экспресс-выпуск. №673. – С. 1411–1419.

С. Лаванд, П.М. Кольцов

Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова

АНТИОХИЯ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I В. Н.Э.

В этом исследовании рассматриваются четыре важных события, связанные друг с другом в возникновении христианства, произошедшие за короткий промежуток времени, между четвертым и восьмым десятилетием первого века н.э., а именно: возникновение христианской общины в Антиохии; основание христианского богословия апостолом Павлом; его апостольские походы; утверждение христианской религии в Антиохии. Последнее событие происходит на фоне ослабления тенденции к христианизации в Иерусалиме, где христианство походило на секту внутри самой еврейской религии, в рамках которой Иисус мог считаться тем самым ожидаемым еврейским Мессией.

Для изучения распространения христианства в Антиохии необходимо в первую очередь рассмотреть различные особенности региона, которые и составляют исторический контекст произошедших событий. Именно на этот вопрос отвечает первая часть исследования, предоставляя обзор истории города и его стратегического положения, а также объяснение его политического, экономического, социального и культурного значения накануне появления христианства. Также затрагивается религиозная ситуация, сложившаяся в регионе в целом в тот период.

Ключевые слова: *Антиохия, возникновение христианства, Иисус, Павел, евреи, Сирия, эллинистические и римские времена.*

S. Lawand, P.M. Koltsov

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov

ANTIOCH AND THE EMERGENCE OF CHRISTIANITY IN THE FIRST HALF OF THE 1st CENTURY AD

This research highlights four critical events related to each other in the emergence of Christianity. They occurred in a short period of time extending between the fourth decade and the eighth decade of the first century AD. The authors mean the following events. The emergence of the Christian community in Antioch; the foundation of Christian theology there by Paul; his missionary journeys; the official establishment of Christianity. The last event took place after an irreversible departure from the Jerusalem Christian movement, which was more like a new sect within the Jewish religion itself, considering that Jesus is the expected Jewish Messiah.

But the question arises: What prompted all these events to happen specifically in Antioch and not in other cities? This is what the first part of the research answers by providing an overview of the city's history and its strategic location, and the explanation of its political, economic, social and cultural importance on the eve of the emergence of Christianity, and it explains the religious situation prevailing in the region in general during that period.

Key words: *Antioch, the emergence of Christianity, Jesus, Paul, Jews, the Hellenistic and Roman times.*

После смерти Александра Македонского осталось огромное наследие – империя, которую его полководцы поделили между собой. Сирия досталась Селевку I Никатору [5, р. 286], который основал там новый город в 300 г. до н. э. и назвал Антиохией,

в честь своего отца Антиоха. Однако Антиохия стала столицей зарождающегося государства только после прихода Селевка II, который перенёс туда центр управления [19, ص 67].

Антиохия была первой столицей Сирии, так как её цари Селевкиды известны как сирийские цари, и их войны с Птолемеями в Египте назывались Сирийскими войнами. Город оставался столицей около десяти веков, то есть с III в. до н. э. до VII в. н. э. Антиохия стала столицей подобно тому, как Дамаск стал столицей для государства Омейядов.

Поэтому Антиохию можно считать исторической столицей Сирии. Тем более, что на протяжении всей своей истории город сохранил древнюю культуру и сирийскую идентичность. Это был культурный центр, в котором нашли отражение все аспекты цивилизации, созданный культурой сирийского интеллектуального и религиозного плюрализма в эллинистическую эпоху, как глобальная всеобъемлющая культура [18].

Антиохия расположена на северо-западе Сирии, на южной окраине равнины Аль-Эмак. На востоке город граничит с горой Хабиба ан-Наджара (Silpius), которая является частью гор Джебель-эль-Акры, он ограничен на западе рекой Оронт, в 25 км от побережья Средиземного моря [22, ص 166, 167].

Месторасположение Антиохии имеет большое стратегическое значение, это выразилось в одном из самых известных и важных сражений в древней истории – битве при Иссе в 333 году до н. э. [8, p. 238]. Это также выразилось в современной истории, в том большом внимании, которое уделяла городу Франция во время оккупации Сирии, поскольку эта территория имела выход к морю от города Алеппо. Из-за важности этого региона для Турции Франция отделила эту землю от Сирии и передала ее туркам в 1939 г. [34, ص 189, 235].

Возвращаясь к периоду Селевкидов, мы отмечаем, что Антиохия имела большие достижения, в частности, в экономическом и культурном отношении во время правления Антиоха IV. И даже до этого, во время правления Антиоха III, несмотря на вступление его в проигрышную битву при Магнезии в 190 году до н. э. с римлянами в конце своего правления. За этим последовал Апамейский договор 188 г. до н. э., и это было отправной точкой римского влияния в Сирии после начала смещения глобального баланса сил в сторону Рима. Римляне не входили в город до 64 г. до н. э., вследствие чего Антиохия превратилась из столицы государства Селевкидов в столицу нового государства Сирия под руководством римской империи [3, p. 187, 197, 198].

Антиохию посещали многие императоры, начиная с Помпея, которые построили здесь целый ряд официальных и общественных объектов, таких как дворцы, стадионы, арки, храмы, башни и сады. Один из этих объектов – Базилика, построенная Юлием Цезарем в центре города. Она является самой старой базиликой на востоке. Снаружи главного зала стоят две статуи, одна из которых посвящена Цезарю, другая статуя – Риму, они придавали городу римские черты.

Август посетил город дважды. Здесь он провел местные Олимпийские игры, создал большую длинную мощеную улицу с кирпичными колоннами, бронзовыми статуями и много других объектов. Самые важные работы императора Тиберия – это постройка нескольких храмов и ремонт других, что значительно украсило окрестности города [19, ص 101- 113].

Антиохия отличалась уникальным и большим многообразием населения. Среди них можно назвать местных жителей (арамей) [1, соч. XVI, II, 6], вавилонян и представителей восточного Евфрата, Малой Азии, персов, греков и македонцев. Здесь же проживали римляне и жители еврейской общины [11, p. 219].

В эллинистические и римские времена евреи представляли собой смешанные племена, но они считали себя одним народом, причем «богоизбранным», верили в

единого Бога и подчинялись абсолютному правилу Торы, которое регулировало их религиозную, социальную и политическую жизнь [16, с. 17].

Антиохия значительно увеличилась в период «августовского мира» [2, р. 67]. Средний класс, владевший земельными участками средних размеров, был самым большим сегментом Антиохии, представляя 80% населения, а богатые и бедные составляли поровну остальные 20% [26, с. 73]. Средний класс стал основой общества, они были заняты на текстильном производстве, шили изделия из кожи, создавали в ювелирных мастерских украшения из серебра и золота, производили продукцию парфюмерии и масла. Кроме того, город был центром транзитной торговли, в том числе сельскохозяйственными товарами. В течение первого столетия нашей эры Антиохия считалась третьим городом после Рима и Александрии, что значительно повышало ее статус в Римской империи.

В культурном плане город развивался быстрыми темпами, эллинистическая культура доминировала, причем в ней присутствовали как греческие, так и местные, сирийские традиции. Со смертью императора Тиберия эллинистическая Антиохия стала римско-греческим городом, посещаемым путешественниками со всего мира [9, р. 34; 17, с. 235; 271; 283; 287]. В четвертом веке нашей эры об Антиохии писал знаменитый оратор Либаний. Он сказал: «можно простить тех, кто, поддавшись чарам этого города, забудет и о родителях, и о родной стране: ведь они увидели город, равного которому нет, и знают, что нигде не найдут ничего подобного ему» [23, с. 154].

Однако римская социальная модель была основана на неравенстве, которое являлось основной причиной всех зол. Рабство было основой общества, женщины находились в подчиненном положении по отношению к мужчинам. Большие привилегии имел только римский гражданин (мужчина). Несмотря на торговые поездки, обмены и открытия, многие люди жили замкнуто в сельских округах в рамках своего этнического мира [29, с. 99].

Народные слои Сирии общались по-прежнему на своем родном арамейском языке, а аристократический класс освоил греческий язык и культуру, искусство и общественная жизнь Греции распространились в нём [28, с. 101].

Август был убежден, что реформа в социальной сфере должна была привести к религиозному возрождению. Он надеялся, что люди будут больше понимать и принимать его реформы в области политики, если она будет тесно связана с римскими богами, поэтому император сам возглавил движение за возрождение официальной римской религии, которая стала терять свою популярность в массах. Он работал над повышением статуса жреческих групп, увеличивал их богатство, вступая в их ряды, посещая собрания и участвуя в их ритуалах. Август разрешил религиозные свободы людей в провинциях, но, в свою очередь, запретил египетские и сирийские верования в Риме, исключая евреев из этого запрета [20, с. 34-35].

Здесь мы должны рассматривать прямые корни, из которых официальная римская религия выводила свои доктрины, которые имели три основных источника: этрусский, греческий и местный итальянский. Латинские верования дали римлянам примитивных сельских божеств, магические ритуалы по повышению урожайности, ограниченные семейные богослужения. Этруски дали Риму более сложные божества восточного плодородия и сложные ритуалы, в то время как греки дали целый Пантеон богов. Римская религия была интегрирована в греческую форму верований, а затем стала ее наследницей. Это то, что мы ясно видим в сопоставлении римских олимпийских и греческих богов. В итоге, от греческой религии осталось только большое древо богов и громкие имена наиболее великих божеств.

Воскресение Лары (древнее римское божество, покровительствующее дому, семье и общине) и других древних богов, возобновление и расширение традиционных религиозных праздников и игр привел к строительству Августом новых храмов, общее число которых только в Риме составило 82 храма. Все эти и другие вещи не принесли плодов и не достигли успехов, потому что эта политика была противоположна естественной эволюции истории. Древние боги Рима, которые отражали жизнь ограниченного города (полиса), не соответствовали новым требованиям в условиях обширной глобальной империи.

Альтернатива в виде загадочных восточных культов, мистических религий и эллинистической философии значительно подрывали доверие к официальной римской религии [30, 103, 121, 124, 128]. Исходя из этого, христианство смогло найти свой путь. Но как это произошло?

Мы знаем, что евреи ограничивали всех, принимавших христианства, эллинское еврейско-христианское меньшинство стали преследовать, потому что они были менее консервативны и уважительно относились к поклонению в храме. Один из их членов, Стефанос, был забит камнями до смерти без приговора к смертной казни [15, 44]. Это событие привело к побегу этого меньшинства из Иерусалима и рассеяло их в остальных городах Сирии, где люди стали принимать христианство, поэтому Евангелие больше не ограничивается евреями. Распространение христианства происходило в Тире, Касерии и в других городах. Но самым главным был город Антиохия, ставший отправной точкой для создания новой независимой религии, где христиане впервые в истории были названы этим именем, после прибытия туда человека по имени «Саул» для изучения Закона [12, 367, 27, 11/26].

Саул родился в городе Тарсус в Килекии. Он был греком по образованию, римлянином по гражданству, евреем по религии и фарисеем по секте [31, 316]. Саул не признавал Иисуса при жизни и был одним из самых ярких противников его последователей. Он был не только свидетелем забивания камнями Стефаноса, но и даже участвовал в этой расправе. Во время одной из поездок в город Дамаск в мировоззрении Саула произошли радикальные изменения, из яростного противника последователей Иисуса из Назарета он становится самым страстным сторонником этой веры. Саул, имя которого стало Павел, описывает это изменение как чудотворное событие [14, 15].

Павел не только основал первую христианскую церковь в Антиохии [6, р. 2], но и сделал ее базой для своего миссионерского путешествия на запад для создания церквей и других христианских общин.

Его первая поездка была на Кипр и в Малую Азию, в Волгацию. Вторая поездка состоялась в Грецию, где самыми важными городами были Филипп, Салоники, Коринф и Афины. Его третье путешествие было похоже на второе, но оно было сосредоточено в городе Эфес, где Павел пробыл более двух лет. Однако Антиохия была тем местом, откуда Павел начинал свои путешествия [32, 70, 71]. Однажды, когда Павел хотел посетить Иерусалим на обратном пути из своего последнего путешествия, он так и не смог осуществить задуманное и вернулся в Антиохию, потому что некоторые евреи попытались его убить. После многочисленных неудачных попыток покушения Павел чудом спасся с помощью римской армии и был депортирован в город Кесарии, чтобы предстать перед судом [21, 70]. Однако, будучи римским гражданином, он потребовал, чтобы его дело было передано непосредственно Цезарю. Он отправился в Рим и был помещен под домашний арест на два года. С этого времени о нем не было известий.

Павел считался врагом иудаизма, потому что он призывал к освобождению от его закона [7, р. 126; 32, 23, 71]. Он сказал: «... человек оправдывается не делами закона, а только верою в Иисуса Христа...» [27, 2/16].

И он также сказал: «Итак, стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства. Вот я, Павел, говорю вам: если вы подвергаетесь обрезанию, не будет вам никакой пользы от Христа» [27، 5/1-2].

Таким образом, богословие Павла вызвало не только ненависть евреев, но и неизбежное противостояние «крещеных» евреев Иерусалимской церкви, которая заставляла проводить обрезание новых нееврейских новообращенных, а также мешала их участию в Евхаристии. Хотя Иерусалимский Синод был преисполнен решимости соблюдать только некоторые аспекты закона, а обрезание не было среди них, проблема оставалась нерешенной. Церковь Иерусалима по-прежнему неохотно относилась к христианам Антиохийской церкви как к равным по вере, а также не желала свободно общаться с ними [13، ص 51]. Это то, что мы видим у самого Петра, который занимал промежуточное положение между двумя общинами [25، ص 260]. Однако, когда он жил в Антиохии, то жил с христианами нееврейского происхождения, и сразу после прибытия в иерусалимскую общину он изменил свое мнение. За это Павел его сильно осуждал [13، ص 53؛ 27، 2/11].

Иерусалимская церковь не избежала преследования со стороны еврейских властей. Считается, что преследование привело к аресту Петра, убийству Иакова (брата Иоанна) и побиванию камнями главного священника Иакова, главы этой церкви, известного как «брат Господа» в 62 году, чтобы удовлетворить саддукеев [15، ص 47، 48]. Решающим фактором, который сохранял Иерусалимскую церковь от «гнетущих преследований», было соблюдение всех требований еврейского закона. А второй фактор заключался в том, что Иерусалимская церковь полагала, что эти крещёные евреи были последователями больше не существующего лидера и поэтому со временем потеряют свое влияние [25، ص 260].

В 70 г. н. э. римляне уничтожили Иерусалим и его знаменитый Храм. Это произошло через четыре года после восстания евреев против них. Это привело к переселению крещёных евреев в другие города [10، с. 171]. Некоторые из них воссоединились с другими христианами, а другие остались замкнутой группой, выступающей против открытости христианской церкви. Эта категория верующих стала существовать вне основного курса, в котором формировалась христианская религия, а затем рассматривалась как ересь под названием «евсионство» [14، ص 19؛ 24، ص 94].

Нет сомнения, что Иисус умер ещё до установления христианской религии в регионе и миссионерской деятельностью занимался Павел, первый богослов в христианстве, написавший 14 писем, которые являются самыми старыми записями в Новом Завете [14، ص 14].

Павел установил основы новой доктрины, которая гармонично сливалась с идеями большинства религиозных и философских течений своего времени, чтобы обеспечить успех этой новой религии [31، ص 317].

Богословие Павла проистекало из его духовного опыта, приобретенного по дороге в Дамаск. Этот город стал связующим звеном между двумя городами, в которых началось зарождение христианства в Сирии, сначала в Галилее, затем в Антиохии. Именно из Антиохии христианство стало распространяться по всему миру [33، ص 378].

Список литературы

1. Страбон. География Страбона. Пер. Ф. Г. Мищенко, К. Т. Солдатенкова. Москва, 1879. – книга XVI – С.684–725.
2. Bouchier. E. S. Syria as A Roman province, Oxford, UK, 1916. – 326 с.
3. Bryce. T. Ancient Syria a three thousand year history, Oxford University Press, United Kingdom, 2014. – 400 p.

4. De Giorgi. A.U. Ancient Antioch from the Seleucid era to the Islamic conquest, Cambridge university press, 2016. – 226 p.
5. Gates. C. Ancient Cities The archaeology of urban life in the Ancient Near East and Egypt, Greece, and Rome, Routledge, New York, 2011. – 474 p.
6. Hill. R. C. Reading the old testament in Antioch, Leiden-Boston, 2005. – 236 p.
7. Humphries. M. Early Christianity, Routledge, New York, 2006. – 288 p.
8. Klengel. H. Syria: 3000 to 300 B.C, Akademie Verlag, Berlin, 1992. – 276 p.
9. Sandwell. I. Late antiquity (Greeks, Jews and Christians in Antioch), Cambridge university press, 2007. – 324 p.
10. Snyder. G. H. Ancient Mediterranean religions (early Christianity), edited by Spaeth. B. S. Cambridge university press, 2013.
11. Tarn. W. W. Hellenistic civilization, revised by the author and Griffith. G. T. Cleveland, Third printing, 1964. – 372 p.
12. البباد. م. تاريخ المعتقدات والأفكار الدينية، ج2، ترجمة عبد الهادي عباس، دار دمشق، دمشق، ط1، 1987. – ص 461.
13. بابادوبولس. خ تاريخ كنيسة انطاكية، تعريب استفانوس حداد، منشورات النور، بيروت، 1984. – ص 948.
14. باللين. ك. تاريخ الكنيسة من فجر المسيحية إلى نهاية القرن الخامس عشر، دار شرقيات، القاهرة، 2004. – ص 327.
15. نيكسيديور. خ و كاتيفيه. ب. الحياة الدينية في سوريا قبل الاسلام (العصر الهليني و الروماني)، ترجمة موسى ديب الخوري، الأجدية للنشر، دمشق، ط1، 1996. – ص 140.
16. حلاق. س. مجتمع يسوع تقاليده وعاداته، دار المشرق، بيروت، 1998. – ص 195.
17. الحلو. ع. صراع الممالك في التاريخ السوري القديم ما بين العصر السومري وسقوط المملكة التدمرية. بيسان للنشر والتوزيع، بيروت، ط1، 1999. – ص 384.
18. غانم. س. أنطاكية عاصمة سوريا التاريخية و الثقافية لعشرة قرون، موقع مؤسسة الحوار المتمدن، (تاريخ المشاهدة 2021.02.01) URL: <http://https://www.ahewar.org/debat/show.art.asp?aid=352155>
19. داووني. ج. أنطاكية القديمة، ترجمة ابراهيم نصحي، دار النهضة، القاهرة، 1967. – ص 424.
20. ديورانتي. و. و. قصة الحضارة (عصر الايمان: قيصر والمسيح أو الحضارة الرومانية)، ترجمة محمد بدران، مج3، ج3، دار الجبل، بيروت، 1988. – ص 408.
21. ديوسقورس: موجز تاريخ المسيحية، هارموني للطباعة، القاهرة، 2003. – ص 560.
22. سارة. خ. تاريخ الوطن العربي في العصور الكلاسيكية، منشورات جامعة دمشق، 2004 – 2005. – ص 472.
23. سارتر. م. سورية في العصور الكلاسيكية، ترجمة محمد الدنيا، منشورات الهيئة العامة السورية للكتاب، دمشق، 2008. – ص 203.
24. سفينسيسكايا. إ. س. المسيحيون الأوائل والإمبراطورية الرومانية خفايا القرون، ترجمة حسان مخائيل اسحق، دار علاء الدين، دمشق، ط2، 2007. – ص 354.
25. السواح. ف. موسوعة تاريخ الأديان، الكتاب الخامس، ترجمة عبد الرزاق العلي ومحمود منقذ الهاشمي، دار التكوين، دمشق، 2017. – ص 400.
26. شيفمان. أ. ش. المجتمع السوري القديم، تعريب حسان اسحق، دمشق 1987. – ص 272.
27. الكتاب المقدس، دار المشرق، بيروت، ط3، 1994.
28. كيوان. خ. نقود حلب بين العام 001م حتى بداية التعريب في منتصف القرن السابع الميلادي، مجلة دراسات تاريخية، العددان 117 و 118، دمشق، 2012. ص 89-140.
29. لورو. ب. الإمبراطورية الرومانية، ترجمة جورج كتورة، دار الكتاب الجديد المتحدة، بيروت، ط1، 2008. – ص 721.
30. الماجدي. غ. المعتقدات الرومانية، دار الشروق، عمان، 2005. – ص 392.
31. الماجدي. غ. كشف الحلقة المفقودة بين أديان التعدد والتوحيد، المركز الثقافي العربي، الدار البيضاء – بيروت، ط1، 2014. – ص 384.
32. مجموعة مؤلفين. أطلس الكتاب المقدس وتاريخ المسيحية: أوفير للطباعة والنشر، عمان، ط1، 2007. – ص 165.
33. مقدسي. ف. الأصول الكنعانية للمسيحية، الأجدية للنشر، دمشق، ط1، 1996. – ص 180.
34. ورد. ن. حضارة أنطاكية عبر العصور، مطبعة الصفاي، سان باولو، 1956. – ص 246.

И.В. Лиджиева

Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова

ТРАДИЦИИ И НАУКА В СИСТЕМЕ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ НА АРИДНЫХ ЗЕМЛЯХ (НА ПРИМЕРЕ КАЛМЫЦКОЙ СТЕПИ)

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00313,
<https://rscf.ru/project/22-18-00313/>*

Предметом исследования данной статьи выступают пути решения проблемы увеличения площадей, занятых летучими песками в конце XIX – начале XX в. на аридных территориях Калмыцкой степи. Путем применения проблемно-хронологического и историко-сравнительного методов рассматривается документ из фондов Государственного архива Астраханской области – ответ заведующего пескоукрепительными работами в Астраханской губернии, старшего таксатора Ф. А. Аверьянова на запрос заведующего калмыцким народом С. А. Козина в контексте дискурса традиции и науки в борьбе с песками. В ходе исследования автор акцентирует внимание на официальных статистических данных, иллюстрирующих масштабы территорий, занятых песками. В заключение сделан вывод о том, что пескоукрепительная работа на калмыцких землях в рассматриваемый период развивалась, несмотря на негативные отзывы чиновников о роли населения в ней, по двум направлениям: в рамках научного и традиционного.

Ключевые слова: *Астраханская губерния, Калмыцкая степь, аридные земли, пескоукрепительные работы, летучие пески, шленская овца, таксатор, Управление калмыцким народом.*

I.V. Lidzhieva

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov

TRADITIONS AND SCIENCE IN THE MANAGEMENT SYSTEM ON ARID LANDS (ON THE EXAMPLE OF THE KALMYK STEPPE)

The subject of this study is the solution of expanding the territories occupied by the flying sands on the arid plain of Kalmykia in the end of 19th, beginning of 20th centuries. Using the chronological-problem and historical comparison methods a document from a Government archive of the Astrakhan region is observed. It's a reply of the head of the sand works department in the Astrakhan region, as well as the head appraiser F.A. Averyanov to the request of the head of Kalmyk people S.A. Kozin about the traditional and scientific solutions regarding the sand issue. Through the course of the study the author accentuates the attention on official statistical data that illustrate the scale of the territories occupied by the sands. In the end, a conclusion is drawn that sand-fixing work on Kalmyk land in the observed period was evolving, disregarding the negative views of politicians regarding the population's role in it, in both of the ways: scientific and traditional ways.

Key words: *Astrakhan province, Kalmyk steppe, arid lands, sand protection works, flying sands, Shlenskaya sheep, taxator, Management of the Kalmyk people.*

На начало XX в. около 20 % от общей площади Астраханской губернии занимали пески. На территории Калмыцкой степи этот показатель был равен 5%. Несмотря на, казалось бы, незначительную цифру, проблема образования летучих песков имела важное значение, вызывая беспокойство губернских властей и привлекая внимание

профильного министерства земледелия и государственных имуществ. Летом 1891 г. министр государственных имуществ М. Н. Островский, посетив в ходе командировки Калмыцкую степь, пришел к выводу, что с наступлением оседлого населения в глубь степи последняя мало-помалу обращается в песок» [11, с. 39].

С 1876 г. со стороны местной администрации стали приниматься различные меры по изучению песков. Но, по утверждению Ф. А. Аверьянова, возглавлявшего на протяжении 20 лет работы по закреплению песков в Астраханской губернии [15, с. 1606], вся деятельность носила «чисто канцелярский характер» [1, с. 18]. К концу столетия проблема летучих песков стала обретать выраженную тенденцию к увеличению за счет соседних удобных земель. Местные власти были вынуждены временно выводить эти участки из хозяйственного оборота для проведения профилактических работ, что не являлось популярной мерой как в народе, так и в среде местной администрации. В ноябре 1904 г. на съезде улусных попечителей проходившего под председательством астраханского вице-губернатора, статского советника И. А. Тарасенко-Отрешкова и в присутствии чиновника особых поручений при министре внутренних дел, статского советника И. И. Крафта проблема опустынивания в степи затрагивалась в выступлениях многих чиновников. Следует отметить, что съезд являлся учреждением совещательным, соответственно, его решения не имели характера обязательных постановлений, но многие из них получили свою реализацию. Так, попечитель Багацохуровского улуса В. А. Зварковский, будучи выпускником Новоалександрийского института сельского хозяйства и лесоводства, в своем докладе об общественном хозяйстве в Калмыцкой степи авторитетно заявлял о том, что из 943 165 десятин неудобных земель на долю сыпучих песков приходится более полмиллиона, образованных «от постоянных распашек песчаных почв и выпатывания скотом» [16, с. 124]. Самые большие площади песка в Александровском улусе, затем в Эркетеновском, Багацохуровском, Харахусовском, Икицохуровском и южной части Малодербетовского. Эта проблема не коснулась только северную часть Малодербетовского улуса.

Проблема, охватившая значительные территории, и мероприятия по борьбе с летучими песками, безусловно, не раз привлекали внимание исследователей, рассматривавших причины и масштабы деградации калмыцких земель [7, с. 64–72], исторический опыт борьбы с песками на отдельных участках [5, с. 27–55], систему взаимоотношений населения с окружающей природной средой [8, с. 22–27] и влияние природного фактора на государственную переселенческую политику в первой половине XIX в. [3, с. 1576–1583].

Предметом исследования данной статьи выступают пути решения проблемы увеличения площадей, занятых летучими песками на аридных территориях Калмыцкой степи в конце XIX – начале XX в.

Путем применения проблемно-хронологического метода был рассмотрен документ из фондов Государственного архива Астраханской области – ответ заведующего пескоукрепительными работами в Астраханской губернии, старшего таксатора Ф. А. Аверьянова на запрос заведующего калмыцким народом С. А. Козина в контексте дискурса традиции и науки.

Так, 7 февраля 1911 г. последний обратился с пометкой «срочное» к Ф. А. Аверьянову с просьбой «дать заключение о степени вреда, причиняемого выпасом шленской овцы на слабых калмыцких землях, и о тех мерах, кои, по Вашему мнению, надлежало бы принять к устранению этого зла» [4, л. 8]. Следует отметить, что Сергей Андреевич Козин после окончания Санкт-Петербургского Императорского университета был направлен в Калмыцкую степь и имел практический опыт, пройдя службу от

помощника до заведующего калмыцким народом [10, л. 195]. Шленская овца, согласно словарю Ф. Ф. Павленкова, тонкорунная силезская порода овец, привезенная в Россию при Петре Великом [17, с. 2802].

Ранее, на съезде улусных попечителей, состоявшемся в мае 1907 г. на урочище «Яшкуль» под председательством заведывающего калмыцким народом А. П. Иодковского, вопрос о песках входил в основную программу. Спустя два года на заседании Второго метеорологического съезда при Императорской академии наук он уже как председатель сельско-хозяйственного общества астраханских калмыков, выступая с докладом «Об организации в Калмыцкой степи простейших метеорологических наблюдений», утверждал, что «со своей стороны и калмыцкий народ – юридический собственник пожалованными ему царями угодий – и Управление калмыцким народом, являются противниками открытия степи для землевладельцев» [6, с. 332]. Согласно классификации использования экологических зон по А. М. Хазанову, калмыки в рассматриваемый период окончательно перешли из исключительного или доминирующего положения к частичному разделу территории с земледельцами [17, с. 76–77].

Ф. А. Аверьянов, выступая на съезде улусных попечителей 1907 г. по вопросу о борьбе с сыпучими песками в Калмыцкой степи, отметил, что «сыпучий песок совершенно исключает возможность какой бы то ни было сельско-хозяйственной культуры на нем, а потому все площади, занятые песком, – мертвый капитал для владельца. Но было бы в высшей степени несправедливо, даже больше – ложно, утверждать, что сыпучие пески имеют только отрицательное значение для жителей степи. Пески позднее остальной степи покрываются снегом и ранее от него освобождаются, почему в голодные годы значение песков увеличивается, так как их тощая растительность закрывается последней» [6, с. 240–241]. Ученым-лесоводом были предложены два пути, первый, основывавшийся на организации лесничества, не получил поддержки. Съезд принял второй, заключающийся в частичном закреплении площадей сыпучих песков общественными средствами, при непосредственном безвозмездном руководстве командированных правительством специалистов.

Главной целью пескозакрепительных мероприятий являлось обращение песков в пастбищные и сенокосные угодья, поэтому и работы производились путем посева различных трав. Одновременно принимались меры по охране песков и восстановлению травостоя. Участок земли, признанный к отведению для закрепления песков и восстановления травостоя, передавался астраханской песчано-овражной партии на основании договора между заведующими с одной стороны калмыцким народом и другой – пескоукрепительными работами в Астраханской губернии. Отдельным пунктом в документе прописывались название и площадь участка. Срок же передачи участка не всегда оговаривался, так как по первому требованию Управления калмыцким народом участки без всякого промедления должны были возвращаться обратно. Оно же на весь срок передачи участка брало на себя ответственность по финансированию его охраны. При этом все доходы, получаемые с участков, подлежали разделу между Главным управлением землеустройства и земледелия и Управлением калмыцким народом. Выведение из хозяйственного оборота пастбищных участков вызывало обеспокоенность со стороны калмыцкого управления, соответственно, оно и должно было обеспечить необходимый режим эксплуатации земель, дабы не допустить деградацию почвы, происходившую как по причине распашки земель, так и по причине значительной нагрузки на пастбища.

Уже 2 марта Ф. А. Аверьянов направил в Управление калмыцким народом подробный ответ, содержащий не только детальное разъяснение сути вопроса и необходимые рекомендации, но и примеры практического опыта калмыцкого населения [4, л. 44–49 об.].

В первую очередь, по мнению старшего таксатора Ф. А. Аверьянова, необходимо соблюдать правила нормального выпаса, которые находятся в полной согласованности с производительными силами самой земли, т. е. когда с данной площади берется лишь прирост растительной массы без траты основного капитала. Кроме этого, рекомендовалось обязательно учитывать род животных, состав почвы, характер растительности и условия климата, неприятие хотя бы одного из них могло привести к последствиям весьма печальным. Для более ясного понимания проблемы чиновником приводится конкретный пример со следующими условиями: участок площадью в 1 000 десятин, основой растительного ковра которого является полынь с запасом корма на 1 десятине в 100 пудов. Выпасаемый скот – овцы. Предполагается, что на прокорм одной овцы в течение года приходится около 100 пудов. Простые математические расчеты показывают, что потенциальные возможности данного участка – 1 000 овец. Но это только теоретические выводы, актуальные при идеально равномерном распределении животных по всему участку. Тогда как на практике выпас осуществляется «сплошной стеной», и если еще первые ряды снимают верхушки растений, то последние – стригут под самый корень. Кроме того, скот своими копытами приводит верхний слой почвы в подвижное состояние, лишая растительности и превращая в песок. Ярким примером подобных разрушительных процессов стала Киргизская степь, где за 100 лет 3,5 млн. десятин плодородных пастбищных земель превратились в сыпучие пески.

Второй пример иллюстрирует значение породы скота. Так, на двух аналогичных участках выпасаются овцы разных пород, на первом – русская овца, а на втором – мериносы. Неодинаковые индивидуальные свойства овец по-разному влияют на степень сохранности участка. Так, деградация почвы на втором участке происходила за более короткий срок, чем на первом. Причина заключалась в свойствах русской овцы, чья подвижность (12 верст), в отличие от мериносов (3-4 версты), способствовала сохранению растительного покрова. Приведенные примеры свидетельствуют, что в деле борьбы с летучими песками на калмыцких землях требуются значительные знания, а уже после целые штаты надзирателей, контролирующих соблюдение правил выпаса. Для подобных мер ежегодно из бюджета Управления калмыцким народом должна быть выделена непосильная для него сумма в размере 40 000 руб.

Безусловно, в своем ответе главному чиновнику степи Ф. А. Аверьянов назвал и объективные причины образования материковых дюн на калмыцких землях, к которым отнес высокую температуру зимой и летом; очень короткую весну, быстрый переход от холодов к сильной жаре; продолжительную теплую осень; преобладание сухих восточных ветров; малое количество атмосферных осадков. Однако субъективные причины, вызванные антропогенным фактором, по мнению опытного таксатора, играют более деструктивный характер. Например, крестьянин, берущий землю в аренду по приемлемой для него ставке, согласится на любые условия и обяжется свято соблюдать все правила выпаса, фактически же будет пользоваться землей так, как привык делать с незапамятных времен, т. е. хищнически. Передавая участок в арендное пользование, фактически значит «с заранее обдуманном намерением отдавать свои крепкие ценные пастбищные угодья на истощение, на превращение в барханистый, злостный песок».

В этих условиях, когда установление рационального выпаса и организация надзора не представляется возможным, наиболее эффективным способом выступает установление запрета на выпас скота, приносящего наибольший вред почве. И, как утверждает Ф. А. Аверьянов, «такой породой является шленская овца, превращающая в течение одного вегетационного периода громадные площади крепкой полынной степи в голые, лишенные какой бы то ни было растительности, пространства» [4, л. 48 об.].

Летом 1909 г. с целью ознакомления ходом пескоукрепительных работ в Астраханскую губернию были командированы и. о. вице-директора лесного департамента Н. В. Грудистов и ревизор лесоустройства А. В. Костяев, по мнению которых «пески в губернии составляют для населения как бы особую стихию, а потому неудивительно, что все решительно относятся к песчаному вопросу с большим вниманием, а к самим работам и работникам с полной доброжелательностью и готовностью оказать посильное содействие» [14, с. 19–20]. Однако, как утверждают местные чиновники, борьба с сыпучими песками в Калмыцкой степи весьма затруднительна вследствие непонимания местным населением тех мероприятий, которые неоднократно вводились для сокращения площадей песков [16, с. 125].

Охватив абсолютное большинство административно-территориальных единиц Калмыцкой степи, пески в условиях существующего дефицита земельных угодий, пригодных для хозяйственной деятельности, стали предметом внимания автохтонного населения, по утверждению Н. Очирова, «крупная земельная потеря становилась чувствительнее ввиду замечавшегося калмыками ухудшения почвы из года в год» [12, с. 71]. Кочевой народ, обладавший знаниями, полученными в ходе многовекового практического опыта о климатических и географических особенностях региона, и выработавший с учетом их особую систему хозяйствования, базирующуюся как на особенностях разного вида скота, так и времени года и погодных условиях. Так, профессор У. Э. Эрдниев приводит сложившееся веками «неписаное правило тебенежки домашних животных в период выпадения глубоких снегов, когда вперед пускали табуны лошадей, которые разгребали копытами снежный покров, поедая верхушки трав, за ними следовал крупный рогатый скот, а затем шли овцы и козы, съедавшие траву до корней» [19, с. 220]. Возвращаясь к разведению шленских овец в степи, по данному Ф. А. Аверьянова, калмыки, осознав тот вред, который приносит это животное степным почвам, «забавившись сохранением своей кормилицей степи» [4, л. 49], воспользовались своим правом принятия решений по вопросам жизнедеятельности общества, вынесли на обсуждение улусных сходов. Несмотря на экономическую рентабельность данного направления скотоводства, устанавливающая часть приговоров не только содержала категоричный запрет на разведение шленской овцой, но и предусматривала ликвидацию существующих хозяйств.

По сведениям, приведенным В. А. Зварковским, в улусе, вверенном под его управление, старшина Барунова рода, аймака Зунгруева, Улан Манджи Балданов, кочующий недалеко от участка, занесенного песками, под названием «Зергентэ», шириной около трех верст и длиной до семи верст, «задался мыслью зарастить эти пески» [16, с. 125]. Начиная с 1898 г. на протяжении ряда лет на эти земли не допускался для выпаса скот и производился посев дикорастущих трав. Процесс посадки не требовал материальных затрат, кроме человеческого ресурса. Наблюдая за созреванием растительности, Балданов обмолачивал их для получения семян, а затем этими семенами производил посев. Труды энергичного и предприимчивого калмыка увенчались успехом, пески покрылись растительностью, оставляя только самые высокие барханы, при этом не затрачивалось никаких средств из общественного калмыцкого капитала. Используя положительный опыт, местная администрация уже с 1899 г. пытается распространять его, отдавая распоряжения попечителям улусов о заготовке семян травянистых растений, укрепляющих пески [9, л. 27].

Таким образом, пескоукрепительная работа на калмыцких землях в рассматриваемый период развивалась, несмотря на негативные отзывы чиновников о роли населения в ней, по двум направлениям. Реализация каждого из них способствовала

сохранению степи. Первое задавалось центральными и региональными властями и, соответственно, проводилось на научном уровне, с проведением опытно-исследовательских мероприятий на местах, имевших специфический характер, обусловленный обширностью территории и наличием сильных ветров. Немалую роль в этом деле играли и улусные чиновники, и выборные должностные лица, занимаясь сбором запрашиваемых сведений о масштабах песков, об имеющейся на них растительности и т. п.

Второе базировалось на традициях и практическом опыте народа. Местное кочевое население, основным источником благосостояния которого выступало экстенсивное скотоводство, в немалой степени было заинтересовано в сохранении растительного покрова степи для прокорма скота. Накопленные многими поколениями скотоводов знания о географическом положении и климатических особенностях позволяли выживать порой в весьма сложных условиях, выработать неписанные правила жизнедеятельности в степных условиях. Бедствие, каковым являлось для кочевников распространение песков, не могло остаться без внимания. Несмотря на трудности, вызываемые изъятием из хозяйственного оборота отдельных участков, общества калмыков с пониманием относились и способствовали их охране. Кроме того, эти вопросы обсуждались на общественных сходах, чьи решения также отражали беспокойство населения о распространении песков и были направлены на их сокращение путем практических мер, основанных на непосредственных наблюдениях.

Список литературы

1. Аверьянов Ф. А. Пески Астраханской губернии, причины их образования и борьба с ними // Сборник статей по песочно-овражным работам. Вып. I. СПб., 1913. VII, 51 с., 5 л. ил.
2. Авлиев В. Н., Горяев М. С. Хозяйственная деятельность населения Калмыцкой степи (вторая половина XVIII – первая половина XIX века) // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2–1. С. 600.
3. Белоусов С. С. Влияние природного фактора на государственную переселенческую политику на калмыцких землях (1840–1870 гг.) // Былые годы. 2019. № 54(4). С. 1576–1583.
4. Государственный архив Астраханской области. Ф. 653. Оп. 1. Д. 57.
5. Заболотная М. В. История пескоукрепительных работ на Хошеутовском участке и современное состояние урочища Тугай-худук // Астраханский вестник экологического образования. 2010. № 1–2 (15–16). С. 27–55.
6. Иодковский А. П. Об организации в Калмыцкой степи простейших метеорологических наблюдений // Протоколы заседаний Второго метеорологического съезда при Императорской академии наук. 11–17 января 1910 года. СПб.: тип. Императорской академии наук, 1910. С. 331–333.
7. Команджаев А. Н., Манджиев О. С. Опустынивание калмыцких степей в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Калмыцкого университета. 2013. № 1(17). С. 64–72.
8. Лиджиева И. В. Хозяйство и природопользование в деятельности органов местного самоуправления Калмыцкой степи в XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 46. С. 22–27.
9. Национальный архив Республики Калмыкия далее (НАРК). Ф. И–7. Оп. 4. Д. 4.
10. НАРК. Ф. И–9. Оп. 11. Д. 185.
11. Островский М. Н. Всеподданнейший доклад Министра Государственных Имуществ по поездке в Калмыцкую степь в 1891 году. СПб.: Б.и., 1892. – 72 с.
12. Очиров Н. О. Астраханские калмыки и их экономическое состояние в 1915 г. Астрахань: Калмиздат, 1932.

13. Пальмов Н. Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Часть V. Дела земельные. Астрахань: Калмиздат., 1932. 187 с.

14. Работы по укреплению песков в Астраханской губернии и желательная организация их в ближайшем будущем. СПб.: Сел. вестн., 1910. 58 с. 7 л. илл., карт.

15. Рябуха А. Г. Исторические сведения об изученности Рын-песков Волго-Уральского междуречья // Русский орнитологический журнал. 2018. Т. 27. Экспресс-выпуск. С. 1602–1612.

16. Труды съездов улусных попечителей 1904, 1907 и 1908 гг. Астрахань: Паровая губернская типография, 1910. 327 с.

17. Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир. 4-е изд., доп. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. 512 с.

18. Энциклопедический словарь издателя Ф. Ф. Павленкова. СПб.: тип. Ю. Н. Эрлих, 1907.

19. Эрдниев У. Э., Максимов К. Н. Калмыки. Историко-этнографические очерки. 4-изд., перераб. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 429 с.

Д.В. Михаэлис

Байкальский государственный университет

**К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕНЕНИИ СТАТУСА МИРОВОЙ ЮСТИЦИИ
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРИОД КОНТРРЕФОРМ 1881–1917 гг.
(НА ПРИМЕРЕ СИБИРСКОГО РЕГИОНА)**

В статье рассматривается один из элементов статуса мирового судьи в Российской империи – выборность данной должности. Анализируются последствия отмены данного принципа в период контрреформенной политики Александра III, ликвидация этой судебной инстанции с заменой её на институт земских (крестьянских) начальников, а также продолжение их деятельности в годы правления Николая II. Приводятся оценки отмены выборности мировых судей со стороны как должностных лиц, так и общественных деятелей того времени. Отдельно анализируется введение и взаимодействие института крестьянских начальников и мирового на территории Сибири.

Ключевые слова: *мировой суд, судебная реформа, земские начальники, крестьянские начальники, Иркутская губерния, Сибирь, суд, судоустройство, судопроизводство, судебная система.*

D.V. Michaelis

Baikal state university

**THE CHANGE OF STATUS OF MAGISTRATES IN THE RUSSIAN EMPIRE
IN THE PERIOD OF 1881 TILL 1917
(ON THE EXAMPLE OF A SIBERIAN REGION)**

The article is dedicated to the description of one of the most important feature of the status of justice of the peace in the Russian empire. This feature involved the election of this position. The author analyzes the consequences of the abolition of this position. It was abolished in the period of the policy of contra reforms of the Russian Tsar Alexander III. The abolition of this court office was substituted by the institute of Zemsky (peasants') wardens. The researcher studied their activity in the years of ruling the Tsar Nicolas II of Russia. The article describes the assessments of the abolition of the election of justice of the peace by both officials and public figures of that time. The author also analyzes the introduction and the interaction of peasant wardens and justice of peace on the territory of Siberia.

Key words: *justice of the peace, judicial reform, zemstvo bosses, peasant bosses, Irkutsk province, Siberia, court, judicial system, judicial proceedings, judicial system.*

«Великие реформы» второй половины XIX в. стали немногими из буржуазных, демократических реформ, проводимых в России, охватывающих все сферы общества. Объединяло все реформы поэтапный характер их осуществления и выбор направлений, которые требовали безотлагательных преобразований. Осуществление некоторых изменений растянулось на половину столетия, их содержание в отдельных элементах претерпело переосмысление в сторону консерватизма в виде уступок реакционной части общества.

Не стал исключением и один из важнейших государственных механизмов – суд. Предусмотренные судебной реформой изменения носили передовые по тем временам принципы судопроизводства и судоустройства – всеословность, состязательный

и гласный характер судебного процесса, независимость судебной власти от исполнительной. Современный историк Н.А.Троицкий оценивает судебную реформу как самый крупный в истории России шаг к правовому государству, ее принципы и учреждения, по его мнению, содействовали развитию в стране цивилизованных норм законности и правосудия [1, с. 208].

Институт мировых судей, как одно из прогрессивных нововведений, создавался в Российской империи в качестве обособленной инстанции для разбора мелких уголовных и гражданских дел. Ввиду буржуазного и демократического характера судебной реформы 1864 г., а также для приближения мирового судьи к населению эту должность было решено сделать выборной сроком на три года. Дореволюционный юрист Г.А.Джаншиев отмечал, что «правительство было бы поставлено в крайне затруднительное положение, если бы приняло на себя их избрание: ибо начальствующим лицам, во всяком случае, труднее найти столь значительное число вполне достойных лиц для замещения всех должностей мировых судей, чем обывателям каждой местности приискать людей для определенного округа» [2, с. 451]. В этой связи кандидат юридических наук Н.Н.Трофимова определяет мировую юстицию как «максимально приближенную к населению, обособленную и замкнутую систему, построенную на началах выборности, всесловности, независимости судей, несменяемости судей в пределах выборного срока, гласности и состязательности» [3, с. 89].

В соответствии с главой 2 Учреждения судебных установлений (далее – 25 лет и соответствовать имущественному цензу), «...они сами, или их родители, или жены... владеют имуществом ценою не ниже пятнадцати тысяч рублей, а в городах – недвижимую собственностью, оцененную для взимания налога: в столицах не менее шести тысяч, в прочих же городах не менее трех тысяч рублей» [4]. Отметим, что для претендентов на должность мирового судьи не устанавливалось обязательное наличие юридического образования, как для судей остальных инстанций. Законодатель указал, что кандидат должен обладать определенным опытом работы «...в должностях, в которых они могли получить практический опыт работы в суде...», что также способствовало улучшению кадрового состава судов [4]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что, по мнению законодателя, юридический опыт и стаж работы в этой сфере для судьи имеют большее значение, чем наличие юридического образования [5, с. 153]. Например, одним из мировых судей в Иркутской губернии был назначен В.Л.Языков, который не имел юридического образования, но имел опыт работы в суде (сначала земским заседателем, затем судебным следователем) [6, с. 141]. Как и в современной России, мировой судья не мог совмещать свою должность с другими должностями государственной службы за исключением «...почетных должностей в местных богоугодных и учебных заведениях» [4]. Непосредственно выборы проходили на уездных земских собраниях. Списки избранных в мировые судьи представлялись председателем земского собрания на утверждение Правительствующего сената. О демократичности института мировых судей свидетельствует то, что за два месяца до выборов список кандидатов на должности мировых судей публиковался в местной прессе. Это производилась в двух целях. С одной стороны, о каких-либо неточностях, ошибках и т.д., содержащихся в списке, мог заявить любой человек. С другой стороны, сами кандидаты в мировые судьи, узнав из списка, что они являются таковыми, могли заявить о своем нежелании быть мировым судьей. Последнее свидетельствует, что участие в мировом судопроизводстве в качестве судьи являлось не обязанностью, а правом подданных Российской империи [7].

Еще одним элементом, позволяющим говорить о демократическом характере выборов и определенной независимости судебной ветви власти от исполнительной,

является роль губернатора в выборах мировых судей – составленные списки кандидатов передавались губернатору, который имел право сообщить, что тот или иной кандидат не удовлетворяет требованиям, установленным законом, но при этом земское собрание не было связано этими замечаниями. Отчасти это объясняется ст. 34 УСУ – земское собрание имело право избрать на должность мирового судьи лицо, которое не удовлетворяло указанным требованиям, если это лицо «приобрело общественное доверие и уважение своими заслугами и полезною деятельностью» [4].

После смерти Александра II демократический характер судебной реформы постепенно начал сворачиваться. В период правления Александра III мировой суд как обособленная судебная инстанция подвергался критике как в части судоустройства, так и в части судопроизводства. Например, указывалось, что мировой суд является «отрезанным ломтем» от всей судебной системы «с wybranными судьями, самими себя контролирующими; мировые съезды не являют собой пример беспристрастия и строгого судопроизводства» [8, с. 248]. Ввиду желания императора укрепить административную власть несколькими законами от 12 июля 1889 г. почти повсеместно на территории европейской части Российской империи упразднили институт мировых судей в земских губерниях, введя в уездах институт участковых земских начальников, а в городах, не входивших в состав земских участков, – городских судей, а также определили основные параметры нового местного судоустройства [8, с. 257]. Интересна, на наш взгляд, формулировка причины таких изменений: «Внимание верховной власти обращено на затруднения, представляющиеся правильному развитию благосостояния в среде сельских жителей империи» ввиду «отсутствия близкой к народу твердой правительственной власти, которая соединяла бы в себе попечительство над сельскими обывателями с заботами по завершению крестьянского дела и с обязанностями по охранению благочиния, общественного порядка, безопасности и прав частных лиц в сельских местностях», а устранение этого недостатка должно «поставить местную власть в подобающее ей и согласное с пользами государства положение» [9].

Процесс создания института земских начальников был постепенным: первоначально они были созданы на территории 36 губерний, а к 1905 г. – на 43. На территории Иркутской губернии в 1898 г. был введен институт крестьянских начальников, который также совмещал в себе административную и судебную власть.

По мнению кандидата исторических наук Сорокина А.А., эти изменения были направлены на встраивание мирового суда в государственный аппарат, т.е. на приведение в соответствие структуры местного суда существовавшему политическому абсолютистскому режиму [10, с. 24]. Другую точку зрения высказывают доктора исторических наук Л.М.Дамешек и И.Л.Дамешек относительно введения института крестьянских начальников в Сибири: такой шаг императора свидетельствовал об унификации модели управления государством и отказе от «региональной» специфики, а также стремлением власти оставить под жесткий контроль жизнь всего сельского населения края [11, с. 32]. Усиление административной власти проявилось и в том, что сменившие мировых судей земские начальники, как и любые другие чиновники, могли в любое время быть уволены с занимаемой ими должности.

Несмотря на недовольство мировым судом со стороны власти, в Азиатской части России, в том числе и на территории Восточной Сибири, мировые суды были все же созданы в качестве первой судебной инстанции. Временными правилами о применении судебных уставов в губерниях и областях Сибири от 1896 г., принятых уже при Николае II, предусматривалось создание института мировых судей, но без выборного начала. В губерниях и областях Сибири создавались комитеты из вице-губернатора,

председателя и прокурора окружного суда и городского головы губернского или областного города под председательством губернатора, которые составляли списки кандидатов на должность мировых судей, а затем их утверждал министр юстиции. Этот шаг не только ликвидировал обособленный статус мировых судов, но и лишил одну из ступеней судостройства независимости от исполнительной власти.

Еще одним из элементов ликвидации мировой юстиции как обособленной судебной инстанции был отказ от создания съезда мировых судей в Сибири. Полномочия съезда возлагались на окружные суды, то есть суды общей юрисдикции, с обязанностью выезжать в округа для решения уголовных дел. С одной стороны, такое решение обуславливалось большими расстояниями, которые должны были бы преодолевать мировые судьи для участия в работе съезда. С другой стороны, это создавало дополнительную нагрузку на окружной суд.

Одновременное существование институтов мирового судьи и крестьянского начальника в Сибири требовало разграничения их полномочий в судебной сфере. К ведению крестьянских начальников относились споры на сумму не свыше 2000 руб. по вопросам: найма на сельскохозяйственные работы; по сдаче в аренду земель, если это не сопровождалось заключением крепостного, нотариального или засвидетельствованного у нотариуса договора; по пользованию земельными или иными угодьями, отведенными в надел сельским жителям; по порче полей, лугов и др. угодий [12]. Эти споры были подведомственны крестьянскому начальнику только в том случае, если: обе стороны были «подведомственны крестьянскому управлению»; одна из сторон «подведомственна крестьянскому управлению», а вторая – инородческому; предъявляется требование к стороне, подведомственной одному из вышеуказанных управлений от лица им неподведомственному [12]. В части мелких нарушений крестьянские начальники имели право наказывать подведомственный ему контингент за неисполнение законных требований представителей власти, нарушения общественного порядка (например, драка) и оскорбление представителей власти. Наказание могло быть назначено в виде трех дней ареста или штрафа в размере не свыше 15 руб. При этом существовала оговорка, что мировые судьи имели право привлечь лицо за такие правонарушения только в том случае, если крестьянский начальник не сделал этого. Остальные споры были подведомственны мировому суду.

Исследователь В.М.Деревскова отмечает, что введение института крестьянских начальников соответствовало российской реакционной политике 80–90-х гг. XIX в. и должно было способствовать усилению административно-полицейской опеки над населением Сибири, однако, в отличие от европейской России, создание нового института не повлекло за собой упразднение мировой юстиции, а лишь видоизменило систему сословных судов, существовавших в Сибири (волостного и инородческого судов) [13, с. 252]. Следует согласиться с доктором юридических наук К.П.Краковским, который называл одной из целей введения закона о земских начальниках «превращение местного суда в орудие власти», а итог закона он называет «ударом по основополагающим принципам» Судебных Уставов [14, с. 31]. Также им приводятся факты, доказывающие низкий профессионализм земских и крестьянских начальников: слабая подготовка в вопросах процессуального характера, низкий уровень знаний законов, пристрастность при разрешении вопросов [14, с. 20]. Указанные факты подтверждаются анализом их уровня образования – в 1889 г. из 2185 земских начальников высшее образование имели только 684 (31,3%), незаконченное высшее – 145 (6,6%), среднее – 969 (44,3%), низшее – 291 (13,3%), домашнее – 18 (0,8%). Соотношение гражданского, военного и духовного образования у земских начальников – соответственно 52,5, 45, 1,7%. Для сравнения, образовательный уровень мировых судей

(по выбору) был значительно выше: с высшим образованием – 48,2%, со средним образованием – 41,5%, с низшим или домашним – 10,3% (у почетных мировых судей соответственно 45,9, 36,1, 18%) [15, с. 202–204]. Резко отрицательную позицию о введении института земских начальников и ликвидации мировых судов занял известный дореволюционный юрист А.Ф.Кони: «разразилась буря, которая смела с лица русской земли... мировые судебные учреждения и обратила в ничто их многолетнюю работу по воспитанию народа в чувствах законности. На опустошенной судебной ниве выросли земские начальники и распустились пышные цветы узаконенного произвола и смешения понятий о личном распоряжении и о судебном решении» [16, с. 468].

Отмена выборности мировых судей неоднократно поднималась как в научной литературе того времени, так и в обсуждениях на государственном уровне. Так, вопрос о сохранении принципа выборности мировых судей обсуждался высочайше учрежденной комиссией для пересмотра законоположений по судебной части в 1899 г. по предложению Санкт-Петербургского столичного мирового съезда. Съездом указывалось, что этот принцип является «...составляющим развитием исторически сложившегося чисто русского характера судостройства...» [17, с. 295]. Одной из заслуг судебной реформы 1864 г. называется установление высокого авторитета судебной власти в глазах местного населения и последующее доверие к судам и судьям, в том числе и к мировым, ввиду чего было принято решение о выборности, а не назначаемости мировых судей. «Выборный мировой судья в разрешении дела является ...представителем народной совести... суд получает авторитет из сознания, что в разрешении дела принимает участие... само местное общество» [17, с. 298].

В качестве примера хорошего отношения к судьям местного населения является факт постоянного повышения выделяемых денежных средств местными властями на различные расходы судов (например, канцелярские) в условиях «безденежья уездных земств». Комиссия же отмечает, что институт выборности мировых судей вступал в противоречие с образовательным цензом: в некоторых губерниях до 40% выбранных участковых мировых судей не имели высшего юридического образования, а общее число мировых судей с высшим образованием (не только с юридическим) составило 67%. [17, с. 301].

Отечественный юрист М.И.Брун в своей работе также указывает, что мировой судья должен был быть обеспечен уважением и доверием со стороны местного населения, поскольку являлся «охранителем мира от уголовных нарушителей и водворителем мира среди тяжущихся», и на протяжении четверти века (с 1864 до 1889 г.) они «водворяли в общество и народ идею законности и уважения к личности», охране имущества, «...укрепляя доверие в обороте» [18, с. 6]. В противоположность этой точке зрения можно привести мнение дореволюционного юриста В.Я.Фукса, отмечавшего, что доверие местного населения к мировому судье зависит не от его выборности, а от его профессиональных качеств [19, с. 193].

Таким образом, можно признать, что в период с 1864 г. до начала XX в. институт мировой юстиции в Российской империи прошел сложный путь от обособленного от административной власти, демократического, максимально приближенного к населению механизма судопроизводства до одного из обычных институтов государственной власти. На протяжении этого времени мировой суд менялся кардинально, что видно на примере сибирского региона, где первоначальные задумки Александра II существенно отличались от реализованной системы. Несмотря на критику мирового суда в царствование Александра III эта судебная инстанция не прекратила своего существования полностью, поскольку существовал запрос на судебное учреждение, способное максимально оперативно и профессионально разрешать мелкие споры местных жителей.

Отсутствие выборности мировых судей в Сибири является противоречивым шагом, поскольку, с одной стороны, это лишало судей независимости, с другой – позволяло решить недостаток высококвалифицированных кадров на отдаленной территории.

Список литературы

1. Троицкий Н.А. Россия в XIX веке: Курс лекций / Н.А. Троицкий. – М., 1997. – 431 с.
2. Джаншиев Г. А. Из эпоха великих реформ / Г. А. Джаншиев. – СПб, 1894. – 716 с.
3. Трофимова Н. Н. Мировая юстиция Центрально-промышленного района России в 1864 – 1889 гг.: генезис, региональные особенности судоустройства и деятельности: дис. канд. юрид. Наук / Н. Н. Трофимова. – Владимир, 2004. – 199 с.
4. Учреждение судебных установлений 1864 г. // СПС «Гарант».
5. Михаэлис Д. В. Квалификационные требования к кандидатам на должность судей после судебной реформы Александра II / Д. В. Михаэлис // Российская цивилизация: история, проблемы, перспективы: Материалы XXIV Всероссийской молодежной научно-практической конференции с международным участием. – Иркутск: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Оттиск», 2021. – С. 151–154.
6. Вишневецкий В. Г. Административно-судебная система Восточной Сибири конца XIX – начала XX веков в лицах и документах: Материалы к энциклопедии / В. Г. Вишневецкий. – Иркутск: Иркутская областная типография №1, 2004. – 400 с.
7. Демичев А. А. Генезис и становление мирового суда в Российской империи / А. А. Демичев // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2011. – № 4–1. – С. 34–45.
8. История суда и правосудия в России. Том 5. Судоустройство и судопроизводство в период контрреформ и в эпоху буржуазных революций (1881 – октябрь 1917 года): монография / К. П. Краковский, 3. В. Соломко; отв. ред. В. М. Сырых. – М., 2020. – 696 с.
9. О преобразовании местных крестьянских учреждений и судебной части в империи // ПСЗРИ-3. – Т. IX. – № 6195.
10. Сорокин А. А. Вопрос о реформе местного суда Российской империи: власть и общество (1889 – 1912 гг.): дис. канд. ист. наук / А. А. Сорокин. – Нижний Новгород, 2017. – 262 с.
11. Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.): монография / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2018. – 416 с.
12. Временное положение о крестьянских начальниках в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской // СПС «Гарант».
13. Деревскова В. М. Создание мировой юстиции в ходе проведения судебной реформы в Восточной Сибири в 1896 г. / В. М. Деревскова // История государства и права. – 2007. – 344 с.
14. Краковский К. П. Земские начальники и мировая юстиция (реформа местного суда 1889 г.) / К. П. Краковский // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – Курск, 2017. – С. 1–34.
15. Либерман А. А. Состав института земских начальников // Вопросы истории. – 1976. – № 8. – С. 200–204.
16. Кони А. Ф. На жизненном пути / А. Ф. Кони. – СПб., 1912. – Т. 1. – 642 с.
17. Труды Высочайше учрежденной комиссии для пересмотра законоположений по судебной части. Т. VII. – СПб., 1899. – 500 с.
18. Брун М. И. Мировой суд по судебным уставам императора Александра II / М.И. Брун // Выборный мировой суд. Сборник статей. – СПб, 1898. – С. 1–19.
19. Фукс В. Я. Суд и полиция / В. Я. Фукс. – СПб, 1889. – 522 с.

Б.В. Очиров

Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова

**ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ
БОЛЬШЕДЕРБЕТОВСКОГО УЛУСА СТАВРОПОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА**

Рассматриваемый вопрос относится к разряду малоисследованных. Несмотря на более чем вековой опыт изучения истории Большедербетовского улуса, работ по демографии региона крайне мало, в большинстве из которых представлены отрывочные сведения по указанному вопросу. Актуальность изучения данной проблемы также возросла на современном этапе в связи с усилением миграций населения из периферии в центр, в том числе с оттоком сельского населения в города. Методика изучения вопроса основывается на методе системного анализа, принципе историзма и междисциплинарном подходе. Написание статьи базируется на использовании делопроизводственных источников из фондов Государственного архива Ставропольского края и Национального архива Республики Калмыкия, в большинстве своем впервые вводимых в научный оборот.

Ключевые слова: улус, инородцы, движение населения, степное Предкавказье.

B.V. Ochirov

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov

**THE CHANGING NUMBER OF POPULATION
OF BOLSHEDERBETOVSKY ULUS OF STAVROPOL PROVINCE
AT THE END OF THE XIXth CENTURY**

The article is devoted to the history of Bolshederbetovsky ulus. The question under consideration belongs to the category of little-studied. Despite more than a century of experience in studying the history of the Bolshederbetovskiy ulus, there are very few works on the demography of the region, most of which provide fragmentary information on this issue. The relevance of studying this problem has also increased at the present stage due to increased migration of the population from the periphery to the center, including the outflow of the rural population to cities. The methodology for studying the issue is based on the method of system analysis, the principle of historicism and an interdisciplinary approach. The writing of the article is based on the use of clerical sources from the funds of the State Archives of the Stavropol Territory and the National Archives of the Republic of Kalmykia, most of which are introduced into scientific circulation for the first time.

Key words: ulus, foreigners, population movement, steppe Ciscaucasia.

Большедербетовский улус после перевода его из Астраханской в состав Ставропольской губернии в середине XIX в. являлся одной из крупных территориальных единиц губернии. Особенными чертами улуса, в отличие от улусов Астраханской губернии, являлись пригодные для земледелия земли, что обусловило переход кочевого калмыцкого населения на оседлый образ жизни и радикальную смену его хозяйственных занятий.

Вместе с тем территория Большедербетовского улуса благодаря благоприятным почвенно-климатическим условиям, пригодным для хлебопашества, явилась в рассматриваемый период объектом ускоренной крестьянской колонизации представителями

разных народов и конфессий. Все это в значительной степени явилось причинами существенного изменения демографической картины этого улуса, что также повлияло на хозяйственный, социальный и культурный облик местного кочевого населения.

Целью данной статьи является анализ динамики численности населения Большедербетовского улуса во второй половине XIX века. В числе основных задач статьи – выявление причин, оказавших влияние на динамику роста населения улуса.

Выбор автором хронологических рамок работы объясняется следующим обстоятельством: 1860-е годы, после отмены крепостного права в России, явились исходной точкой для активных крестьянских переселений в Калмыкию, что обусловило создание большого числа переселенческих сел, население которых занималось земледелием. Это повлияло как на значительное сокращение земельных пространств калмыков-кочевников, так и на изменение их традиционного уклада жизни. В связи с этим последовали и демографические изменения в среде калмыцкого населения. Конечная дата нашего исследования завершается 1897 г. – годом проведения всеобщей переписи населения Российской империи, которая по существу подвела демографические итоги XIX столетия.

В изучаемый период на численность калмыков Большедербетовского улуса повлияло, помимо указанных выше, развитие рыночных отношений. Отсюда – изменение социальных отношений и социального состава калмыцкого населения улуса, ярким показателем которого явилась ликвидация личной зависимости калмыков-простолюдинов от власти нойонов и зайсангов 16 марта 1892 г. В целом период второй половины XIX в. для калмыков Большедербетовского улуса – это период поэтапных перемен, преобразивший образ жизни народа и предопределивший его дальнейшее общественно-экономическое развитие.

Анализ динамики численности населения Большедербетовского улуса проводился на основе опубликованных и неопубликованных источников. К числу опубликованных источников следует отнести «Обзоры Ставропольской губернии» [3;4;5;6;7;8;9;10;11;12;13;14;15;16;17;18], «Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии» [19;20;21;22], в которых представлена подробная информация о численности населения, территории расселения, финансах и повинностях.

Крупным событием в Российской империи стала проведенная в 1897 г. первая всеобщая перепись населения, которая аккумулировала в себе огромные численные данные по демографии России [24]. 67 том переписи населения был полностью посвящен Ставропольской губернии. Изданный в 1905 году, он представляет исчерпывающие результаты о численности населения губернии, тем самым подводя демографические итоги XIX века. Вместе с тем, по мнению Команджаева А.Н., эта перепись, будучи единовременным мероприятием, представила неполные сведения о кочевниках-калмыках, в частности, Астраханской губ. [31, с.29–30]. С некоторой долей вероятности, это замечание можно отнести и к данным о калмыках Большедербетовского улуса.

Дополнительная статистическая информация по численности населения улуса была представлена в «Памятных книжках Ставропольской губернии» конца XIX – начала XX вв. [23].

Неопубликованные источники, касающиеся демографической информации по Большедербетовскому улусу, сохранились в фондах Национального архива Республики Калмыкия (далее НА РК) [1] и Государственного архива Ставропольского края (далее ГАСК) [2]. Прежде всего, к ним относятся документы фонда 21 «Большедербетовское улусное управление» НА РК и фонда 249 «Управление главного пристава кочующих народов Ставропольской губернии» в ГАСК. Речь идет главным образом о

ежегодных сводных отчетах по данному улусу, которые позволили нам проследить в динамике численность калмыцкого населения Большедербетовского улуса. Следует упомянуть о том, что отчеты по Большедербетовскому улусу составлялись по единой типовой форме отчетов по ряду национальных районов Российской империи, в том числе и по Калмыцкой степи Астраханской губ.

Важные сведения по демографической картине Большедербетовского улуса можно почерпнуть и в других документах указанных фондов НА РК и ГАСК, например, «Отчеты улусного управления, бакши и опекуна улуса за 1864 год и переписка по ним» [НА РК. Ф.21. Оп.1.Д.71], «Отчеты улусного управления и.д. старшего начальника I-го Большого Хурула Г. Онргаева и опекуна Джал-Шара Манджиева за 1865 г. и статистические сведения по ним» [НА РК.Ф.21. Оп.1. Д.74]; «Отчеты улусного управления, старшего бакши Санджи, опекуна улуса за 1868 г. и статистические сведения за этот же год» [НА РК. Ф.21. Оп.1.Д.83]; «Отчеты улусного управления, старшего бакши Санджи, опекуна улуса» за 1869 и 1871 гг. [НА РК. Ф.21. Оп.1.Д.85; НА РК. Ф.21. Оп.1.Д.87] и дела со статистическими сведениями за 1872 и 1874 гг. [ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 539; ГАСК. Ф. 249. Оп.2.Д. 618]. Эти делопроизводственные материалы указанных архивов преимущественно впервые вводятся в научный оборот.

Анализ материалов, содержащихся в отчетах по Калмыцкой степи, был подробно представлен в работах Бурчиновой Л.С. [27; 28] и Оконовой Л.В. [37; 38]. В этих работах, помимо, безусловно, положительной характеристики отчетных материалов, содержится и их критический анализ. Также на неточность и непроверенность отчетной статистики с приведением сравнительных данных обращал внимание и Команджаев А.Н. [31, с.27–28]. Эти же замечания, по нашему мнению, можно отнести и к отчетам по Большедербетовскому улусу Ставропольской губ.

Проблемы исторической демографии степного Предкавказья стали предметом изучения в работах Я.П.Дубровы [29], И.В.Бентковского [26] и К.И.Костенкова [32]. Как правило, демографическая статистика использовалась для обзорных сведений об «инородцах».

В советский период численность калмыцкого населения в XIX – начале XX вв. исследовали Пальмов Н.Н. [39], Эрдниев Э.У. [41], Бурчинова Л.С. [27, 28], а также известны труды, посвященные Большедербетовскому улусу указанного периода Лебединского А.К. [33, 34] и Ташнинова Н.Ш. [40]. В целом исследователями в советское время историческая демография «инородцев» была довольно хорошо изучена на общесоюзном уровне. В постсоветский период у исследователей проявляется интерес к изучению локальной истории, который был связан с развитием краеведения. К исследованиям данного периода, занимавшимся вопросам исторической демографии, можно отнести Команджаева А.Н. [31], Оконову Л.В. [37,38], Авлиева В.Н. [25], Бадмаеву Е.Н. [35], Лиджиеву И.В. [35], Нахаеву И.В. [36]. К 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства был издан фундаментальный коллективный труд «История Калмыкии» в трех томах [30].

Вместе с тем, в перечисленных работах имеются лишь фрагментарные сведения по демографической характеристике Большедербетовского улуса. В связи с этим усиливается необходимость специальных исследований по данной проблеме. Вместе с этим проблема еще более актуализируется на современном этапе, требующем новых подходов к пониманию исторического развития и новых методик изучения исторической демографии.

Методологическая основа данной работы базируется на принципах историзма, системного анализа, а также объективного подхода к изучаемым явлениям. При анализе

численности калмыков улуса активно применялись историко-сравнительный и историко-системный методы.

Как известно, динамика численности любого народа во многом зависит от факторов, среди которых наиболее важное значение имеет естественное движение (рождаемость и смертность), механическое движение (миграция), этнические процессы, среди которых ассимиляция, консолидация и др. К другим факторам можно также отнести особенности культуры и быта народа, его конфессиональную принадлежность, историю и этнопсихологию.

В работе И.В.Бентковского, посвященной списку населенных мест за 1873 год, Большедербетовский улус представлен 18 хотонами и улусной ставкой. Общая численность калмыцкого населения улуса составила 10408 чел. [26, с. 107]. Среди хотонов наибольшей численностью выделялись хотоны Санджи Пелетьева (Бюдермисов род), Чоно Хараманджиева (Багабурулов род), Малзы Санджинова (Икичоносов род). Общее число кибиток составило 1759, также в таблице были указаны дома в количестве 42 строений [26, с. 107].

С большой степенью достоверности проследить динамику роста численности населения Большедербетовского улуса можно по отложившимся в фондах НА РК и ГАСК отчетам главного пристава кочующих народов. Так, по данным отчетов среднегодовая численность калмыцкого населения улуса в 1864–1869 гг. составила 6733 чел. [НА РК.Ф.21. Оп.1. Д.71. Л.25; Д.74. Л.19; Д.83. Л.19; Д.85. Л. 46; 19, отдел II, с.35]. Данные по численности большедербетовских калмыков в вышеуказанных отчетах определялись по вероисповеданию.

В годовых отчетах по Большедербетовскому улусу при характеристике численности населения учитывалось сословное деление общества. К примеру, в отчете улусного управления за 1868 год дворян (в данном случае речь идет о семье владельца улуса нойона Гахаева) числилось 8 мужчин и 8 женщин, представителей духовенства – 161 чел., аймачных и безаймачных зайсангов – 66 муж., 75 жен. Численность калмыков-простолюдинов составила 3260 мужчин и такое же количество женщин [НА РК.Ф.21. Оп.1. Д.83.Л.19].

По данным сборника статистических сведений Ставропольской губ. за 1870 г., численность «язычников» (в данном случае имеются в виду буддисты или «ламаиты») по общепринятой в то время классификации) составила 9376 чел. [20, отдел II, с.13]. В 1874 г. по данным годового отчета эта численность составила лишь 7410 чел. [ГАСК. Ф.249. Оп.2. Д.618.Л.44]. В опубликованном обзоре за 1880 г. указываются данные о населении улуса в количестве 9979 чел. [22, с. 22]. Вероятней всего, столь низкий показатель в 1874 г. можно объяснить неполнотой представленных в том году отчетных данных. Следует иметь в виду, что материалы опубликованной статистики были основаны на тех же годовых отчетах главного пристава кочующих народов по Большедербетовскому улусу. Характерно, что в самом отчете в соответствующей таблице было указано, что это «приблизительное число душ». В целом, приведенные данные (опубликованные и архивные) о численности калмыцкого населения улуса при всем своем несовершенстве дают возможность определить динамику народонаселения.

Численность калмыков Большедербетовского улуса за 1881–1897 гг. нами определялась по данным изданных обзоров Ставропольской губ. за исключением показателей за 1891 г., опубликованных в Памятной книжке Ставропольской губ. Наше мнение о том, что в основе этих опубликованных данных находятся годовые отчеты, косвенно подтверждаются тем, что ежегодные численные показатели не имеют существенных расхождений при всей своей возможной неполноте.

В обзоре Ставропольской губернии за 1881 г. отмечалось, что статистика движения населения у «инородцев» располагает только приблизительными данными, по причине того что мусульманское и буддийское духовенство, в отличие от православного, не ведет записей о регистрации браков, рождении или смерти жителей и, в редких случаях, дает сведения на основании личных наблюдений [3, с. 66].

По этим данным в 1880–1885 г. ежегодный рост калмыцкого населения Большедербетовского улуса составлял 1,5–2% при его средней численности в 10,4 тыс. чел. Начиная со второй половины 1880-х годов и до конца XIX в. в динамике населения улуса не наблюдается существенных колебаний. К примеру, если по данным обзора за 1887 г. калмыцкое население улуса составляло 11622 чел. [9, с. 13], в 1895 г. – 12038 (наибольшая цифра за 15 лет) [15, с. 12], то по данным обзора за 1897 г. численность калмыков в улусе вернулась к прежним показателям – 11794 чел. [17, с. 11].

Возможных причин для подобной «стагнации» в росте калмыцкого населения улуса достаточно много: усилившийся в улусе переход кочевников к оседлости и другим хозяйственным занятиям, неустойчивость местного хозяйства при его экстенсивных методах ведения, неблагоприятные в климатическом отношении сезоны и годы, социальная поляризация в калмыцком обществе, отходничество обедневших простолюдинов для работы по найму в другие места и др. В отчете за 1885 г. указывался полный неурожай, неблагоприятно повлиявший на движение населения [6, с. 12]. В 1886 г. неурожай в губернии значительно усилился. «В 1885 году, сравнительно с предшествовавшим ему годом, родившихся было на 12% меньше, а в отчетном – на 17,5% меньше» [7, с. 15]. Для более объективной демографической характеристики улуса мы составили таблицу о численности населения, сведя эти данные в среднегодовые показатели по пятилетиям (см. таблицу 1).

Таблица 1

**Численность населения Большедербетовского улуса в 1864–1897 гг.
Средний годовой показатель.**

Период	Средняя годовая численность
1864–1869	6733
1870–1874	8393
1880–1885	10381
1886–1891	11501
1892–1897	11868

Таблица составлена автором по материалам обзоров Ставропольской губ. и сводных годовых отчетов по Большедербетовскому улусу.

Анализ рождаемости и смертности калмыцкого населения в Большедербетовском улусе показывает, что здесь в целом первая преобладала над второй (см. таблицу 2). Иногда эти показатели достигали относительно больших положительных значений (+210 в 1886 г.) [7, приложение], были и отрицательные (-8, -25 в 1892-1893 гг.). Как указано в обзоре за 1892 г., подобная высокая смертность, свидетельствовала о тяжелых условиях жизни населения, и существовавшей в губернии эпидемии азиатской холеры [12, с. 16].

В обзоре за 1885 год [6, с. 16] также отмечалось, что для «инородцев» губернии метрические записи не ведутся, вследствие чего данные о естественном движении населения у кочевых народов являются приблизительными. В отчете за 1886 год в таблице о численности в Большедербетовском улусе появилась графа «Другие народности и сословия» [7, с. 17].

Таблица 2

Данные о рождаемости и смертности населения в Большедербетовском улусе

Год	Численность родившихся	Численность умерших	Соотношение
1864	122	164	-42
1871	223	155	+68
1874	393	318	+75
1881	210	76	+132
1882	214	58	+156
1884	231	111	+120
1885	400	224	+176
1886	423	213	+210
1887	313	504	-191
1888	394	305	+89
1889	378	252	+126
1890	298	272	+26
1891	254	312	-58
1892	380	388	-8
1893	273	298	-25
1894	363	202	+161
1895	306	193	+113
1896	349	247	+102
1897	381	477	-96

Таблица составлена автором по материалам обзоров Ставропольской губ. и сводных годовых отчетов по Большедербетовскому улусу.

Отчет за 1886 год интересен тем, что в нем впервые составлен «Посемейный список» инородцев по особенной, утвержденной администрацией программе. Данный список предоставил возможность «статистике фактически поверить прежде показываемую численность кочующего населения мужского пола, а в Ачикулак-Джембойлуковском приставстве и женского». Результатом такой проверки стало, что число кочующих инородцев по сравнению с предыдущими сведениями (за 1885 год) меньше на 14519 муж. и 10658 жен., всего на 25177 чел. Однако если взять Большедербетовский улус, разница данных 1885 и 1886 годов не столь заметна – 10812 и 10533 соответственно [7, с.17].

Обзор за 1888 г. показал, что кочевые народы – трухмены, ногайцы и калмыки – в общей численности населения губернии составили 43439 чел., или 7,06% коренного населения Ставропольской губ. [9, с.13].

В обзоре за 1886 г. дано определение «иногородним». Под ними понималось переселенческое население в регионах кочевого населения: крестьяне и мещане, не приписанные к сельским обществам, но жившие оседло на землях общинного владения и занимавшиеся хлебопашеством и скотоводством, или проживавшие на арендованных землях у частных владельцев или укочевых народов. Данные о них есть только по количеству дворов – на калмыцких землях числилось 119 дворов [7, с.16]. Однако в общую статистику в отчете за 1886 г. они не вошли.

Об усилившейся во второй половине XIX в. колонизации края, в том числе территории кочевых народов, отмечается в обзоре за 1887 г., потребовавшем точного учета оседлого населения губернии. В качестве материала служили посемейные списки

сельских обществ и такие же впервые составленные списки кочевых инородцев в связи с их привлечением к воинской повинности. Для «иногородних» составлялись ведомости с указанием числа членов в каждой семье. В сводной ведомости губернии по численности данные по «иногородним» были включены в таблицу обзора за 1887 г. В целях более точного определения динамики колонизационного процесса составители сопоставили данные обзорного года с данными за 1880 г. [8, с.10]. Статистика по Большедербетовскому улусу показывает, что в разрезе общей численности число «иногородних» составляло – 1202 м. и 813 ж. В сравнении с данными 1880 г. численность «иногородних» увеличилось на 1180 м. и 808 ж. [8, с.12]. Таким образом, при всей приближенности демографической статистики следует констатировать быстрый рост численности крестьян-переселенцев в улусе в последней четверти XIX в., что связано с отменой крепостного права в России.

Плотность населения по административным единицам Ставропольской губ. распределены следующим образом [12, с.15]:

1. Медвежинский уезд – 25 человек на 1 кв. версту (далее чел/кв.в.)
2. Ставропольский уезд – 21 чел/кв.в.
3. Новогригорьевский уезд – 16 чел/кв.в.
4. Александровский уезд – 14 чел/кв.в.
5. Территория кочевого населения – 4 чел/кв.в.

Значительные территории кочевых народов, куда входил Большедербетовский улус с очень низкой плотностью населения, позволяли крестьянам-переселенцам активно заселять и осваивать эти земли, прежде всего, заниматься земледелием. Близкое соседство с переселенцами позволило калмыкам также перенимать опыт ведения земледельческого хозяйства и переходить на оседлый образ жизни.

Практически во всех использованных нами источниках представлена численность мужского и женского населения. На протяжении всего исследуемого периода численность мужского населения у калмыков преобладала, что наблюдалось у многих народов.

В обзоре Ставропольской губ. за 1897 г. отсутствуют данные о численности населения Большедербетовского улуса. Однако информация о числе родившихся и умерших за 1897 г. позволила нам установить эту численность: 11794 чел. [17, с.11].

Масштабная перепись населения в Российской империи 1897 г. предоставила нам солидный материал по демографической картине страны, в том числе в Ставропольской губ. По данным переписи, численность калмыков в губернии составила 10814 чел., или 1,24% всего населения. Абсолютное большинство из них (9491 из 10814 чел.) проживало на территории Большедербетовского улуса. Численность мужчин (5622) здесь превышала женщин (5192) [24, с.45].

Вместе с тем, сопоставив данные переписи 1897 г. с обзором Ставропольской губ. за этот же год, мы обнаружили, что сведения о калмыцком населении Большедербетовского улуса в них различаются почти на 1000 чел. Это объясняется, на наш взгляд, тем, что в обзорах Ставропольской губ. в численность Большедербетовского улуса включалось все проживавшее на этой территории население, в том числе «иногороднее». В опубликованных материалах переписи 1897 г. население Большедербетовского улуса было включено в общие данные по всей территории кочевых народов. Численность калмыков в губернии мы определили по численности говорящих на калмыцком языке в таблице 13: она составила 10814 человек, из которых 9491 проживало в улусе. Также в одной из таблиц переписи 1897 г. о распределении населения по вероисповеданию численность буддистов составляла 10398 человек, из них 9307

проживали на территории кочующих народов [24, с.43]. Вероятней всего, несоответствия в численности населения по результатам переписи 1897 г. по родному языку и вероисповеданию в более чем 400 чел. объясняется результатами перехода некоторой части населения в православие, а также, главным образом, несовершенствами единовременной переписи кочевого населения.

Исходя из данных таблицы 1, можно увидеть, что общая тенденция за период с 1860 по 1897 г. была положительной. Население Большедербетовского улуса в период с 1864 по 1897 год увеличилось на 77% (+ 5161 чел.). Несмотря на справедливое признание авторами тяжелого положения калмыцкого населения [29; 33], связанного с экономическими и природно-климатическими факторами, сужением территории улуса в результате крестьянских переселений, социальными проблемами и др., а также ошибками в учете кочевого населения, численность населения Большедербетовского улуса за данный период значительно возросла. Периоды высокой смертности в редкие годы не смогли повлиять на общую тенденцию демографического роста. По нашему мнению, одним из важных факторов, повлиявших на рост калмыцкого населения в улусе, было заметное улучшение условий и качества жизни в данной относительно благоприятной природно-климатической зоне, в отличие от улусов Калмыцкой степи Астраханской губ. Это явилось результатом ускорившегося перехода большедербетовских калмыков от нестабильного кочевничества к оседлости и устойчивому многоотраслевому хозяйствованию с вытекавшими отсюда последствиями: стационарные жилые дома и постройки для скота, сенозаготовки, начало организации медицинской помощи и школьного образования и др. Переход к оседлости также позволил вести более точный количественный учет населения.

Необходимо учитывать тот факт, что наши сведения по демографической характеристике улуса, обнаруженные в разнородных опубликованных и архивных материалах, приближительны. Однако они дают нам возможность реконструкции достоверной демографической картины Большедербетовского улуса. Решающими факторами, оказавшими влияние на положительную динамику численности населения в Большедербетовском улусе, был как естественный прирост калмыков, так и переселения крестьянского населения в зону степного Предкавказья.

Источники

1. НА РК – Национальный архив Республики Калмыкия. Фонд 21. «Большедербетовское улусное управление» (1816–1918 г.г.).
2. ГАСК – Государственный архив Ставропольского края. Фонд 249 «Управление кочующих народов».
3. Обзор Ставропольской губернии за 1881 – Ставрополь: Типография Ставропольского губернского правления, 1882 – 69 с.
4. Обзор Ставропольской губернии за 1882 – Ставрополь: Типография Ставропольского губернского правления, 1883 – 68 с.
5. Обзор Ставропольской губернии за 1884 – Ставрополь: Типография Ставропольского губернского правления, 1885 – 51 с.
6. Обзор Ставропольской губернии за 1885 – Ставрополь: Типография Ставропольского губернского правления, 1886 – 58 с.
7. Обзор Ставропольской губернии за 1886 – Ставрополь: Типография Ставропольского губернского правления, 1887 – 51 с.
8. Обзор Ставропольской губернии за 1887 – Ставрополь: Типография Ставропольского губернского правления, 1888 – 41 с.

9. Обзор Ставропольской губернии за 1888 – Ставрополь: Типография Ставропольского губернского правления, 1889 – 45 с.
10. Обзор Ставропольской губернии за 1889 – Ставрополь: Типография Ставропольского губернского правления, 1890 – 36 с.
11. Обзор Ставропольской губернии за 1890 – Ставрополь: Типография Ставропольского губернского правления, 1891 – 34 с.
12. Обзор Ставропольской губернии за 1892 – Ставрополь: Типография Ставропольского губернского правления, 1893 – 50 с.
13. Обзор Ставропольской губернии за 1893 – Ставрополь: Типография Ставропольского губернского правления, 1894 – 46 с.
14. Обзор Ставропольской губернии за 1894 – Ставрополь: Типография Ставропольского губернского правления, 1895 – 47 с.
15. Обзор Ставропольской губернии за 1895 – Ставрополь: Типография Ставропольского губернского правления, 1896 – 44 с.
16. Обзор Ставропольской губернии за 1896 – Ставрополь: Типография Ставропольского губернского правления, 1897 – 41 с.
17. Обзор Ставропольской губернии за 1897 – Ставрополь: Типография Ставропольского губернского правления, 1898 – 45 с.
18. Обзор Ставропольской губернии за 1898 – Ставрополь: Типография Ставропольского губернского правления, 1899 – 48 с.
19. Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Выпуск 1. – Ставрополь: Типография губернского правления, 1868
20. Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Выпуск 4. – Ставрополь: Типография губернского правления, 1871
21. Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Выпуск 5. – Ставрополь: Типография губернского правления, 1873
22. Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Выпуск 9. – Ставрополь: Типография губернского правления, 1881
23. Памятная книжка Ставропольской губернии на 1893 г. – Ставрополь: Типография Губернского Правления, 1893
24. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Под ред. Н.А. Тройницкого. – Вып. XII. Область Войска Донского. – СПб., 1905 – 136 с.

Список литературы

25. Авлиев В.Н. Калмыцкое народонаселение в конце XIX–XX вв. (Историко-демографическое исследование): дис. ... канд. истор. наук. – Элиста, 2004. – 230 с.
26. Бентковский И.В. Список населенных мест по сведениям 1873 года. – Ставрополь: Типография Ставропольского Губернского Правления, 1874. – 158 с.
27. Бурчинова Л.С. Источники и литература об экономическом развитии Калмыкии периода утверждения капитализма в России (вторая половина XIX в.). – Элиста, 1971. – 47 с.
28. Бурчинова Л.С. Источниковедческие вопросы изучения истории Калмыкии (вторая половина XIX в.). – Элиста: Калм. кн. из-во, 1980. – 118 с.
29. Дуброва Я.П. Быт калмыков Ставропольской губернии до издания закона 1892 года. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1892. – 239 с.
30. История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. – Элиста: ГУ «Издательский дом Герел», 2009. – 751 с.

31. Команджаев А.Н. Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии в конце XIX – начале XX века: исторический опыт и современность. – Элиста: АПП «Джангар», 1999. – 262 с.

32. Костенков К.И. Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии. – С.Петербург: издание Министерства Государственных Имуществ, 1870. – 170 с.

33. Лебединский А.А. Большедербетовский улус во второй половине XIX века: социально-экономический очерк // Калмыцкая область. – 1925. №.2 – С.90–123; №3 – С.52–69; 1926 – №1(4). – С.95–111.

34. Лебединский А.А. К вопросу о вымирании калмыков. – Астрахань, 1927 г. – с. 45.

35. Лиджиева И.В., Бадмаева Е.Н. Количественный учет инородческого населения Юга России во второй половине XIX в. // Журнал фронтирных исследований. – 2021. – Т. 6. – № 3(23). – С. 29–47.

36. Нахаева И.В. Социальная стратификация у кочевых народов степного Предкавказья в XIX – начале XX века: дис. ... канд. истор. наук. – Ставрополь., 2000. – 303 с.

37. Оконова Л.В. Изучение сводного годового отчета калмыцкого управления как источник в Отечественной историографии // Вестник Академии наук Чеченской республики. – 2017. № 4(37). – С.51–57.

38. Оконова Л.В. Сводные годовые отчеты калмыцкого управления: источниковедческая эвристика // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН – 2016. – Т.9. № 4(26). – С.21–28.

39. Пальмов Н.Н. Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. – Астрахань: Калм. гос. изд-во, 1922. – 137 с.

40. Ташнинов Н.Ш. Большедербетовский улус в конце XVIII – начале XX вв. // Этнографический вестник. Вып 3. – Элиста: КНИИЯЛИ, 1973. – С. 144–172.

41. Эрдниев У.Э. Калмыки. Историко-этнографические очерки. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985. – 282 с.

Н.А. Шиханов*Калмыцкий научный центр РАН***ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ 229-го АВИАОТРЯДА
В СОВЕТСКОЙ КАЛМЫКИИ С 1957 ДО 1970 гг.**

*Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп»
(№ госрегистрации: 122022700134-6)*

В статье рассматриваются организация работы 229-го авиаотряда, базировавшегося в Калмыцкой АССР в указанный хронологический период, а именно первые полеты, строительство аэродромов, состояние авиапарка и существенный вклад в социально-экономическое развитие республики. Показано функционирование Элистинского авиаотряда, в частности, ежегодные плановые показатели и их выполнение, маршруты полетов, перевозки пассажиров и грузов, количественный состав авиапарка и состояние аэродромов в Калмыкии. Вопросы истории становления и развития Советской Калмыкии остались практически не затронутыми в отечественной историографии, в основном становление авиаотряда было отражено весьма фрагментарно в несколько историко-экономических работах и не имело последовательного изучения. Элистинский аэропорт был центром базирования 229-го авиаотряда СКТУ ГА. Целью исследования является анализ хозяйственной деятельности авиаотряда. Основным материалом для данной работы послужили архивные документы НА РК фонда Р-366, в котором хранятся документы по Элистинскому аэропорту и объединенному 229-му авиаотряду. В данной работе с научными трудами применяется историко-сравнительный анализ, с помощью которого автор сопоставил в хронологическом порядке на основе архивных документов. Изучение, анализ и обобщение опыта позволят узнать степень исследования транспортной инфраструктуры Советской Калмыкии, а именно историю развития авиаотряда и аэропорта. В конце статьи подведены выводы и результаты исследования.

Ключевые слова: *авиаотряд, аэропорт, транспортная инфраструктура, Калмыцкая АССР, транспорт, гражданская авиация, пассажирские перевозки, самолет, авиатехника, Элиста, воздушные линии.*

N.A. Shikhanov*Kalmyk Scientific Center of the RAS***THE HISTORY OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT
OF THE 229th AIR SQUADRON
IN SOVIET KALMYKIA FROM 1957 TO 1970**

*The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6
'The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political
and Cultural History of Social Communities and Groups'*

The article discusses the organization of the work of the 229th aviation squadron based in the Kalmyk ASSR in the specified chronological period, namely the first flights, the construction of airfields, the state of the fleet and a significant contribution to the socio-economic development of the republic. The functioning of the Elista air squadron is shown, in particular, annual targets and their implementation, flight routes, transportation of passengers and cargo, the quantitative composition of the fleet and the condition of airfields in Kalmykia. The issues of the history of the formation and development of Soviet Kalmykia remained practically untouched in Russian historiography.

basically the formation of the air squadron was reflected very fragmentally in several historical and economic works and had no consistent study. Elista airport was the home base of the 229th squadron of the SKTU GA. The purpose of the study is to analyze the economic activity of the air squadron. The main material for this work was archival documents on the RC of the R-366 foundation, which stores documents on the Elista airport and the united 229th Air squadron. In this work, historical and comparative analysis is used with scientific works, with the help of which the author compared in chronological order on the basis of archival documents. The study, analysis and generalization of experience will allow you to find out the degree of research of the transport infrastructure of Soviet Kalmykia, namely the history of the development of the air squadron and the airport. At the end of the article, the conclusions and results of the study are summarized.

Key words: *air squadron, airport, transport infrastructure, Kalmyk ASSR, transport, civil aviation, passenger transportation, airplane, aircraft, Elista, air lines.*

Республика Калмыкия является одним из сельскохозяйственных регионов страны. Обширная площадь и множество отдаленных сельских населенных пунктов области требуют наличия хорошо развитой транспортной сети. Отсутствие асфальтированных и железных дорог в субъекте являлось серьезным препятствием по координации действий и оперативному управлению всей хозяйственной деятельностью региона, поэтому авиация была призвана помочь молодой автономии в решении трудных экономических задач. Источниковой базой исследования послужили архивные материалы, собранные в ходе работы в архивном фонде Р-366 НА РК.

История Элистинского авиационного отряда началась в 1930 г., когда в январе того года прибыл первый самолет в Элисту, выделенный для обслуживания потребностей автономной области, хотя возрастающая надобность в авиации возникла еще раньше [3, с. 99]. С образованием столицы социалистической Калмыкии – города Элиста – Калмыцкий областной исполнительный комитет от 16 сентября 1930 г. выносит ходатайство перед Советским правительством «Об установлении воздушной линии и включении ее в титульный список 1930–1931 гг.». Такая телеграмма была послана Главному инспектору гражданского воздушного флота от 12 октября 1930 г. Как явствует из ответа главной инспекции гражданского воздушного флота за № 218 от 25 октября 1930 г. [10, с. 1–2], просьба Облисполкома будет удовлетворена только с весны 1931 г., так как для регулярного движения самолетов требуется довольно значительное наземное оборудование: посадочные площадки, станционные сооружения, посты метеорологической службы и т.д., поэтому этот вопрос был отложен из-за нехватки денежных средств.

Следующим этапом истории авиаотряда является его деятельность в возрожденной Калмыцкой АССР с 1957 по 1991 гг. Большое развитие авиация в Калмыкии получила в восстановленной автономии калмыцкого народа потому, что заново пришлось отстраивать республику от разрушений и запустения [1, с. 78]. В целях удовлетворения всевозрастающей необходимости обслуживания авиацией сельского хозяйства, здравоохранения и связи, а также перевозки пассажиров, грузов и почты на территории Калмыцкой АССР, исполнительный комитет Областного Совета депутатов трудящихся Калмыцкой АССР 12 сентября 1958 г. вынес решение об организации авиационного отряда гражданского Воздушного флота в г. Элисте с ходатайством перед начальником Главного управления (далее ГУ) Гражданского воздушного флота (далее ГВФ) Главного маршала авиации П. Ф. Жигаревым об организации в 1958 г. авиаотряда спецприменения и местных воздушных линий в г. Элисте, строительстве аэровокзала на 100 пассажиров в 1959 г. Для этого было ассигновано Советским правительством 12 тыс. рублей. 25 мая 1959 г. № 118 ГУ ГВФ СССР и решение Северо-Кавказского

территориального управления (далее СКТУ) № 229 по просьбе правительства Калмыцкой АССР выделили из Ставропольского авиационного подразделения самостоятельной авиаотряд, он получил 229-й номер в списке авиаотрядов [5, с. 158–162]. 1 февраля 1960 г. авиаотряду выделили помещение для организации городского агентства и открыли регулярное воздушное сообщение с аэропортами местных воздушных линий (далее МВЛ) с 1959 г. Задачей авиаотряда являлась перевозка народно-хозяйственных грузов самолетами, доставка почтовой корреспонденции, ранних овощей, фруктов, рыбных товаров, рассев минеральных удобрений, обработка фруктовых садов и виноградников, санитарные перевозки больных, опыление ядохимикатами мест, зараженных саранчой, уничтожение полевых грызунов – разносчиков чумы [2, с. 188–190].

Численность рабочего персонала 229-го авиаотряда в 1959 г. – 116 ед.: 1) рабочие – 21; 2) ученики – 3; 3) инженерно-технический работник – 61; 4) служащие – 10; 5) младший обслуживаемый персонал – 3; 6) летно-подъемный состав – 18; 7) пилоты – 10; 8) вторые пилоты – 2.

Первым командиром 229-го объединенного авиационного отряда (далее ОАО) СКТУ ГВФ был Лебедев Алексей Иванович, а его заместитель, он же командир, Соломонов Роберт Сергеевич. Впоследствии командирами 229-го авиаотряда были такие люди, как Столбин, М. И. Медведев, В. Н. Размазнин, А. Келин.

Элистинский аэропорт был местом базирования 229-го авиаотряда. Распоряжением Облисполкома от 25 ноября 1958 г. был отведен земельный участок для строительства нового аэропорта в районе кирпичного завода. В связи с этим в 1958 г. в г. Элисте строится новое здание аэровокзала, совмещенное со службами аэропорта, в 1959 году образована авиационная эскадрилья из Ан-2, которая базировалась в аэропорту. Затем авиаэскадрилья 10 марта 1959 г. преобразована в 229-й авиаотряд Северо-Кавказского управления гражданской авиации (далее СКУ ГА). В 1959 г. вышло решение Исполкома областного Совета депутатов трудящихся Калмыцкой АССР «Об организации авиаотряда гражданского Воздушного флота в гор. Элиста», в котором аэровокзал на 100 пассажиров должен был построен в 1959 г. в аэропорту, а также ввести в коммунальный фонд 20 многоквартирных стандартных домов под жилплощадь летному и техническому составу авиаотряду и установить их в черте города [НА РК. Ф. Р-366. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–3].

В самом начале своей деятельности руководство авиаотряда встретилось с типичными проблемами того времени в восстановленной автономии: утечка профессиональных кадров, отсутствие жилищной площади или медленное строительство многоквартирных домов для летного и технического персонала, отсутствия водоснабжения в аэропорту [НА РК. Ф. Р-366. Оп. 1. Д. 1. Л. 5]. Об этом докладывал командир 229-го авиаотряда А.И.Лебедев Первому секретарю Калмыцкого обкома КПСС М.А. Понамареву. По плану развития МВЛ предусмотрено открытие трех авиалиний местного значения:

1. Элиста–Башанта–Сальск–Элиста
2. Элиста–Комсомольский–Каспийский–Элиста
3. Элиста–Садовое–Элиста

Для строительства аэродромов в районных центрах республики было израсходовано 210 тыс. руб., а для Элистинского аэропорта было ассигновано 600 тыс. руб. из средств местного бюджета [НА РК. Ф. Р-366. Оп. 1. Д. 1. Л. 15–16]. Сам аэропорт находился на востоке г. Элисты, но с расширением города возник вопрос о перемещении аэропорта в северную часть города в сторону с. Троицкое. Вопрос проблемы аэропорта решался на уровне Совета Министров Калмыцкой АССР, например, на это

указывает письмо Э.А.Сангаеву, председателю Совета министров Калмыцкой АССР, где СКТУ ГВФ планирует капитальное строительство на 1960 г., в котором предусмотрены большие строительные работы по созданию в г. Элисте столичного аэропорта. Совет Министров Калмыцкой АССР должен рассмотреть вопрос строительства Элистинского аэропорта – с увеличением самолетомоторного парка и размещением в аэропорту многоместных скоростных самолетов, с предоставлением максимальных условий по культурному обслуживанию пассажиров. Для этого Совет Министров Калмыцкой АССР должен утвердить сумму 3 230 000 рублей для производства минимальных строительных работ. Неосвоение полной суммы средств, выделенных в 1959 г., было обусловлено слабой работой строительной организации треста «Калмыкстрой» [НА РК. Ф. Р–366. Оп. 1. Д. 1. Л. 9].

Элистинский авиаотряд стал активно помогать народному хозяйству Калмыкии [7, с. 383]. Эскадрилья в основном состояла из самолетов таких типов, как Ан-2 и Як-12, прозванных в народе «кукурузниками». Среди главных преимуществ самолета такого типа – простота в эксплуатации, возможность взлета и посадки на неподготовленных грунтовых площадках, малый пробег и разбег, что делало кукурузник незаменимым для работы на мало освоенных территориях Сибири, Крайнего Севера и Средней Азии. В республике эксплуатировалось несколько модификаций легкомоторных самолетов Як-12 и Ан-2. Например, Ан-2М был модернизированный и сельскохозяйственный, использовался для внесения удобрений и борьбы с вредителями, болезнями, сорняками. Ан-2С был санитарный и оборудован местами на шесть лежачих больных. Была модель Ан-2СХ сельскохозяйственный, оборудованный химическим баком емкостью 1 400 л., распылителем для сыпучих веществ или опрыскивателем для жидких химикатов. Серия Як тоже была представлена несколькими моделями самолетов: Як-12Р, Як-12СХ и Як-12УТ. Эти самолеты могли совершить посадку практически на любой твердый участок земли.

В феврале 1956 г. состоялся XX съезд КПСС, который поставил перед гражданской авиацией задачу обеспечить среднегодовой прирост грузооборота на 25,5%, а перевозок пассажиров на 30%. Подобные высокие темпы могли быть достигнуты лишь путем значительного повышения производительности полетов и труда на основе технического прогресса, прежде всего, широкого внедрения реактивной техники, комплексной механизации и автоматизации производства, внедрения нового оборудования и передовой техники [11, с. 11–15]. Первые рейсы имели большой процент отмен и задержек, которые произошли по вине личного состава или плохих метеоусловий. Например, приведем сведения выполнения производственного плана по 229-му авиаотряду за 1959 г. Производительность труда на местных воздушных линиях на Ан-2 была выполнена в 602 часах, что составляет 81%, а на Як-12 1893 часов – 73%. Санитарная авиация выполнила план на 61%, авиация спецприменения на 62%, налет самолетов был выполнен на 70%. План по обработке площадей выполнен на 80%. План перевозок пассажиров достигнут на 44%, грузов только на 33%, а почты на 74%. Это показывает, что авиапредприятию было трудно полностью выполнить производственный план в начале своей деятельности из-за хозяйственных проблем в республике [НА РК. Ф. Р–366. Оп. 1. Д. 8. Л. 1]. Основной причиной невыполнения плана явился организационный период, так как отряд был образован в марте 1959 г. В связи с этим рабочий штат не был укомплектован. Летный состав не был обучен для выполнения заданий, а также для производства авиационных работ. В основном летчики не были допущены к перевозке пассажиров. Весь 1959 г. и до этого времени в отряде не было командиров самолетов Ан-2. Особенно плохо выполнялся план по перевозкам. План по перевозке пассажиров на местные воздушные линии (далее МВЛ) был дан

отряду на 1959 г. на 7 860 чел., фактически же было перевезено 3 723 чел. Это объясняется тем, что населенные пункты в Калмыкии очень мелкие, а численность населения маленькая. Поэтому развитие местных воздушных линий затрудняется тем, что на Ан-2 из-за отсутствия загрузки, на Як-12 возить пассажиров нерентабельно. Но все же в 1960 г. планировали открыть местные линии на Як-12 с целью их изучения [1, с. 168]. Кроме того, плохо была налажена рекламная работа в агентстве. План по обработке площадей также не выполнен. Причиной явилось то, что почти весь год не было ни техника, ни инженера по спецприменениям, которые должны были непосредственно заниматься организацией работ. Слабо изучались возможности в Калмыкии в области производства авиационных работ. Не были подготовлены экипажи к авиационным работам. Причиной невыполнения плана явились также неблагоприятные метеословия. В самые интенсивные месяцы – май и июнь – самолеты не летали из-за отсутствия хорошей погоды. Каждый год руководство авиаотряда делало годовой отчет, в который входили следующие показатели: сведения о налете тонно-километров, тарифных тонно-километрах и пассажирообороте, количестве первоначально отправленных пассажиров и налете часов по спецприменению. Ежедневно все вылеты и прилеты самолетов на МВЛ отражались в бортовом журнале [12, с. 239–240]. В конце рабочего дня служба движения предоставляла сведения о невыполненных плановых рейсах с указанием причины (погодные условия, неисправность техники и др.). В основном рейсы в 229-м авиаотряде отменялись по причине погодных условий из-за сильного ветра.

Также есть отчет о работе авиаотрядов авиации спецприменения и воздушных съемок 229-го авиаотряда СКТУ ГВФ за годовой 1959 г.

Таблица № 1

Виды работы	Налет часов		Обработана	
	Ан-2	Як-12	площадь в гектарах	
I. Спецприменения				
1. Оплаченный вспомогательный полет	34	128	–	–
2. Прочие применения и заказные полеты	3	50	–	–
3. Авиационные работы – всего	201	1 046	24 102	41 122
а) Борьба с саранчой опыление	–	27	–	1 675
б) Борьба с вредителями сахарной свеклы	13	80	1 917	4 646
в) Борьба с вредителями многолетних трав	–	1	–	50
г) Борьба с черепашкой опыление	56	136	6 160	6 030
д) Борьба с вредителями леса опыление	5	7	1 100	651
е) Борьба с сусликами приманкой	12	101	8 644	15 175
ж) Рассев минеральных удобрений	57	497	3 695	10 454
з) Борьба с прочими вредителями и болезнями сельского хозяйства	–	151	–	1 328
и) Борьба с сорняками	58	48	2 586	1 103
Итого	238	1 224	24 102	41 122

Командир Элистинской отдельной ОАЭ СКТУ ГВФ Столбин докладывал своему начальству, что тормозит развитие авиации в Калмыцкой АССР:

1) Отсутствие жилищного фонда сдерживает или лишает возможности подбора авиаспециалистов (летно-технический состав). Потребность в жилье превышает 35 квартир.

2) В связи с застройкой прилегающей территории Каспийского аэропорта необходимо перенести аэродром в другое место вместе со строительством служебных зданий.

3) По аэропорту в Садовом необходимо установить телефонную связь с районным центром, подвести электропитание и построить метеоплощадку и агрегатную площадку.

4) В аэродромах Башанты, Яшалты, Бурунного, Комсомольского необходимо строительство зданий аэропорта и планировка аэродромов.

5) Слабая помощь райисполкомов в вопросах расширения почтовых аэродромов Юстинского и Приозерного почтовых колец. Безопасность полетов не обеспечивается неудовлетворительным состоянием аэродромов.

6) Необходимо предусматривать работу в транспортном балансе Республики и районов.

7) По Элистинскому аэропорту необходимо решить следующие проблемы:

(а) строительство аэровокзала на 100 мест;

(б) строительство бетонных взлетно-посадочной полосы, рулежных дорожек и мест стоянок с установлением оборудования для слепой посадки ОСП-48;

(с) построить служебные сооружения согласно плану.

8) Закончить строительство 24-х квартирного жилого дома в 1962 г. и построить в 1963 г. 48 кв. жилой дом.

Объем капиталовложений в 1962-64 гг. составит 1960 тыс. руб. [НА РК. Ф. Р-366. Д. 16. Л. 4].

Начало 60-х годов ознаменовано в Калмыкии бурным развитием промышленности, транспорта и сельского хозяйства [6, с. 642–658]. В частности, были открыты две линии МВЛ и линии союзного значения (далее ЛСЗ), образование самостоятельного авиапредприятия позволило расширить сеть воздушных линий, начать планомерную подготовку аэродромов местных воздушных линий в 18 пунктах республики. Авиаотряд энергично участвует в социалистическом соревновании, конкурируя с другими авиаотрядами СКУ. Создаются воздушные линии с выходом транзитными рейсами на Кавказские Минеральные воды и к Черному морю. Аэропорт начинает принимать новые самолеты Ан-24. В этот период начинает интенсивно развиваться авиация для сельскохозяйственных нужд республики [8, с. 53]. Но, поскольку возможностей для полного ремонта самолетов не было в аэропорту, руководство командировало экипажи для перегонки в другие города СССР: Омск, Саратов, Ростов-на-Дону, Винницу, Харьков, Львов и Таллинн [9, с. 141]. География деятельности 229-го авиаотряда в Калмыцкой АССР: Садовое, Малые Дербеты, Красное Село¹, Красносельский², совхоз им. Чкалова³, Сухотинский⁴, с-з им. Чапаева⁵, Привольный, Присарпинский⁶, Приозерное⁷, Сарпа, Ергенинский, Яшкуль, Яшалта, Башанта, Утта, Каспийский⁸, Комсомольский, Адык, Каракуль⁹, Смушковский, Полынный¹⁰, Трудовой¹¹, Первомайский¹², Раздольный¹³, Бурунный¹⁴, Белоозерный¹⁵.

¹Ныне поселок Ики-Бухус Малодербетовского района.

²Ныне поселок Хонч Нур Малодербетовского района.

³Ныне поселок Чкаловский Кетченеровского района.

⁴Ныне поселок Кетченеры Кетченеровского района.

⁵Ныне поселок Ханата Малодербетовского района.

⁶Ныне поселок Барун Юстинского района.

⁷Ныне поселок Цаган-Нур Октябрьского района.

⁸Ныне город Лагань Лаганского района.

⁹Ныне поселок Эрдниевский Юстинского района.

¹⁰Ныне поселок Бергин Юстинского района.

¹¹Ныне поселок Юста Юстинского района.

¹²Ныне поселок Харба Юстинского района.

¹³Ныне поселок Татал Юстинского района.

¹⁴Ныне поселок Цаган-Аман Юстинского района.

¹⁵Ныне поселок Белоозёрский в Юстинском районе.

Список МВЛ 229-го авиаотряда на 1961 г. [НА РК. Ф. Р-366. Оп. 1. Д. 17. Л. 29-30]:

- 1) Садовое почтовое кольцо
- 2) Приозерное почтовое кольцо
- 3) Бурунное почтовое кольцо
- 4) Каспийское почтовое кольцо
- 5) Элиста–Башанта
- 6) Элиста–Яшалта
- 7) Элиста–Каспийский
- 8) Элиста–Благодарное–Пятигорск
- 9) Элиста–Бурунный
- 10) Элиста–Ставрополь
- 11) Элиста–Ростов-на-Дону
- 12) Элиста–Садовое–Сталинград

План перевозок народно-хозяйственных грузов в районные центры воздушным транспортом на 1962 г. по отдельной авиаэскадрилье аэропорта Элиста СКТУ ГВФ [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 333. Л. 46]. Он подробно показывает товарооборот между Элистой и районными центрами республики [13, с. 119-127].

Таблица № 2

Пункт отправления-пункт назначения	Наименование груза	Грузоотправители	Всего/тонн/	В том числе по кварталам			
				1	2	3	4
Элиста-Каспийский	Прочие грузы	Управление снабжения и сбыта	2	0,4	0,6	0,6	0,4
Элиста-Каспийский	Медикаменты	Калмыцкое аптекоуправление	1,5	0,3	0,4	0,5	0,3
Элиста-Каспийский	Книги и др. грузы	Министерство культуры	1	0,2	0,3	0,3	0,2
Каспийский-Элиста	Рыбопродукция	Министерство местной промышленности	2	0,4	0,6	0,6	0,4
Каспийский-Элиста	Овощи, фрукты	Министерство торговли	1	0,2	0,3	0,3	0,2
Элиста-Башанта	Прочие грузы	Управление снабжения и сбыта	1	0,2	0,3	0,3	0,2
Элиста-Башанта	Прочие грузы	Министерство местной промышленности	1,5	0,3	0,4	0,5	0,3
Элиста-Башанта	Книги и др. грузы	Министерство культуры	1	0,2	0,3	0,3	0,2
Элиста-Башанта	Медикаменты	Калмыцкое аптекоуправление	1,5	0,3	0,4	0,5	0,3
Башанта-Элиста	Рыбопродукция	Министерство местной промышленности	1	0,2	0,3	0,3	0,2
Башанта-Элиста	Фрукты, овощи	Министерство торговли	1	0,2	0,3	0,3	0,2

Элиста-Садовое	Книги и др. грузы	Министерство культуры	1,5	0,3	0,4	0,5	0,3
Элиста-Садовое	Медикаменты	Калмыцкое аптекоуправление	1,5	0,3	0,4	0,5	0,3
Элиста-Садовое	Прочие грузы	Управление снабжения и сбыта	0,5	0,1	0,2	0,2	–
Элиста-Бурунный	Книги и др. грузы	Министерство культуры	1,5	0,3	0,4	0,5	0,3
Элиста-Бурунный	Медикаменты	Калмыцкое аптекоуправление	1,5	0,3	0,4	0,5	0,3
Элиста-Бурунный	Прочие грузы	Управление снабжения и сбыта	1	0,2	0,3	0,3	0,2
Элиста-Комсомольский	Медикаменты	Калмыцкое аптекоуправление	1,5	0,3	0,4	0,5	0,3
Элиста-Яшалта	Медикаменты	Калмыцкое аптекоуправление	1,5	0,3	0,4	0,5	0,3
Итого			25,5	5	7,1	8	4

В 1964 г. в результате выполненной реорганизации указом Президиума Верховного Совета СССР на основе Главного управления гражданского воздушного флота при Совете министров СССР образовалось общесоюзное Министерство гражданской авиации СССР. Данный указ повлек за собой переназначение генеральных функций и направлений работы Министерства гражданской авиации [14, с. 114–120]. Теперь все территориальные управления были переименованы в управления гражданской авиации. Элистинская авиагруппа вошла в состав Северо-Кавказского управления гражданской авиации. Летом 1966 г. отдельная Элистинская авиаэскадрилья преобразована в Элистинский объединенный авиаотряд СКУ ГА. В основном из Элисты были рейсы местного и всесоюзного значения для пассажиров. С конца 60-х годов авиаотряд проводит в республике набор молодых абитуриентов в авиатехнические училища, чтобы взрастить молодые кадры из местного населения. 7 сентября 1970 г. был сдан в эксплуатацию новый аэрокомплекс к северу от города, с новой бетонной взлетно-посадочной полосой, соединивший столицу республики воздушным сообщением с Москвой и 17 городами страны, а также районными центрами республики, новые средства управления, которые позволили принимать современные реактивные самолеты [6, с. 652]. В связи с этим аэропорты соседних регионов помогали элистинскому коллективу с переездом в срок. В дальнейшем авиационный парк базовых воздушных судов пополнился первыми реактивными самолетами Як-40. Развиваются наземная база по техническому обслуживанию самолетов, коммунальные службы, построена гостиница для транзитных пассажиров.

Калмыцкая АССР связана авиалиниями с Москвой, Ростовом-на-Дону, Волгоградом, Астраханью, Грозным, Ставрополем и другими городами, а также со многими районными центрами внутри республики [3, с. 137]. С появлением базовых самолетов Як-40 быстрыми темпами развиваются межрегиональные пассажирские перевозки [15, с. 90–96]. Аэропорт Элиста был связан воздушными линиями более чем с 20 городами Советского Союза. Резко увеличиваются объемы работ, выросло авиапредприятие, возросло количество работающих людей на нем – от 116 человек в 1959 г. до 700 человек в 80–90-е годы.

Самолетами 229-го авиаотряда были обработаны сотни гектаров посевных площадей, производились вылеты на борьбу с сельскохозяйственными вредителями, были перевезены десятки больных самолетами санитарного варианта, люди в труднодоступных местах систематически получали квалифицированную медицинскую помощь, ежедневно получали почту труженики калмыцких полей и животноводы, производилась перевозка пассажиров.

Источники

НА РК – Национальный архив Республики Калмыкия.

Список литературы

1. Калмыцкая АССР за 50 лет Советской власти: Стат. сборник / ЦСУ РСФСР. Стат. упр. Калм. АССР. – Элиста: Калмиздат, 1967. – 198 с.
2. Климов, И. П. Становление гражданской авиации на Урале (20–30-е гг. XX века) / И. П. Климов // Вестник Тюменского государственного университета. – 2006. – № 1.
3. Клюкин, Н. В. Калмыцкая АССР: Экономико-географический очерк / Н. В. Клюкин, С. В. Манджиев. – Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1970. – 144 с.
4. Кушнерев, В. В. Ранние этапы истории краснодарского авиаотряда (1932–1945) / В. В. Кушнерев // Наследие веков. – 2019. – № 1(17). – С. 98–102.
5. Лазуревская, Ю. А. Этапы становления гражданской авиации на территории Северо-Кавказского края / Ю. А. Лазуревская // Общество: философия, история, культура. – 2022. – № 8(100). – С. 158–162. – DOI 10.24158/fik.2022.8.26.
6. Максимов К. Н. Социально-экономическое положение в республике // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 тт. Т. 2. – Элиста: Герел, 2009. С. 642–658.
7. Максимов, К. Н. Калмыкия в XX веке. Исторический опыт и его значение / К. Н. Максимов, И. В. Лиджиева. – Москва: Федеральное государственное унитарное предприятие «Академический научно-издательский, производственно-полиграфический и книгораспространительский центр «Наука», 2017. – 461 с. – ISBN 978-5-02-040037-5.
8. Народное хозяйство АССР в 1965 году. Статистический сборник. – М. 1966.
9. Очерки истории Калмыцкой АССР / АН СССР. Ин-т истории. Калм. науч.-исслед. ин-т яз., литературы, истории ; [Гл. ред. Н. В. Устюгов и др.]. – Москва: Наука, 1967–1970. – 2 т.;
10. Постановление СНК СССР от 19.05.1934 N 1180 «О реорганизации органов управления гражданского воздушного флота» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=30505#05616229773057086>
11. Транспорт и связь СССР: Стат. сборник / Центр. стат. упр. при Совете Министров СССР. – Москва: Госстатиздат, 1957. – 260 с
12. Третьяков, М. В. Деятельность Магаданской отдельной авиагруппы Гражданской авиации в 1963-1965 гг. / М. В. Третьяков // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых учёных: сборник материалов Всероссийской молодежной научной школы-конференции, Москва, 25–27 августа 2016 года. – Москва: Издательство «Апельсин»; Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, 2016. – С. 238–247.

13. Третьяков, М. В. Работа Магаданского управления гражданской авиации во второй половине 1970-х гг / М. В. Третьяков // Вопросы истории. – 2019. – № 8. – С. 119-127. – DOI 10.31166/VoprosyIstorii201908Statyi14.

14. Третьяков, М. В. Деятельность магаданской отдельной авиагруппы (управления) гражданской авиации в 1966–1970 гг / М. В. Третьяков // Вопросы истории. – 2018. – № 10. – С. 114-120.

15. Третьяков, М. В. История безопасности полётов в Магаданском управлении гражданской авиации в 1970–1975 гг. / М. В. Третьяков // Россия и АТР. – 2022. – № 2(116). – С. 89-110. – DOI 10.24412/1026-8804-2022-2-89-110.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

А.Р. Дадаева, Л.М. Бахаева

Чеченский государственный педагогический университет

**КОНЦЕПТ «ДОБРО/ЗЛО» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ
РУССКОГО И ЧЕЧЕНСКОГО НАРОДОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЕЙ)**

Статья посвящена изучению концепта «добро/зло» в языковой картине мира русского и чеченского народов на материале толковых словарей. В современной лингвистике существуют методы изучения концептов. Самым эффективным методом, на наш взгляд, является метод дефиниций, представленных в словарях. Толковые словари разных периодов позволяют нам видеть то, что присуще русскому и чеченскому народам, что передается от поколения к поколению, какие понятийные и культурные признаки присутствуют в лексических значениях рассматриваемых слов.

Концепты добро и зло представляют собой одни из ключевых смысловых единиц в национальной культуре многих народов и являются одними из основных концептов в языковой картине мира многих народов. В данной статье они определяют сущность русской и чеченской языковой картины мира, выполняя функцию критерия оценки социального и нравственно-эстетического поведения людей.

***Ключевые слова:** добро, зло, концепт, лингвокультурная модель, толковый словарь, языковая картина мира.*

A.R. Dadaeva, L.M. Bakhaeva

Chechen State Pedagogical University

**THE CONCEPT OF “GOOD/EVIL” IN THE LANGUAGE PICTURE
OF THE RUSSIAN AND CHECHEN PEOPLES
(BASED ON THE MATERIAL OF EXPLANATORY DICTIONARIES)**

The article is devoted to the study of the concept of “good/evil” in the linguistic picture of the world of the Russian and Chechen peoples on the material of explanatory dictionaries. In modern linguistics, there are methods for studying concepts. The most effective method, in our opinion, is the method of definitions presented in dictionaries. Explanatory dictionaries of different periods allow us to see what is inherent in the Russian and Chechen peoples, what is passed down from generation to generation, what conceptual and cultural features are present in the lexical meanings of the words in question.

The concepts of good and evil represent one of the key semantic units in the national culture of many peoples and is one of the main concepts in the linguistic picture of the world of many peoples. The researchers define the essence of the Russian and Chechen linguistic picture of the world, performing the function of a criterion for evaluating the social and moral and aesthetic behavior of people.

***Key words:** good, evil, concept, linguistic and cultural model, explanatory dictionary, linguistic picture of the world.*

Изучение языковой картины мира – самая актуальная проблема в когнитивной лингвистике. Известно, что человек как субъект познания один из носителей определенной системы знаний.

Особую популярность в последнее время приобретает изучение ментальности на языковом материале представителей разных культур [6; 10; 17; 18].

Совокупность знаний и представлений человека о мире, отраженных в языке, называют «языковой моделью мира», или «языковой картиной мира». Языковая картина мира имеет национальную специфику и отражает национально-культурную ментальность его носителей, сохраняя при этом в себе все глубинные, архаические пласты представлений древнего человека о мире, о Вселенной [8, с. 253].

Актуальность исследований в области лингвистики заключается как в языковых явлениях, так и в определении специфики. Это способствует взаимопониманию разных народов, что особенно важно в любой сфере жизнедеятельности, а также отражает актуальность проблемы и убеждает в важности изучения концептосферы нации в рамках контрастивного анализа.

Ю.С.Степанов определяет концепт как «сгусток культуры в сознании человека: то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека, и, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нею» [15].

«Единицу концептуального содержания, выделяемую человеком в процессе познания с целью последующей их передачи в языковой форме или дальнейшего накопления, что предполагает ее определенное конфигурирование (или формат), а также структурную организацию в процессе хранения» [1, с. 24].

Само понимание природы концептов позволяет намного глубже постичь реальный мир, так как в них отражается представление человека об окружающих его предметах и явлениях.

Итак, в современной лингвистике стержневым становится понятие концепта, которое в качестве термина все чаще используется исследователями, занимающимися проблемами языкового культурно-ментального направления.

«Поскольку концепт обладает сложной, многогранной структурой, включающей помимо понятийной основы социо-психо-культурно-лингвальную часть, которая не столько мыслится носителем языка, сколько переживается им (она включает ассоциации, эмоции, оценки, национальные особенности, присущие данной культуре), то дать всеобъемлющее, непротиворечивое толкование этого термина, вероятно, не представляется возможным» [12, с. 18].

Концепты *добро-зло* представляют собой ключевые смысловые единицы в национальной культуре многих народов. В данной работе они выступают как сущность русской и чеченской языковой картины мира, которые выполняют функцию оценивания социального и нравственно-эстетического поведения носителей языка.

«Данные понятия *добро-зло* являются диалектически нерасторжимыми единствами, семантически противопоставляемыми представителями одного народа в зависимости от социальных и возрастных стереотипов» [12, с. 2].

Для определения понятийной составляющей вышеуказанных лингвокультурных концептов нам необходимо обратиться к толковым словарям.

Отметим, что лексикография представляет слово в совокупности всех его свойств. Это подтверждает уникальность словарей как важнейших инструментов для научных исследований. Словарь занимает особое место в формировании культуры члена общества.

«Добро – одно из наиболее общих понятий морального сознания и одна из важнейших категорий этики. Вместе со своей противоположностью – злом – добро является наиболее обобщенной формой разграничения и противопоставления нравственного и безнравственного, имеющего положительное и отрицательное моральное значение, того, что противоречит им. В понятии *добра* люди выражают свои наиболее общие интересы и устремления, пожелания и надежды на будущее.

Зло выступает как «...понятие морального сознания, которое служит наиболее обобщенным выражением представления о безнравственном, противоречащим требованиям морали, заслуживающим осуждения...» [7].

Специфика концепта «добро» в ментальном поле русского этноса заключается в постепенном исчезновении в процессе исторического периода лексико-семантических единиц, а также в отражении «искажения» ментального поля нации. Это хорошо отражается в лексикографической практике пометой «устар.».

Древнерусский концепт «добро/благо» для выражения основного лексического значения имел шестнадцать лексико-грамматических вариантов: *благодать, благодатьство, благодатие, благостыня, благость, благота, благоденство, благодествование, благоделье, благодетельство, благодеть, благодетье, благодаяние, благотворение, благодествоие, благодательство* [12, с. 30].

Толковый словарь Д.Н.Ушакова определяет лексему «добро» как: положительное начало в нравственности, противоп. зло. *Люди стремятся к истине, добру и красоте*; то, что хорошо, полезно, приятно; доброе дело, добрые поступки; личное имущество, пожитки.

Толковый словарь русского языка под редакцией Н.Ю.Шведовой [11] дает такие определения лексемы *добро*, как: нечто положительное, хорошее, полезное, противоположное злу; добрый поступок; имущество, вещи.

И последний словарь, к которому мы обратимся, «Словарь русского языка С.И.Ожегова»: всё положительное, хорошее, полезное имущество, вещи.

Из данных значений ключевой лексемы можно выделить следующие концептуальные признаки концепта *добро*: все доброе, положительное, полезное; противоположно злу; добрые поступки; все, чего требует от нас долг человека, гражданина, семьянина; благо; имущество, вещи.

В чеченском языке концепт «дика» (добро) представлен следующими определениями (мы использовали основную часть представленных лексем):

Дика, диканиг – добро [9, с. 142];

Диканан, диканна, дикано, дикане, диканаиш – добро (всё хорошее, положительное) [5, с. 295];

Дикалла – доброта [5, с. 295];

дика дерг, хайра – добро [5, с. 294];

Догдикалла – добродушие [9, с. 147];

Дика болх – благое дело [4, с. 92];

Дика хилла, дог дика хила, комаьрша хила, комаьршадала – добреть [5, с. 294].

В понимании современных людей слово *зло* представляется как действие, направленное во вред сущности другого человека. Отсюда само понятие *злодеяние* выступает в той же семантической валентности, что и слово *зло*. Но нужно отметить, что *злодеяние* является устаревшей лексемой и употребляется с ироническим оттенком. Однако это синоним лексемы *зло*.

Третий ряд синонимов отражает утилитарную форму зла, т. е. представление о зле как о неприятности. В словаре З.Е.Александровой [14] в этот ряд включены лексемы «неправда, несчастье, беда». По мнению многих исследователей, «неприятность, беда, неправда» не являются синонимом исследуемого нами слова *зло*. Как показал поиск в Национальном корпусе русского языка, в современном русском языке данные слова в этом значении не употребляются.

Лексема *зло* по определению «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля [3]: худое, лихое, худо, лихо; противоположное добру.

Толковый словарь Д.Н.Ушакова определяет лексему *зло* как: дурное, греховное, вредное; беда, напасть, несчастье; злость, злое чувство, досада.

Толковый словарь русского языка под редакцией Н.Ю.Шведовой [11] дает такие определения лексеме *зло*, как: нечто дурное, вредное, противоположное добру; злой поступок; беда, несчастье, неприятность; досада, злость.

Словарь русского языка С.И.Ожегова предлагает следующие определения лексемы *зло*:

- нечто дурное, вредное;
- беда, несчастье, неприятность;
- досада, злость.

Из данных значений ключевой лексемы можно выделить следующие концептуальные признаки концепта *зло*:

- нечто дурное, вредное, греховное;
- беда, несчастье, неприятность;
- досада, злость, злое чувство;
- худое, лихое; противоположно добру;
- злой поступок.

Рассмотрим концепт «вон» (зло) в чеченском языке.

Вон, зулам, Хиуттаре – зло;

Догволла – злобность;

Догвон, догвониг, оьгазе – злобный;

Догълаьржаниг, вон амалъберг – зловредный;

Зуламхо – злодей;

Дера – зло;

Мекарло – злонамеренность;

Мекара, мекарниг – злонамеренный;

Кхардам – злорадство;

Кхарда – злорадствовать;

Оьгазалла, оьгазало, дералла – злость;

Мотволла – злоязычие;

Мотвониг – злоязычный [4, с. 707].

Вон – дурной, нехороший, злой; плохой, скверный [4, с. 92].

Вон, зен – зло; вред, что-л. дурное; неприятность, досада;

Хиуттаре – сделать что-либо со зла;

Хиуттаре, хьаги, оьгиазло – злоба;

Вон хьажар – плохой взгляд;

Гуллакх – злобствовать;

Дог вон – зловредный;

Дог Iaьржа – черная душа;

Дог Iaьржа стаг – человек с чёрной душой;

Зуламхо – злодейский;

Зулам дан – совершить зло;

Дера вон зуламе – недоброжелательный; выражающий злобу; проникнутый злобой;

Вонстаг – плохой человек;

Дера биаьргаш – злые глаза;

Дера – свирепый; заключающий в себе зло;

Вон юьхь – злое начало;

Вониг ца дицлу – злопамятный;

Вониг дицлуш воцу стаг – злополучный, злорадный;

Вон лен – неисправимый;

Дера – злока, злочка (м., ж. разг.);

Дераниг – злющий [5, с. 426].

В русском и чеченском языках лексема «добро» содержит в некоторой части сходные структурные единицы. Зоны толкования слова *добро* в словарях разных времен позволяет нам прийти к тому, что ядро содержания концепта *добро* связано со всем положительным и хорошим, не изменяется, содержание со временем расширилось.

Таким образом, *добро* в сознании русского и чеченского народов является одним из важнейших понятий, которое раскрывает оценочное действие носителей данных языков.

В ходе проведенного небольшого анализа нами построена лингвокультурная модель концепта «добро», которая позволила учесть образную, ценностную и понятийную составляющую концепта.

Результаты анализа лексемы *добро/зло* по словарям показали, что общим для русского и чеченского толкования являются следующие дефиниции:

добро

- благо, благополучие;
- добрый поступок;
- всё хорошее, положительное;
- доброта;
- благое дело;
- добреть;

зло

- что-то дурное, вредное, плохое;
- несчастье; злые поступки;
- противоположно добру;
- зло выступает в роли «нечто», то есть чего-то абстрактного, чувства и поступка;
- зло трактуется как часть человека: его чувства (досада, злость), поступки.

Отсюда можно сделать вывод, что образная составляющая концепта исследуемых понятий выступает в роли нормативно-оценочной категории, при изучении которой указываются пути изучения менталитета нации не только как научного объекта, но и как социального и культурного явления.

Список литературы

1. Болдырев Н.Н. О метаязыке когнитивной лингвистики: концепт как единица знания // Когнитивные исследования языка: сб. науч. тр. М.: Институт языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2011. Вып. IX. Взаимодействие когнитивных и языковых структур. – С. 23–32.

2. Голубева И.С. Ассоциативный эксперимент как инструмент выявления семантического поля концептов добро и зло // Закономерности и тенденции инновационного развития общества: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, Стерлитамак, 28 января 2019 года. – Стерлитамак: Общество с ограниченной ответственностью «Агентство международных исследований», 2019. – С. 94–97.

3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. – М.: Дрофа; Рус. яз. Медиа, 2011. Т. 1. – 699 с.

4. Исмаилов А.Т. Слово (Размышление о чеченском языке). – Элиста: АПП «Джипгар», 2005. – 928 с.

-
5. Карасаев А.Т., Мациев А.Г. Русско-чеченский словарь. – М: Русский язык, 1978. – 728 с.
 6. Ковалевская С.А. Лексическая репрезентация этических лингвоэкологических концептов ДОБРО и ЗЛО // Гуманитарные науки и образование. 2020. Т. 11. № 1(41). – С. 135–141.
 7. Кон И.С. Словарь по этике. – М.: Политиздат, 1981. – 430 с.
 8. Мартынюк А. Я. Национальная специфика ключевых концептов культур (на примере концептов добро и зло) // Русский язык в поликультурном мире: Сборник научных статей II Международного симпозиума. В 2-х томах, Ялта, 08–12 июня 2018 года / Ответственный редактор Е.Я. Титаренко. – Ялта, 2018. – С. 253–259.
 9. Мациев А.Г. Чеченско-русский словарь. Государственное издательство иностранных и национальных словарей. – Москва, 1961. – 627 с.
 10. Мэн У. Эволюция концепта «добро» в языковой картине русского народа (на материале толковых словарей // Тамбов: Грамота, 2017. № 2(68): в 2-х ч. Ч. 1. – С. 158–161.
 11. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: ок. 57 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. Изд-е 20-е. – М.: Русский язык, 1988. – 750 с.
 12. Пхиен А.Б. Концепты добро и зло в русской языковой картине мира // Постулат. 2019. № 1-2(39). – С. 18.
 13. Сафонова Н.В. Ментальная и языковая репрезентация концепта благо/добро в русском языковом сознании: специальность 10.02.01 «Русский язык»: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Сафонова Наталья Валентиновна. Тамбов, 2004. – 497 с.
 14. Словарь синонимов русского языка [Текст]: практический справочник: около 11 000 синонимических рядов / З.Е.Александрова. 17-е изд., стер. – Москва: Дрофа: Рус. яз. Медиа, 2010. – 564 с.
 15. Степанов Ю.С. Изменчивый «образ языка» в науке XX века // Язык и наука XX века. – Москва, 1995. – 953 с.
 16. Толковый словарь русского языка // Под ред. Д.Н.Ушакова. – М: Русские словари, 1994.
 17. Фролова О.В. Национально-культурная специфика вербализации концептов «добро-зло» (на материале английского и немецкого языков) // Актуальные проблемы науки XXI века: сборник статей участников II научно-практического семинара молодых ученых, Минск, 16 февраля 2012 года. Минск: Минский институт управления, 2012. – С. 164–173.
 18. Цеева З. А. Концепты «добро», «зло» как ценности, отраженные в нормах поведения адыгов и британцев // Теория и практика общественного развития. 2012. № 4. – С. 399–401.
-

М.В. Дайдаева, Д.Ш. Харанутова
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова

**СЕМАНТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ АБСТРАКТНЫХ ЛЕКСЕМ
В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ДЕТЕЙ С НАРУШЕНИЕМ ИНТЕЛЛЕКТА
(РЕЗУЛЬТАТЫ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА):
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

*Статья посвящена проблеме функционирования слова в индивидуальном сознании детей с нарушениями в интеллектуальной сфере, которая раскрывается на материале экспериментальных данных. В исследовании приводятся результаты свободного направленного эксперимента с абстрактным словом (слово-стимул **страх**) среди обучающихся 7,8,9 классов специальных коррекционных школ Республики Бурятия в сопоставлении с данными эксперимента с обучающимися с нормой развития из 4, 5, 7 классов (вторая группа) муниципальных образовательных организаций г. Улан-Удэ. Автор отмечает, что сопоставительный план экспериментального исследования позволил воспользоваться анализом языковых ресурсов детей одной группы для более глубокого понимания языкового сознания другой группы детей, в нашем случае детей с интеллектуальными нарушениями.*

В соответствии с результатами эксперимента автор приходит к выводу, что разница в способах категоризации действительности детей сравниваемых групп свидетельствует о том, что дети с интеллектуальными нарушениями все время стремятся к поиску опоры в материальном мире.

Ключевые слова: *вербальные ассоциации, слова-ассоциаты, системное значение слова, субъективно-психологическая лексика, слова-стимулы, наглядно-действенный тип мышления.*

M.V. Daidaeva, D.Sh. Kharanutova
Buryat State University

**THE ABSTRACT LEXEMES SEMANTIC CONTENT
IN THE LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF CHILDREN
WITH INTELLECTUAL DISABILITIES
(THE ASSOCIATIVE EXPERIMENT RESULTS):
A COMPARATIVE ASPECT**

The article is devoted to the problem of the word functioning in the individual consciousness of children with intellectual disabilities, which is revealed on the basis of experimental data. The study presents the results of a free directed experiment with an abstract word (word-stimulus fear) among students of the 7th, 8th, 9th grades of special correctional schools of the Republic of Buryatia in comparison with the experiment data of students with normal development from the 4th, 5th, 7th grades (group 2) of Ulan-Ude municipal educational organizations. The authors note that the comparative plan of the experimental study made it possible to use the analysis of the children's language resources of one group for a deeper understanding of the language consciousness of another group, in our case, children with intellectual disabilities.

In accordance with the experiment results, the authors come to the conclusion that the difference in the ways of the reality categorizing of the compared groups indicates that children with intellectual disabilities are constantly striving to find support in the material world.

Key words: *verbal associations, words-associates, the word's systemic meaning, subjective psychological vocabulary, words-stimuli, visual-effective type of thinking.*

Проблема значения слова в индивидуальном сознании детей с нарушениями в интеллектуальной сфере относится к одной из самых важных для формирующегося направления коррекционной психолингвистики.

При исследовании объема и содержания понятия «значение слова» мы опираемся на труды Е.С.Кубряковой [7, 8], З.Д.Поповой, И.Г.Стернина [12], А.А.Уфимцевой [13], А.А.Залевской [5, 6] и др.

По мнению А.А.Залевской, для выявления значения слова исследователь должен понимать, что значение обладает двойственностью, так как оно, обеспечивая взаимопонимание в процессе общения, характеризует особенности индивидуальной картины мира человека. Двойственность значения заставляет исследователя учитывать внешний и внутренний контексты для слова в сознании человека, при том что внешний контекст предполагает вербальную или ситуативную сторону, а внутренний – перцептивно-когнитивно-аффективную сторону [5, с. 17–18].

Таким образом, двойственность значения слова в сознании человека предполагает наличие двух видов значения, одним из которых является общесистемное значение, закрепленное в словарях и служащее для взаимопонимания. Общесистемное значение «представляет собой знание того, что носители соответствующего языка должны (по уговору) понимать под тем или иным словом» [5, с. 18]. Что касается второго вида, то оно ближе к понятию «индивидуальное», то есть это то значение, которое индивид устанавливает «для себя», это его представление о значении этого слова. По мнению А.А.Залевской, вторая сторона значения – это «психологическая структура значения слова, или психологическое значение слова» [5, с. 18].

Безусловно, нам для выявления специфики «освоения <...> внешнего мира в его цельности и системности», логики «осмысления ими причинно-следственных связей между явлениями действительности» [11, с. 240] необходимо понимать, как соотносятся оба вида значений одного слова в сознании исследуемых с интеллектуальными нарушениями.

В связи с тем, что общесистемное значение связано с лексикографическими источниками, считаем целесообразным вслед за Е.И.Гришук выделять системное значение слова, под которым понимается структура системного значения слова (общей дефиниции), т.е. общепринятого значения, закрепленного в словарях [1, с. 52]. Психологическое же значение слова выявляется при помощи психолингвистического эксперимента.

Между тем недостаточность абстрактного мышления присуща детям с интеллектуальными нарушениями, в связи с чем представляется важным проанализировать вербальные ассоциации, словами-стимулами которых послужили абстрактные сущительные, к отличительным чертам которого, безусловно, относится обобщение явлений действительности [подр. 14].

Для уточнения возрастной специфики значения слова у детей с интеллектуальными нарушениями эксперимент проводился в сопоставлении со второй группой детей с сохранным интеллектом. Несомненно, сопоставительный план исследования способствует проявлению существенных различий в процессе формирования значения исследуемого слова в сознании детей с интеллектуальными нарушениями.

Итак, в экспериментальном исследовании участвовали обучающиеся с легкой степенью умственной отсталости специальных (коррекционных) общеобразовательных организаций Республики Бурятия 7–9 классов (первая группа) и обучающиеся с сохранным интеллектом из 4, 5, 7 классов (вторая группа) муниципальных образовательных организаций г.Улан-Удэ. Эксперимент проводился с использованием методики субъективных дефиниций в обеих группах.

В работе ставилась задача выявить соотносительность психологического и общесистемного значений слова в сознании детей с интеллектуальными нарушениями (ИН). Для решения этой задачи испытуемым было предложено слово «*страх*» из тематической группы «субъективно-психологическая лексика».

Системное значение слова *страх* было сформировано на основе дефиниций, зафиксированных в толковых словарях, таких как Словарь русского языка С.И.Ожегова [10, с. 336], Словарь русского языка (в 4-х томах) под ред. А.П.Евгеньевой [3, с. 209], Толковый словообразовательный словарь русского языка И.А.Ширшова [15, с. 450].

Сводная дефиниция слова *страх* следующая:

- сильный испуг, оцепенение;
- события и предметы, которые вызывают страх.

В основу эксперимента легло положение, что концептуальное ядро в языковой картине мира ребят с нормой развития и ребят с нарушением интеллекта совпадает, однако способы категоризации действительности различны. Этот момент был взят нами за основу.

Предварительно обучающиеся двух групп получили инструкцию: «Услышав слово, ответьте сразу, не задумываясь. Назовите первое слово, пришедшее на ум».

Результаты эксперимента первой группы.

Первая группа разбита на три подгруппы: 1 группа – учащиеся 7 класса, 2-ая подгруппа – учащиеся 8 класса, 3-я подгруппа – учащиеся 9 класса. В каждой группе равное количество испытуемых – по 30 человек. В подгруппах заметна разница в количестве отказов, если в первой и второй подгруппе – отказов соответственно 36,6% и 33,3%, то в третьей подгруппе – всего 23,35%.

При помощи методики свободного ассоциативного эксперимента большая часть детей первой группы, получив инструкцию, не смогла приступить к самостоятельному выполнению задания. Потребовались дополнительные инструкции типа: «Слово «*страх*» я связываю со словами *темнота, высота, пауки* и т.п.».

Обучающиеся 7 классов

Страх – собака 7, темнота 4, болячка 4, укол 4, паук 4, побои 3, пауки 3, высота 3, собаки 2, машина 2, змея 2, стая собак 2, медведь 2, вода 1, падение 1, река 1, глубина 1, огонь 1, пожар 1, наводнение 1, землетрясение 1, ремень 1, страшные животные 1, ужасы 1, пришельцы 1, молния 1, ругань 1, лес 1, двойка 1, гнев 1, страшные сны 1, медведи 1, пожар 1, волки 1, полк 1, убой 1, бакуску 1, двкоты 1, двухвоски 1, овярма 1.

Некоторые обучающиеся отметили следующее: *боюсь мальчиков 1, когда страшно 1, бьют 1, мама ругает сильно 1, боюсь умереть 1, я не боюсь 1.*

Из 30 респондентов только 14 обучающихся справились с предложенным заданием. Не смогли назвать ассоциаты 11 человек, 5 написали непонятные для понимания слова.

Обучающиеся 8 классов

Страх – высота 1, темнота 5, собака 8, змеи 5, рана 4, машина 3, врач 3, удар 3, клеици 2, огонь 2, смерть 1, лев 1, тигр 1, убийство 1, полиция 1, вода 1, заблудиться в лесу 1, поезд 1, стая 1, стая собак 2, страх собак 1, стая медведей 1, медведь 1, стая волков 1, обрыв 1, операция 1, глубина 1, мышка 1, крыса 1, жуки 1, пауки 3, паук 2, глубокое море 1, ночь 1, гроза 1, град 1, буря 1, я не боюсь 1, страшно 1, ломлоли 1, мехты 1.

Некоторые обучающиеся отметили следующее: *маму потерять; потерять близких 1; страшно дома одному оставаться 1; лежать в больнице 1; бояться потерять родителей 1; когда страшно 1; тот, кто пострадает 1; я не боюсь 1; бояться 1, боюсь утонуть 1, умереть 1.*

Из 30 человек 10 не смогли назвать ассоциации к слову, 3 чел. написали непонятные для понимания слова.

Обучающиеся 9 классов

Страх – высота 9, темнота 6, собака 5, пауки 5, испуг 4, наказание 4, побои 4, драка 4, один дома 3, укол 3, ночь 3, больница 3, плохие отметки 2, ругань 2, паук 2, собаки 1, стая 1, стая злых собак 1, большой паук 1, медведь 1, тараканы 2, стадо волков 1, змеи 3, паук 2, пауки 3, жуки 1, петиухи 1, потеря 1, одиночество 1, смерть мамы 1, смерть родителей 1, смерть 1, старость 1, школа 1, директор 1, голод 1, зима 1, болезнь 1, пожар 1, огонь 1, люди с топорами 1, драка 1, избивание людей 1, грабеж 1, оружие 1, выстрелы 1, заложники 1, маньяк 1, вор 1, машина 1, вода 1, оса 1, фейерверки 1, боль 1, вулкан 1, наводнение 1, цунами 1, гроза 1, воронка, холостробофия (клаустрофобия) 1, нации 1, клонд 1.

Некоторые обучающиеся ответили следующее: *меня кусала собака; очень много страхов; когда страх, я начинаю убежать, боюсь гулять по ночам 2, оставаться дома одной 1, бояться змеи 1, бояться 1, боится 2, страшно 3, перейти через дорогу 1, испугался 2, запугали 1.*

Большая часть девятиклассников (23 человека из 30) справилась с предложенным заданием, отказались 7 человек.

Результаты эксперимента показывают, что из двух системных значений лексемы *страх* языковым сознанием детей первой группы освоено второе значение «события и предметы, которые вызывают страх». Первое системное значение не актуально для языкового сознания испытуемых первой группы, только в третьей подгруппе один испытуемый связал страх с *испугом* (1 системное значение «сильный испуг, оцепенение»).

Необходимо отметить, что при объяснении хода эксперимента в первой группе нам пришлось в качестве образца будущих ответов озвучить собственные ассоциаты, в качестве которых нами были приведены следующие слова: *темнота, высота, собаки, пауки*. Заметим, именно эти реакции в каждой подгруппе первой группы оказывались наиболее частотными у испытуемых с интеллектуальными нарушениями.

Обращает на себя внимание такой факт: дети с интеллектуальными нарушениями в своих реакциях используют конкретные существительные, чаще в форме единственного числа. Психологическое значение слова опирается на предметный мир (*змеи, пауки, врач, больница* и т.п.) или на конкретное событие (*побои, смерть мамы, смерть родителей*).

Результаты эксперимента со словом *страх* подтверждают наши выводы по результатам эксперимента со словом *любовь* о том, что детям с интеллектуальными нарушениями свойственно конкретно-действенное мышление [2].

В практике обобщения и осознания общих существенных связей и отношений между предметами окружающего мира, при толковании слов абстрактной лексики испытуемые полагаются на свой коммуникативный опыт, восприятие отвлеченности происходит через испытанные личные ситуации. Поэтому в ассоциатах помимо слов *темнота, высота, собаки, пауки*, озвученных в качестве образца, частотны слова, называющие животных, увиденных в реальной действительности, в фильмах: *страшные животные, лев, тигр, медведь, волк, стая медведей, стая волков* и т.д.; природные катаклизмы типа *наводнения, землетрясения*; происшествия типа *пожар, огонь* и т.д.

Результаты эксперимента иллюстрируют возрастную специфику, у детей 9 классов процент ответов, связанных с испытанными или увиденными ситуациями, увеличивается: появляются такие ассоциаты, как *смерть, болезнь, смерть мамы, плохие*

отметки, побои. Окружающий мир увеличен за счет фильмов-ужастиков, триллеров, поэтому психологическое значение слова *страх* создается благодаря таким словам, как *избиение людей, грабеж, оружие, выстрелы, заложники, маньяк* и т.д., познание окружающего мира увеличилось за счет просмотра телевизионных передач, потому появляются невиданные в нашем регионе природные бедствия типа *вулкан, цунами* и т.д.

Заметим, что дополнительные компоненты психологического значения слова в сознании ребят всех трех подгрупп первой группы не формируются.

Во второй группе приняли участие 90 респондентов. Нами были выбраны нормо-типичные обучающиеся 4–5 классов общеобразовательной школы потому, что дети с интеллектуальными нарушениями изучают на протяжении 9 или 10 лет обучения программный материал начальной школы. Что касается обучающихся 7 классов с нормой развития, то мы привлекли семиклассников с сохранным интеллектом для сравнения познавательных возможностей по возрастному цензу с семиклассниками с нарушением интеллекта.

Результаты эксперимента второй группы.

Обучающиеся 4 класса

Страх – темнота 13, высота 11, опасность 9, собаки 9, ужастики 8, кошмары 7, пауки 5, змеи 4, смерть родителей 4, ВПР 4, гаражи 4, плохие отметки 4, стая собак 4, монстры 3, смерть 3, зло 3, гибель 3, болезнь близких 3, нападение собаки 3, чудовище 3, страшилки 3, собака 2, болезнь 2, помещение без выхода 2, кошмары во сне 2, мерзкие животные 2, «двойки» 2, контрольная по математике 1, конец четверти 1, много собак 1, злая собака 1, неожиданность 1, цунами 1, гроб 1, ужастики во сне 1, пауки с жуками 1, мыши 1, клаустрофобия 1, лабиринт в подземелье 1, подвал 1, маньяки 1, бомжи 1, ружье 1, машина «скорая помощь» 1, зубная боль 1, много крови 1.

Некоторые обучающиеся ответили следующее: *потерять маму 2, когда стреляют 1, проходить за гаражами 1, ходить ночью 1, душат во сне 1, когда во сне бегут за мной 1, узнать страшную новость 1, боюсь умереть 1.*

Обучающиеся 5 класса

Страх – темнота 10, высота 11, плохие оценки 6, потеря близких 6, стая собак 5, стрельба в школе 5, одиночество 5, ужастики 4, падение с высоты 4, гаражи 4, пауки 4, монстры 3, собственная смерть 3, смерть родителей 3, нападение собак 3, разборки на улице 3, драка 3, боязнь гаражей 3, кошмары во сне 3, ВПР 3, падение вниз 2, убийство 2, контрольная работа 2, темная комната 2, обрыв 2, ссора родителей 2, закрытое помещение 2, избиение 1, бункер 1, страшное помещение 1, катакомбы 1, заброшенное здание 1, один в темноте 1, призраки 1, лягушки 1, змея 1, клещи 1, мерзкие жуки 1, расставание 1, мурашки по коже 1, кровь 1, скорость 1, авария 1, родительское собрание 1, теракт 1, маньяки и бомжи 1, бомба 1, заложники 1, расстрел 1, компьютерные стрелялки 1, фильм ужасов 1, авария 1, зубной врач 1.

Некоторые обучающиеся отметили следующее: *догоняют 2, страх умереть 1, когда нет друзей 1, когда надо мной смеются 1, боюсь на улице пацанов 1, боюсь, когда отбирают деньги 1, упасть вниз 1, разбиться на машине 1, потеряться в лесу 1, игры, где заставляют убивать 1, когда взрывают 1, убивают 1, когда на тебя нападают собаки 1, упасть со скалы.*

Обучающиеся 7 класса

Страх – потеря близких 18, потеря родителей 17, темнота 7, испуг 6, собственная смерть 7, смерть близких 7, высота 7, закрытый дом (помещение) 6, ужастики 6, экзамены 6, предательство 5, одиночество 5, кошмары 5, ВПР 5, плохие отметки 5,

болезнь близких 5, смерть 4, нападение собак 4, тревога 2, стая собак 4, глубина 4, страх воды 3, боль 3, преследование 2, ночь 2, расставание 2, маленькое помещение 2, один в доме (квартире) 2, привидение 2, собаки 2, гаражи (находиться за гаражами) 3, науки 2, кошмары во сне 2, стыд 1, падение со скалы 1, свора собак 1, оцепенение от страха 1, непонимание 1, компьютерные игры (BTS и Blackpink) 1, фильмы страшилки 1, фильм ужасов 1, война 1, выстрелы 1, глубина озера 1, глубокая река 1, дрожь 1, критика 1, предательство 1, непослушание 1, адреналин 1, трагедия 1, змеи 1, насекомые 1, кладбище 1.

Некоторые обучающиеся отметили следующее: *утонуть 2, проходить мимо толпы 1, убежать от маньяка 1, боясь террористов 1, когда нападают на человека.*

Результаты эксперимента во второй группе показывают, что из двух системных значений лексемы *страх* языковым сознанием детей освоены оба значения. Первое системное значение «сильный испуг, оцепенение» выявлено у 23,3% ребят третьей подгруппы второй группы: у семиклассников реакция «испуг» встречается 6 раз, появилось реакция «оцепенение от страха». Таким образом, первое системное значение актуально для языкового сознания испытуемых второй группы.

Стоит отметить, что у детей с нормой развития не было отказов на ассоциацию данного слова, в отличие от обучающихся с интеллектуальными нарушениями.

Отказы могут быть объяснены как незнанием значений, так и неумением сформулировать или разграничить их. Большой процент отказов свидетельствует о том, что значение абстрактного понятия не освоено языковым сознанием. Малый процент отказов испытуемых второй группы – об освоенности, актуальности этих понятий для коммуникативной практики обучающихся.

Как мы видим из результатов опроса, для детей младшего школьного возраста среди реакций на слово-стимул *страх* на первом месте среди реакций стоит *темнота*, правда, буквально за год число боящихся темноты уменьшается вдвое (в 4 классе – 13, в 5 классе – 7), тем не менее в 4 классе *страх* почти у всех опрашиваемых связан именно с *темнотой*.

Следует отметить, что сравнительный анализ результатов обеих групп позволяет сделать вывод о том, что младшеклассникам с нормой развития свойственно использовать те слова, которые относятся к абстрактной лексике: *темнота, высота, одиночество, потеря, болезнь, смерть, ругань* и т.п. Данный факт свидетельствует, что младшеклассникам второй группы доступны отвлеченные, формально-логические суждения: *узнать страшную новость, боясь умереть и т.д.*, а у пятиклассников, помимо *страха умереть*, появляются и другие страхи, связанные с социализацией маленького человека в обществе, например, *страх – это когда нет друзей 1, когда надо мной смеются.*

При этом для них характерно словесно-логическое мышление, которое связано с реальной действительностью и собственными наблюдениями, поэтому в лидерах такие ассоциаты, как *темнота, высота, ужастики, монстры, плохая оценка, ВПР и т.д.*

У детей среднего школьного возраста с нормой развития преобладает уже абстрактное мышление. *Змеи и науки* у семиклассников находятся на последнем месте, а у учеников младшего школьного возраста среди реакций на стимул *страх* они занимают лидирующее место.

Нами было проведен сравнительный анализ двух групп, одинаковых по возрастному цензу – это обучающихся 7 классов (дети с ИН и нормотипичные).

Таблица 1

Нормотипичные обучающиеся, 7 класс		Обучающиеся с нарушением интеллекта, 7 класс	
Название абстрактных слов	Кол-во слов	Название абстрактных слов	Кол-во слов
Потеря (близких, родных)	35	Темнота	4
Смерть (собственная, смерть близких)	18	Высота	3
Темнота	10	Падение	1
Высота	7	Глубина	1
Испуг	6	Ругань	1
Предательство	5	Гнев	1
Одиночество	5		
Кошмары	5		
Болезнь	5		
Смерть	5		
Нападение	4		
Глубина	4		
Боль	3		
Тревога	2		
Преследование	2		
Расставание	6		
Падение	1		
Оцепенение	1		
Непонимание	1		
Глубина	1		
Дрожь	1		
Критика	1		
Предательство	1		
Непослушание	1		
Трагедия	1		
Итого:	131	Итого:	13

Сравнительный анализ результатов обучающихся 7 классов коррекционных и муниципальных образовательных организаций показывает, что у нормотипичных детей в ассоциатах преобладает отвлеченная лексика (из 186 ассоциатов только 131 слово из абстрактной лексики). Дети с интеллектуальной недостаточностью большей частью представляют реалии предметного мира (56 слов из 69).

Итак, обратим внимание, большая часть реакций на это слово-стимул у ребят с нормой развития принадлежит абстрактной лексике. Эти слова с отвлеченным значением качества, состояния, свойства, действия обозначают реалии понятийного мира.

Из 30 обучающихся с интеллектуальным недоразвитием 7 класса только 12 человек смогли назвать слова-ассоциаты, причем только 13 слов ими были выделены как слова абстрактной лексики.

Кстати, результаты эксперимента обучающихся с интеллектуальными нарушениями 9 класса показывают, что количество слов абстрактной лексики увеличивается, названо

35 слов из абстрактной лексики, при том что в эксперименте участвовали 30 человек, из них смогли назвать слова-ассоциаты 23 человека.

Небольшой рост из общего количества ассоциатов – слов абстрактной лексики (13 слов у детей 7 класса и 35 слов у детей 9 класса) – свидетельствует о развитии наглядно-образного мышления, небольшой динамике, возможности работы над познавательной деятельностью детей с интеллектуальными нарушениями.

Тем не менее заметим, что доминирование слов конкретной семантики, составляющих психологическое значение слова, у детей первой группы свидетельствует все же о преобладании наглядно-действенного мышления у детей с интеллектуальными нарушениями. Более того, мы можем утверждать, что с возрастом у детей данной категории происходит укрепление наглядно-действенного мышления, результаты подгрупп первой группы наглядно иллюстрируют этот факт.

Анализ показал, что в целом абстрактные понятия понимаются обучающимися с нормой развития достаточно адекватно, чего нельзя сказать об обучающихся с интеллектуальными нарушениями. «Понятно, что у ребят же с ИН наблюдается недоразвитие высших психических процессов, в том числе высших форм мышления. Им сложно анализировать, обобщать и выделять главное. Словарный запас не соответствует возрастной норме. Соответственно, у данной категории детей имеется стойкое нарушение в познавательной и эмоционально-волевой сфере» [2, с.531].

Итак, проведенный эксперимент свидетельствует о соответствии общесистемного и психологического значений у абстрактного слова у детей с нормой развития. У испытуемых с интеллектуальными нарушениями первое системное значение никак не переключается с психологическим значением, второе системное значение более актуально для детей второй группы. Преобладание слов абстрактной лексики для выражения психологического значения абстрактного слова свидетельствует о развитии образного мышления у детей с нормой развития. Для детей же с интеллектуальными нарушениями для установления психологического значения слова характерна предметная семантика.

Список литературы

1. Грищук Е.И. Абстрактная лексика в языковом сознании: экспериментальное исследование языкового сознания старшеклассников. Дисс. ... канд.филол. н. – Воронеж, 2002. – 52 с.
2. Дайдаева М.В. Особенности формирования языкового сознания детей с нарушением интеллекта (на материале абстрактной лексики) / М.В.Дайдаева // Мир науки, культуры, образования. – №6. (91), 2021. – С. 528–531.
3. Евгеньева А.П. Словарь русского языка. – Москва, 1986. – 209 с.
4. Залевская А.А. Вопросы выбора слов и заданий для экспериментального психолингвистического исследования / А.А.Залевская // Слово и текст: актуальные проблемы психолингвистики. – Тверь, 1994. – С. 14–29.
5. Залевская А.А. Различные подходы к трактовке значения как достояния индивида / А.А.Залевская // Психолингвистические исследования слова и текста. – Тверь, 1977. – С. 11–24.
6. Засорина, Л. Частотный словарь русского языка. Availableat: http://project.phil.spbu.ru/lib/data/slovvari/zasorina/zasorina.html#vychodnye_dannye
7. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма. Лингвистика – психология – когнитивная наука / Е.С. Кубрякова // Вопр. языкознания. – М., 1994. – № 4. – С. 34–37.

8. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова / Отв. ред. Е.А. Земская. – Изд. 2-е, доп. – М.: Изд. ЛКИ, 2007. – 208 с.

9. Матюхина М. В., Михальчик Т.С., Прокина Н.Ф. и др. Возрастная и педагогическая психология: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. – М.: Просвещение, 1984. – 256 с.

10. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. – Москва, 2010. – 336 с.

11. Проскурина А.В. Своеобразие ценностного мироведения диалектоносителей сквозь призму пропозиционально-семантической организации словообразовательного типа «Осн. сущ. + -ин(а) // Актуальные проблемы современного словообразования: материалы междунар. науч. конф. – Кемерово: ИНТ, 2009. – С. 240–242.

12. Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка / И.А. Стернин, З.Д. Попова. – Воронеж: Истоки, 2006. – 226 с.

13. Уфимцева А.А. Лексическая номинация: (первичная, нейтральная) / А.А. Уфимцева // Языковая номинация. – М., 1977. – С. 81-85.

14. Чернейко Л.О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. 1997 г. – 160 с.

15. Ширшов И.А. Толковый словообразовательный словарь русского языка: Ок. 370000 слов русского яз., объединенных в 2000 словообразовательных гнезд: Комплексное описание русской лексики и словообразования. – Москва, 2004. – 450 с.

В.Н. Джунгурова¹, Х.Ч. Алишина²

¹Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова

²Тюменский государственный университет

НОМИНАЦИИ ЧАСТЕЙ ТЕЛА И БОЛЕЗНЕЙ ЖИВОТНЫХ В КАЛМЫЦКОМ, БУРЯТСКОМ, ОЙРАТ-СИНЬЦЗЯНСКОМ ЯЗЫКАХ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ТАТАРСКИМ ЯЗЫКОМ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ № 22-18-00060
«Исследование тюркской и монгольской лексики материальной культуры, связанной
с традиционным скотоводством: сравнительно-исторический аспект»*

В статье рассматриваются и описываются термины, обозначающие части тела животных, а также названия болезней животных в калмыцком, бурятском, ойрат-синьцзянском языках в сопоставлении с татарским языком. Исследование показало, что данный пласт лексики представлен довольно широко и разнообразно, что, несомненно, свидетельствует о том, что животноводство играло важнейшую роль в жизни этих народов. При сопоставлении терминов была выявлена почти полная близость калмыцкого языка с языком ойратов Синьцзяна, частично с бурятским языком, при этом наличие родственных элементов в татарском языке менее очевидно.

Ключевые слова: *калмыцкий язык, бурятский язык, ойрат-синьцзянский язык, татарский язык, номинация частей тела животных, наименования болезней животных.*

V.N. Djungurova¹, Hk.Ch. Alishina²

¹Kalmyk state university named after B.B. Gorodovikov

²Tyumen state university

THE NAMES OF ANIMAL BODY PARTS AND THEIR DISEASES IN THE KALMYK, BURYAT, OIRAT-XINJIANG LANGUAGES COMPARED TO THE TATAR LANGUAGE

The research is funded by the grant of RNF #22-18-00060 "Study of Turkic and Mongolian vocabulary of material culture associated with traditional cattle breeding: a comparativehistorical aspect"

The article describes the terms denoting animal body parts, as well as the names of animal diseases in the Kalmyk, Buryat, Oirat-Xinjiang languages in comparison with the Tatar language. The study shows that this layer of vocabulary is represented quite widely and variously, which undoubtedly indicates that cattle breeding played an important role in the life of these peoples. While comparing the terms it was revealed that the Kalmyk language has almost complete similarity with the Oirat-Xinjiang language. The language is partly similar to the Buryat language, while the presence of related elements in the Tatar language is less obvious.

Key words: *the Kalmyk language, the Buryat language, Oirat-Xinjiang language, the Tatar language, names of animal body parts and animal diseases.*

Природные и климатические условия места обитания народа накладывают отпечаток на его образ жизни. Калмыки, буряты, ойраты Синьцзяна и татары – народы, традиционно занимающиеся животноводством. Соответственно, весь уклад их жизни был связан с животноводством, имел характерные особенности и являлся результатом приспособления к географическим условиям местности, на которой они проживали.

Язык любого народа является отражением его культуры. Так и представленные языки вобрали в себя опыт народа и его видение мира. В данной статье мы рассмотрим и опишем наименования частей тела основных видов скота и болезней животных в калмыцком, бурятском, ойрат-синьцзянском языках в сопоставлении с татарским.

Термины животноводства в монголоведении и тюркологии уже были предметом изучения, например, у Ц.Д.Номинханова [8], Э.Ч.Бардаева [2], В.И.Рассадина [10], С.М.Трофимовой [14], Г.Ц.Пюрбеева [9], А.М.Щербака [17] и других, тем не менее данная группа лексики до сих пор не конца исследована.

Следует отметить, что монголы и тюрки отлично знали анатомию домашних животных, так как разводили скот испокон веков. Считалось, например, что калмык мог разделать тушу любого животного с помощью одного только ножа [18, с. 240]. Терминология, касающаяся частей тела животных, очень разнообразна. Для каждой части организма животного во всех языках есть соответствующее название. Рассмотрим внешнее строение тела животного. Калм. *цогц* “тело”, *цогц махмуд* “части тела”, ойр.Синьцз. *цогцо* “тело, организм”, калм. *толһа* “голова”, ойр.Синьцз. *толһаа* “голова”, бур. *толгой* “голова”, тат. *баиш* “голова”, калм. *зула* “родничок, темя”, ойр.Синьцз. *зулаа* “родничок, темя”, бур. *зулай* “темя, темечко, макушка”, калм. *маңна* “лоб”, ойр.Синьцз. *маңнаа* “лоб”, сиб.-тат. *маңнай* “лоб”, тат. *маңгай* “лоб”, калм. *цох* “висок”, ойр.Синьцз. *цохо* “висок”, сиб.-тат. *цигэ* “висок”, калм. *чикн* “уши”, ойр.Синьцз. *чикен* “ухо, уши”, тат. *колак* “уши”, калм. *хамр* “нос”, ойр.Синьцз. *хамар* “нос”, бур. *хамар* “нос”, тат. *борын* “нос”, калм. *хамрин нүкн* “ноздря”, бур. *хамарай нүхэн* “ноздри”, тат. *борын тишек* “ноздря”, калм. *хамрин тана* “переносица”, калм. *нүдн* “глаз”, ойр.Синьцз. *нүден* “глаз, глаза”, тат. *күз* “глаз”, калм. *сурмсг* “ресницы”, тат. *керфек* “ресницы”, калм. *зег, зовк* “веко”, тат. *күз кабак* “веко”, калм. *нүльмсна цувг* “слезный канал”, калм. *нүльмсна сумһл* “слезный мешок”, калм. *хол* “горло”, ойр.Синьцз. *хооло* “горло, глотка”, бур. *хоолой* “горло, глотка, гортань”, тат. *тамак* “горло”, калм. *амн* “рот, пасть (зверя)”, ойр.Синьцз. *аман* “рот, пасть, зев (у животных)”, бур. *ама(н)* “рот, пасть, зев (у животных)”, тат. *авыз* “рот”, калм. *келн* “язык”, ойр.Синьцз. *келен* “язык”, тат. *тел* “язык”, калм. *бүүль* “десна”, ойр.Синьцз. *бүүле* “десны”, тат. *теиш ит* “десна”, калм. *шүдн* “зубы”, ойр.Синьцз. *шүден* “зуб, зубы”, бур. *шүде(н)* “зуб(ы)”, тат. *теиш* “зуб”, калм. *соя* “клык”, ойр.Синьцз. *сойаа* “клык, клыки”, тат. *азау теиш* “клык”, калм. *гер шүдн* “резцы, передние зубы”, тат. *алт теиш* “передние зубы”, калм. *арад* “коренные зубы”, тат. *төп теиш* “коренные зубы”, калм. *урл* “губа, губы”, ойр.Синьцз. *уруул* “губа, губы”, бур. *урал* “губа, губы”, тат. *ирен* “губа”, калм. *өргн* “челюсть”, ойр.Синьцз. *өрген* “челюсть, подбородок”, тат. *яңак* “челюсть”, калм. *чирэ* “морда”, ойр.Синьцз. *чирээ* “лицо”, калм. *хоңшар* “рыло, пяточок”, бур. *хоншо-ор* “морда, рыло (свины)”, сиб.-тат. *кэңишерек* “рыло, пяточок”, калм. *күзүн* “шея”, сиб.-тат. *пуйын* “шея”, тат. *муен* “шея”, калм. *бахлур* “глотка”, ойр.Синьцз. *бахлуур* “глотка, горло”, бур. *бахалуур* “глотка, горло”, сиб.-тат. *пыуыртак* “глотка”, калм. *гижиг* “затылок”, ойр.Синьцз. *гижиг* “затылок”, калм. *гижигин цонхаг* “затылочная впадина”, калм. *дел* “грива (у лошади)”, ойр.Синьцз. *дел* “грива”, тат. *йал* “грива у лошади”, калм. *зогдр* “грива, загривок (у верблюда)”, ойр.Синьцз. *зогдор* “грива, длинная шерсть на шее (напр., у льва, верблюда)”, бур. *зогдор* “грива, длинная шерсть на шее (у верблюдов и мериносов)”, калм. *далң* “подгривный жир, жировое отложение в загривке, холке (считается лакомой частью конской туши)”, ойр.Синьцз. *далаң* “жир в загривке, холке (лошади), загривок”, бур. *далан* “загривок (у лошади)”, калм. *көврдг* “туловище”, тат. *гәүдә* “туловище”, калм. *чееж* “грудь”, ойр.Синьцз. *чеежси* “грудь, грудная клетка”, тат. *күкрәк* “грудь”, калм. *өвцүн* “грудина”, ойр.Синьцз.

өвчүүн “грудная кость, грудина”, тат. *күкрэк сөжк* “грудина”, калм. *хавсн* “ребро”, ойр. Синьцз. *хавсан* “ребро, ребра”, тат. *кабырга* “ребро”, калм. *гесн* “брюхо”, ойр. Синьцз. *гесен* “живот, желудок”, тат. *корсак* “брюхо”, калм. *эм* “плечо”, ойр. Синьцз. *эм* “плечо”, бур. *эм* “плечо, ключица”, калм. *тоха* “локоть”, ойр. Синьцз. *тохаа* “локоть, локтевой сгиб”, бур. *тохой* “локоть, локтевой сустав”, тат. *терсэк* “локоть”, калм. *сү* “подмышка”, калм. *көл* “нога”, ойр. Синьцз. *көл* “нога, ноги, ножной”, тат. *аяк* “нога”, калм. *өвдг* “колени”, ойр. Синьцз. *өвдег* “колени”, тат. *тубык* “колени”, калм. *өвдгин үй* “коленный сустав”, калм. *төң* “коленная чашечка”, калм. *тавг* “лапа, стопа, ступня, нижняя плоская сторона (копыта лошади)”, ойр. Синьцз. *таваг* “стопа, ступня, лапа”, бур. *табгай* “лапа, копыто, ступня, стопа”, калм. *темәнә тавг* “нога верблюда”, калм. *туруна тавг* “низ копыта”, калм. *турун* “копыто”, ойр. Синьцз. *туруун* “копыто”, бур. *туруу(н)* “копыто”, тат. *тояк* “копыто”, калм. *кедрм* “основание копыта (у лошади)”, калм. *меткә* “передняя часть копыта (лошади)”, калм. *һуй* “бедро”, ойр. Синьцз. *һуйа* “ляжка, бедро”, тат. *сан* “бедро”, калм. *арсн* “шкура, кожа, мех”, ойр. Синьцз. *арсан* “кожа, шкура, мех”, бур. *арһа(н)* “шкура, шкурка, кожа, мех”, тат. *тире* “шкура, кожа, мех”, калм. *бул* “пух”, ойр. Синьцз. *бул* “пух, пуховой”, тат. *мамык* “пух”, калм. *ямана бул* “козий пух”, сиб.-тат. *кәчә мамык* “козий пух”, калм. *тамәнә бул* “верблюжий пух”, калм. *ноосн* “шерсть”, ойр. Синьцз. *ноосон* “шерсть”, бур. *нооһо(н)* “шерсть”, сиб.-тат. *йөн* “шерсть”, калм. *зорһсн* “бузав. верблюжья шерсть”, калм. *зуһһсн* “пушистая мягкая шерсть, нежный волос и пух (у верблюжонка)”, калм. *зуһһг (зуһһуг)* “жиропот”, ойр. Синьцз. *зуһһаг* “жир на немьтой шерсти, жиропот”, калм. *өвр* “рог, рога”, ойр. Синьцз. *өвер* “рог, рога”, тат. *мөйөс* “рог”, калм. *үкрин өвр* “коровьи рога”, тат. *сыйырның мөйөсө* “коровьи рога”, калм. *хуцин өвр* “бараньи рога”, сиб.-тат. *куйның мөйөсө* “бараньи рога”, калм. *бөкн* “горб”, ойр. Синьцз. *бөкөн* “горб”, калм. *хойр бөктә темән* “двугорбый верблюд”, калм. *нег бөктә темән* “одногогорбый верблюд”, калм. *хом* “сальник (жировое отложение под горбом у верблюда)”, калм. *сүл* “хвост, курдюк”, ойр. Синьцз. *сүүл* “хвост, курдюк”, тат. *койрык* “хвост”, калм. *делң* “вымя”, ойр. Синьцз. *делң* “вымя”, тат. *йелен* “вымя”, калм. *көкн* “сосок”, ойр. Синьцз. *көкөн* “грудь”, тат. *имцәк* “сосок”, калм. *киһһсн* “волос (животных)”, ойр. Синьцз. *киһһесен* “волос (животных)”, тат. *кыл* “волос”, калм. *саһг* “пучок волос, щетка (на ноге лошади)”, калм. *саһна* “челка (у лошади)”, ойр. Синьцз. *саһмаа* “челка (у лошади, верблюда)”, калм. *тевг* “челка на лбу лошади”, калм. *шавха (шавхаг)* “щетка, щетинки (на задней стороне копыт)”, калм. *шанхаг* “длинная грива лошади”, калм. *керсң* “кожа (на груди верблюда)”, калм. *жәодмг* “торгут. пучок, клок волос, шерсти”, калм. *жәомг* “дербет. пучок, клок волос, шерсти”, калм. *хәврһ* “бок”, калм. *белкүсн* “поясница, талия”, ойр. Синьцз. *белкүсән* “поясница, талия”, тат. *бил* “поясница, талия”, калм. *нурһн* “спина”, ойр. Синьцз. *нурһан* “спина, позвоночник”, сиб.-тат. *сырт* “спина”, калм. *ууц* “круп (лошади), крестец”, ойр. Синьцз. *ууца* “круп (лошади), крестец, таз”, бур. *ууса* “круп (лошади), крестец”, калм. *шилв* “голень”, ойр. Синьцз. *шилве* “голень, голенная кость”, бур. *шиһра* “голень (у животных)”.

Перейдем к наименованиям костей: калм. *ясн* “кость”, тат. *сөжк* “кость”, калм. *маһнан ясн* “лобная кость”, калм. *шу* “лучевая кость”, калм. *үй* “сустав”, ойр. Синьцз. *үйе* “сустав”, калм. *эмин үй* “плечевой сустав”, калм. *атхм чимгн* “плечевая кость”, калм. *тохан ясн* “локтевая кость”, калм. *бог чимгн* “берцовая кость”, калм. *шаһа чимгн* “большая берцовая кость”, калм. *таһан толһа* “бугор подвздошной кости”, калм. *хавтха таша* “подвздошная кость”, калм. *дунд чимгн* “бедренная кость”, калм. *ясна тоосн* “костный жир, костное сало”, тат. *йелек май* “костный жир”, калм. *чимгн* “костный мозг”, ойр. Синьцз. *чимгн* “трубчатая кость”, калм. *һавл* “череп”, тат. *баш сөжк*

“череп”, калм. *гижгин ясн* “затылочная кость”, калм. *цохин ясн* “височная кость”, тат. *цигэ сөяк* “височная кость”, калм. *толхан уйдыл* “черепной шов”, калм. *сүүжгин ясн* “тазобедренная кость”, калм. *өвдгин ясн* “голенная кость”, калм. *шаһан ясн* “щиколотка, лодыжка”, тат. *пәкмә сөяк* “лодыжка”, калм. *нурһна ясн* “позвонок”, калм. *нурһна ясна нукен* “позвоночное отверстие”.

Внутренние органы, мышцы и жидкости в организме животных также имели свои наименования: калм. *эрктн* “органы”, ойр.Синьцз. *эркетен* “органы (тела)”, калм. *дотр* “внутренности”, ойр.Синьцз. *дотор* “внутренности, потроха”, бур. *дотор* “внутренности, кишки”, тат. *карын* “внутренности”, калм. *зүркн* “сердце”, ойр.Синьцз. *зүркен* “сердце”, бур. *зүрхэ(н)* “сердце”, тат. *йөрәк* “сердце”, калм. *оошк* “легкие”, ойр.Синьцз. *оошги* “легкие”, тат. *үпкә* “легкие”, калм. *делун* “селезенка”, ойр.Синьцз. *делуун* “селезенка”, калм. *элкн* “печень”, ойр.Синьцз. *элкен* “печень”, бур. *эльгэ(н)* “печень”, тат. *бавыр* “печень”, калм. *бөөр* “почки”, ойр.Синьцз. *бөөре* “почка, почки”, бур. *бөөрэ* “почка, почки”, тат. *бөйөр* “почки”, калм. *хот* “желудок”, бур. *хото* “желудок”, тат. *ашказан* “желудок”, калм. *гесн* “кишки”, ойр.Синьцз. *гесен* “живот, желудок”, тат. *эчәк* “кишки”, калм. *нәрн гесн* “тонкая кишка”, ойр.Синьцз. *һолһаа* “тонкая кишка”, калм. *хотрха* “двенадцатиперстная кишка”, калм. *семжн* “сальник, жировой покров брюшины, брюшной жир”, ойр.Синьцз. *семжн* “сальник”, калм. *хоолын бахлур* “глотка”, тат. *пыуыртак* “глотка”, калм. *улан хол* “пищевод”, бур. *улаан хоолой* “пищевод”, тат. *йөлән* “пищевод”, калм. *холын мөөрсн* “трахея”, калм. *мөөрсн* “хрящ”, тат. *кимерцәк* “хрящ”, калм. *шүрүсн* “жилы, сухожилия”, ойр.Синьцз. *шүрвесен* “жила, сухожилия”, тат. *сеңер* “жилы, сухожилия”, калм. *сәрсн* “сыромятная кожа, сыромять”, калм. *һол* “аорта”, ойр.Синьцз. *судасан* “кровеносный сосуд, артерия, вена”, калм. *өөкн* “жир”, бур. *өөхэ(н)* “жир, сало”, тат. *май* “жир”, калм. *мусн* “кровь”, ойр.Синьцз. *мусан* “кровь”, тат. *кан* “кровь”, калм. *эжн* “мозги”, ойр.Синьцз. *өөкен* “мозги”, тат. *мейә* “мозги”, калм. *шүлсн* “слюна”, ойр.Синьцз. *шүлсен* “слюна”, сиб.-тат. *шылагай* “слюна”, калм. *шеесн* “моча”, тат. *сидек* “моча”, калм. *бульчн* “мышцы (мясо)”, сиб.-тат. *ит, цыгыл ит* “мясо, мясо без костей”.

Желудок жвачных животных, в том числе овцы, состоит из четырех отделов: рубца, сетки, книжки и истинного желудка – сычуга. Для всех отделов желудка есть свои наименования в калмыцком языке *гүзән* “рубец”, *сән сәңгерцэ* “сетка”, *му сәңгерцэ* “книжка”, *сәңгерцэ* “сычуг”.

Калмыки использовали бескровный вид забоя скота – умерщвляли мелкий скот путем разрыва аорты через сделанное в животе отверстие. Таким образом, внутри животного собиралась вся кровь, ее наливали в желудок и затем варили. Считалось, что мясо животного, умерщвленного таким способом, вкуснее, чем зарезанного [4, 273]. Калм. *һол таслх, өрчлх* “бескровно забить овцу (вскрыв грудную область, просунуть руку и разорвать аорту)”. Помимо этого, калмыки обездвигивали животное путем точного попадания в спинной мозг для дальнейшего кровопускания калм. *нуһрслх* “забить животное, вонзая нож в затылочную впадину”, бур. *нугарһалха* “убивать животное (вонзая нож в затылочную часть головы)” или оглушали ударом обуха в голову.

Период течки, стельности, срок вынашивания и кормления у разных животных также нашли отражение в калмыцком языке: калм. *кеел* “зародыш, плод в утробе (у животных)”, *кеелтә мал* “беременная (о животных)”, *кеелтә хөн* “суягная овца”, *кеелтә үкр* “стельная корова”, *кеелтә гүн* “жеребая кобыла”, *хөн адусна кеелтә йовх болзгнь б сар* “у овец срок вынашивания ягненка (ягнят) 6 месяцев”, *темән адусн (иңгн) кеелтә йовх болзгнь 14 сар* “срок вынашивания верблюжонка или жеребости верблюдицы 14 месяцев”, *ямана кеелтә йовх болзгнь 5 сар* “у коз срок вынашивания

козленка 5 месяцев”, *намс (наму)* “торгут. послед у коровы”, *земсг* “дербет. послед животных”, *көкүл мал* “матки животных, продолжающих кормить молоком своих детенышей”, *марх* “недоношенный ягненок”, *темэнэ ору орлһн* “период течки, гона (у верблюдов)”.

Эрендженев К.Э. отмечал, что калмыки особенно хорошо знали как о назначении, так и об особенностях всех костей овцы: 8 опорных, 2 лопатки, 26 спинных и 6 шейных позвонков, грудной клетки и тазовой кости [19, с. 16]. Особое значение придавали бараньей лопатке. По ней гадали и предсказывали будущее. Калм. *дал* “лопатка”, *дал бэрх (шавдх)* “предсказывать с помощью женой бараньей лопатки (левая лопатка овцы опускалась плоским концом в огонь и по трещинам определялось будущее)”, ойр.Синьцз. *дала* “лопатка”, бур. *дала* “лопатка”. Все части лопатки имели свое наименование в калмыцком языке. *Далын толһа* “головка лопатки”, *далын хавтха*, *далын альхн* “плоскость лопатки”, *далын сервэ* “отросток лопатки”, *далын мөөрсн* “хрящ лопатки”, *далын бульчн* “лопаточная мышца”, *далын хээсн* “суставная ямка, впадина”.

Последний, двадцать пятый позвонок у барана также имел особое значение у калмыков *ар-хар ясн*. Существовал обычай *кемэлһн* – диалог между двумя лицами на знание всех 12 изгибов и выступов этого позвонка. Знание двадцать пятого позвонка овцы рассматривалось калмыками как признак знания калмыцких обычаев, остроумия и сообразительности. *Бошхн-Тошхн бор уул* “Серая гора”; *Хурдн хута бургдин живр* “Крылья беркута”; *Арнзлин соя* “Клык мерина”; *Беркт-көкт тээһн нохан* “Резец мастерского человека”; *Тальван цаһан ташу* “Пологий, открытый склон”; *Урмблин Улан хол* “Красная река Урумбли”; *Баатр эрин маңна* “Лоб смуглого богатыря”; *Алтта-мөнгтэ эмэл* “Серебряное седло”; *Сэн эмин сээр* “Седалище женщины-мастерицы”.

Надпяточная кость (таранная кость) у овцы имеет в калмыцком языке наименование *шаһа*. Калмыки использовали их для игры в альчики *шаһа наадлһн*, ойр.Синьцз. *шаһаа* “альчик”, *шаһалцаха* “играть в альчики”. Овечьими костями играли, а коровьи – служили в качестве биты *сах*. Во время игры внимательно следили, на какой бок упадет альчик. Каждое положение имело свое название и соответствующие приметы. Пол будущего ребенка также пытались предсказать, бросая альчики.

Калмыки использовали барана в качестве жертвенного животного в различных обрядах. Части тела барана делились определенным образом между членами семьи. Калм. *далһна махн* “жертвенное мясо” (сердце, печень, двенадцатиперстная кишка, прямая кишка, диафрагма, сычуг, жир с грудной клетки) [5, с. 24].

Калмыки-скотоводы умели лечить животных от основных и наиболее распространенных заболеваний. В своей работе этнограф Эрдниев У.Э. отмечает: «Лечили коров, страдающих воспалением молочных желез, прижиганием раскаленным железом. Лошадь, заболевшую гендовагинитом (воспалением сухожильных влагалищ), также лечили прижиганием. Применялись хирургические методы: своеобразная трепанация черепа и др.» [18, с. 240].

Для борьбы с чумой калмыки изолировали больных особей от здоровых. При подозрении на болезнь больной скот сгоняли в балку, а здоровый оставляли наверху. Балки выбирали так, чтобы их ложе было за ветром, а не против ветра, чтобы вирус не разносился по степи, а также чтобы сточные воды не стекали в водоемы и не распространяли болезнь дальше. После прекращения чумы выдерживали карантин и затем выгоняли животных на пастбища и отгоняли в хотоны [3, с. 135].

Малын тахл “эпидемия, эпизоотия скота”, ойр.Синьцз. *тахал* “болезнь, недуг, эпидемия”, бур. *тахал* “эпидемия, эпизоотия”, калм. *малын мом* “сибирская язва (у скота)”, калм. *зогсал* “столбняк (у лошадей)”, калм. *сөдрг* “сап (болезнь лошадей)”, калм. *саху гем* “мыт, воспаление слизистой оболочки носа и глотки (болезнь лошадей)”.

калм. *сахутх* “болеть мытом”, калм. *маальг* “чума (у крупного рогатого скота)”, ойр. Синьцз. *маальг* “чума”, калм. *шулкэ* “ящур (заболевание крупного рогатого скота)”, ойр. Синьцз. *шулкэ* “ящур”, калм. *сольр нудтэ мал* “животное, страдающее косоглазием”, калм. *төөндлх* “прижигать больное место”, калм. *хаму* “чесотка”, ойр. Синьцз. *хаму* “чесотка”, тат. *кыөыу* “чесотка”, калм. *хамута хөн* “чесоточная овца”, калм. *хамута мал* “чесоточный скот”, калм. *ханх* “пустить кровь, делать кровопускание (животным)”, калм. *хусрлһн* “бесплодие (у скота)”, калм. *цахлан* “лишай (у животных)”, ойр. Синьцз. *цахлаа* “лишай”, калм. *чимклһн* “кастрирование, холощение”, калм. *ясх* “кастрировать, холостить, оскоплять”, тат. *пөөеу* “кастрирование, холощение”, калм. *агтлһн* “кастрация, холощение коня”, калм. *ээрү* “рак языка (у лошади)”, калм. *давдрх* “хромать, прихрамывать (о животных)”, тат. *аксау* “хромата, прихрамывать”, калм. *туруна өвчн* “мокрец копыт (болезнь)”, калм. *хар һуй* “болезнь лошади (признаки – темно-синие подтеки на ляжках)”, калм. *цэкр нудтэ мөрн* “лошадь с бельмом на глазу”, калм. *һэрг өвчн* “воспаление мозга (у овец и крупного рогатого скота)”, калм. *һуур* “черви, личинки овода (паразитирующие на спине крупного рогатого скота и лошадей)”, калм. *делцгин хавдр* “воспаление вымени мастит (у коров)”, тат. *йелен шешү* “воспаление вымени”, калм. *делун өвчн* “воспаление селезенки, тимпания (у коров)”, калм. *арсна өвчн* “кожное заболевание, кожная болезнь”.

Калмыки широко использовали в медицине и ветеринарии лекарственные средства животного, растительного и минерального происхождения. Кровь, желчь, печень, почки, сердце, кости, жир, сырое мясо, шкуру животных, овес, пшено, травы, медь, серебро, свинец применяли для лечения различных болезней. Кроме того, прибегали к кровопусканию, прижиганию, окуриванию, обертыванию, перевязыванию, заговорам.

Таким образом, мы установили, что некоторые термины анатомии животных в калмыцком и татарском языках имеют фонетическое и семантическое сходство: калм. *маңна* “лоб”, сиб.-тат. *маңнай* “лоб”, тат. *маңгай* “лоб”, калм. *цох* “висок”, сиб.-тат. *цигэ* “висок”, калм. *хоңшар* “рыло, пяточок”, сиб.-тат. *кэңшерек* “рыло, пяточок”, калм. *дел* “грива (у лошади)”, тат. *йал* “грива у лошади”, калм. *зүркн* “сердце”, тат. *йөрәк* “сердце”, калм. *бөөр* “почки”, тат. *бөйөр* “почки”. Вместе с тем, обширная схожесть терминов в калмыцком языке, языке ойратов Синьцзяна и бурятском языке свидетельствует о длительных, родственных отношениях данных народов.

Анализ лексического пласта, связанного с анатомией животных и наименованиями болезней скота, показал, что калмыки детально разбирались в строении тела животных и были хорошо знакомы со многими заболеваниями домашних животных и методами их лечения.

Список условных сокращений

калм. – калмыцкий язык
ойр. Синьцз. – язык ойратов Синьцзяна КНР
бур. – бурятский язык
тат. – татарский язык
сиб.-тат. – сибирско-татарский язык
дербет. – дербетский говор калмыцкого языка
бузав. – бузавский говор калмыцкого языка

Список литературы

1. Алишина Х.Ч. Язык сибирских (тоболо–иртышских) татар: монография. Науч. ред. А.В. Дыбо; Тюменский государственный университет. – Тюмень: Печатник, 2019. – 197 с.

2. Бардаев Э.Ч. Номадная лексика монгольских народов (Названия домашних животных по полу, возрасту и ма- сти): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1976.
3. Дуброва Я.П. Быт калмыков Ставропольской губернии. – Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1998. – 181 с.
4. Душан У.Д. Избранные труды – Элиста : КИГИ РАН, 2016. – 375 с.
5. Житецкий И.А. Очерки быта астраханских калмыков : Этногр. наблюдения 1884-1886 гг. – Москва : тип. М.Г. Волчанинова, 1893. – 75 стр.
6. Калмыцко-русский словарь. Под. ред. Б.Д. Муниева. – М.: Русский язык, 1977. – 768 с.
7. Корсункиев Ц. К. Калмыцко-русский и русско-калмыцкий терминологический словарь. Медицина. – Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1992. – 180 с.
8. Номинханов Ц.Д. Термины животноводства в тюркских и монгольских языках // Труды сектора востоковедения. – Алма-Ата, 1959. Т. 1.
9. Пюрбеев Г.Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. – Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1996. – 176 с.
10. Рассадин В.И. Скотоводческая лексика калмыцкого языка в сравнении с турецко-месхетинской // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 8. Востоковедение. – Улан-Удэ, 2011.
11. Русско-калмыцкий словарь. Под. ред. И.К. Илишкина. – М.: Советская энциклопедия, 1964. – 803 с.
12. Татар теленен аңлатмалы сүзлеге. Өч томда (Толковый словарь татарского языка. В 3 томах) – Казан: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова. 1977.
13. Тодаева Б.Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна. – Элиста, 2001.
14. Трофимова С.М. Лексика некоторых продуктов традиционного мясного, мучного и растительного питания в халхаском, бурятском и калмыцком языках // *Oriental Studies*, 2016; № 9(4), стр.132–136.
15. Тумашева Д.Г. Словарь диалектов сибирских татар. – Казань: изд-во КГУ. – 1992. – 255 с.
16. Черемисов К.М. Бурятско-русский словарь. – Москва: Советская энциклопедия, 1973. – 803 с.
17. Щербак А.М. О характере лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков // Вопросы языкознания, 1996, №3. – с.21–35.
18. Эрдниев У. Э. Калмыки. Историко-этнографические очерки. – Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1985. – 282 с.
19. Эрендженов К. Золотой родник: О калмыцком народном творчестве, ремеслах и быте – Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1990. – 126 с.

Г.Б. Есенова, Т.С. Есенова

Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова

ИЗМЕНЕНИЕ СЕМАНТИКИ НОМАДНОЙ ЛЕКСИКИ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

*Статья подготовлена по результатам реализации проекта РНФ № 22-18-00060
«Исследование тюркской и монгольской лексики материальной культуры,
связанной с традиционным скотоводством: сравнительно-исторический аспект»*

Статья посвящена анализу изменений в семантике лексики, связанной со скотоводством. Материалом исследования послужили словарные статьи глаголов мордх/ мордох/ мордох/ мордох; гүүх/ гүүхе/ гүйхэ/ гүйх, представленные в лексикографических источниках бурятского, калмыцкого, халха-монгольского языков и языка ойратов Синьцзяна. Выявлены процессы переноса и расширения значений слов, фразеологически связанные значения, которые свидетельствуют об усложнении семантической структуры лексики традиционного занятия монгольских народов.

Ключевые слова: монгольские языки, лексическая семантика, семантические процессы, скотоводческая лексика.

G.B. Esenova, T.S. Esenova

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov

CHANGING THE SEMANTICS OF NOMADIC VOCABULARY IN MONGOLIAN LANGUAGES

*The article was prepared based on the results of the implementation of the RNF project No. 22-18-00060
“Study of the Turkic and Mongolian vocabulary of material culture associated with traditional cattle breeding:
a comparative historical aspect”*

The article discusses semantic processes in the vocabulary associated with the traditional occupation of the Mongols. The research material was the dictionary entries of the verbs mordh/ mordokha/ mordokho/ mordokho; guuh/ guuhe/ guihe/ guihe, Buryat, Kalmyk, Khalkha-Mongolian languages and the Oirat language of Xinjiang. The processes of transferring and expanding the meanings of words, phraseologically related meanings of the considered units are revealed, which indicate the complication of the semantic structure of the vocabulary of the traditional occupation of the Mongolian peoples.

Key words: Mongolian languages, lexical semantics, semantic processes, pastoral vocabulary.

Номадная лексика монгольских языков является наиболее древней, входит в базисную лексику и демонстрирует большое сходство в монгольских языках, на что было обращено внимание многих лингвистов. Одним из первых к данной лексике обратился известный лексиколог Э.Ч.Бардаев. В его работах, посвященных номадной лексике монгольских народов, рассматриваются названия домашних животных по масти, полу, возрасту [2; 3]. Если в работе Э.Ч.Бардаева проводится сравнительное исследование данного пласта лексики, то позже в работах ученых изучаются названия домашних животных монгольских языков в синхронии [1; 6; 8; 12-15; 18], сравнительном освещении [9; 16], на материале калмыцких законодательных памятников XVII–XIX вв. [5].

В работе В.Н.Манджиевой показано единство терминов домашнего скота калмыцкого языка с соответствующей лексикой современного халха-монгольского, языка

ойратов Синьзяна и Монголии, старописьменного монгольского языка и сделан вывод, что «данные термины носят общемонгольский характер» [6, с. 210]. Исследование Д.Б.Гедеевой установило, что «словарный состав лексики, связанной с домашними животными XVII–XIX вв., был таким же, как и в современном языке. Лексическое окружение слов, семантика, структура исследуемых названий не изменились» [5, с. 304].

Вывод об общемонгольском характере скотоводческой лексики на материале бурятского языка ранее был сделан В.И.Рассадиным и В.В.Тэлиным: «бурятская животноводческая терминология имеет общемонгольский характер» [13; 16]. К такому же заключению приходят В.И.Рассадин и С.В.Бадмацыренова в ходе сопоставительно-типологического анализа пласта лексики традиционного хозяйства окинских бурят и сойотов с монгольской лексикой: «животноводческая лексика говора окинских бурят носит в основном общемонгольский характер» [12; 1].

Помимо номинаций домашнего скота, в данную тематическую группу входят глаголы, семантически связанные с животноводством. Будучи лексикой активного пользования, они стали употребляться в разных сферах, в ходе чего приобрели переносные значения, вошли в состав образных выражений, демонстрируя выразительный потенциал лексики традиционного занятия номадов.

В данной работе рассмотрим два глагола, в семантике которых наблюдаются интересные процессы.

Глагол мордх. Согласно Калмыцко-русскому словарю под редакцией Б.Д.Муниева, глагол мордх имеет три значения, кроме того, фиксируется один фразеологизм. Мордх – 1. ‘садиться верхом’; мөрн деер мордх ‘садиться верхом на лошадь’; 2. ‘отправляться в дорогу, пускаться в путь, уезжать’; 3. ‘призываться в армию’; фразеологизм күүкн мордх ‘выйти замуж’ [7, с. 355].

Производный глагол мордулх имеет два значения: 1. ‘посадить верхом’; 2. ‘проводить в путь’. Последнее значение может реализоваться, например, в следующем контексте: күүк мордулх ‘выдать девушку замуж’ [7, с. 355].

Словарь языка ойратов Синьзяна Б.Х.Тодаевой у глагола мордох выделяет три значения: 1. ‘садиться верхом на лошадь’; 2. ‘отправляться в дорогу’, ‘пускаться в путь, уезжать’; 3. перен. ‘выходить замуж’ [17, с. 235].

Производный глагол мордуулх имеет два значения: 1. ‘посадить верхом’; 2. ‘отправлять’, ‘проводить в путь’. В соответствующем контексте этот глагол может реализовать значение, связанное со службой в армии: церегте көвүүд мордуулх ‘проводить сыновей в армию’ [17, с. 235].

Согласно Бурятско-русскому словарю под редакцией Л.Д.Шагдарова и К.М.Черемисова, глагол мордох имеет два значения: 1. ‘садиться на лошадь’, ‘отправляться в дорогу’, ‘пускаться в путь’, ‘уезжать’; 2. перен. ‘умереть’ [19, с. 558]. Как видим, в калмыцком языке наблюдается специализация значения: выделяется отдельное значение ‘отправляться в дорогу, пускаться в путь, уезжать’, которое в бурятском не выделяется отдельно. В калмыцком языке фиксируется значение ‘призываться в армию’, которое не отмечается в бурятском. В последнем выделяется переносное значение ‘умереть’, которое не отмечается в других монгольских языках.

Производный глагол мордохуулх в бурятском языке имеет два значения: 1. ‘отправлять, проводить’; армида мордохуулх ‘проводить в армию’; 2. ‘помогать садиться на лошадь’ [19, с. 558].

Большой академический монгольско-русский словарь под редакцией Г.Ц.Пюрбеева у глагола мордох регистрирует два значения: 1. ‘садиться верхом’, ‘отправляться в дорогу’; 2. ‘пускаться в путь’, ‘уезжать’ [10, с. 499]. Второе значение данного глагола может реализоваться в самых разных контекстах, например: дайлаар мордох ‘выступить в поход’;

дайнд мордох ‘отправляться на войну’; довтлон мордох ‘скакать верхом’; өглөө эрт мордох ‘выступать рано утром’; хотыг зорин мордох ‘отправляться в город’, ‘ехать к городу’; цэрэгт мордох ‘отправляться служить в армию’; цэрэгт мордогсод ‘мобилизованные в армию’, ‘призывники’; эх орноо хамгаалахаар мордох ‘встать на защиту родины’; мордож явах ‘выступать в путь’. Как видим, в определенном контексте, с соответствующими лексическими единицами глагол реализует значение, связанное со службой в армии.

Производный глагол мордуулах имеет три значения: 1. ‘посадить верхом’; ‘подсаживать’; хүүхдийг мордуулж өгөх ‘помогать мальчику (девочке) сесть верхом на лошадь’; ‘подсадить ребёнка’; 2. ‘проводить’; цэрэгт мордуулах ‘проводить в армию’; хүүгээ цэрэгт мордуулах ‘проводить сына в армию’; 3. ‘отправлять’, ‘направлять куда-л.’; дайчлан мордуулах / томилон мордуулах ‘мобилизовать и отправлять по назначению’; тагнуулаар мордуулах ‘отправлять на разведку’; хөдөлгөн мордуулах ‘отправлять в поход’ [10, с. 499]. Второе и третье значения глагола мордуулах реализуют значения, связанные со службой в армии.

Как видим, семантическая структура глагола мордх/ мордоха/ мордохо/ мордох в рассмотренных лексикографических источниках несколько различается. Во всех словарях в качестве первого значения выделяется значение ‘садиться верхом’. В западно-монгольских языках (калмыцком и языке ойратов Синьцзяна) выделяется самостоятельное значение – ‘отправляться в путь’, которое в бурятском и халха-монгольском не выделяется как самостоятельное. В калмыцком языке в качестве самостоятельного выделяется значение ‘призываться в армию’, которое в халха-монгольском может реализовываться в сочетании с существительным цэрэгт и не выделяется в бурятском. В языке ойратов Синьцзяна у рассматриваемого глагола фиксируется самостоятельное значение ‘выходить замуж’, которое в калмыцком языке реализуется во фразеологизме күүкн мордх. В бурятском языке у данного глагола выделяется переносное значение ‘умереть’, которое не фиксируется ни в одном из рассмотренных языков. Производный глагол мордуулх/ мордуулха/ мордохуулха/ мордуулах во всех языках имеет значение ‘посадить верхом’ и ‘отправлять, проводить в путь’ (в том числе в армию). В калмыцком языке значение ‘проводить в путь’ реализуется в контексте күүк мордуулх ‘выдать девушку замуж’. Следовательно, в общемонгольском глаголе мордх/ мордоха/ мордохо/ мордох наблюдаем дальнейшее развитие семантики: садиться верхом – отправляться в путь – выходить замуж – призываться в армию. Особняком стоит переносное значение ‘умереть’, фиксируемое в бурятском языке.

Семантический анализ свидетельствует о постепенном расширении значения рассматриваемого слова. Исходное значение ‘садиться верхом’ связано с лошадью. Трудовая и повседневная жизнь скотоводов-кочевников была немислима без лошади: пастьба животных, перемещения по бескрайним просторам степи были невозможны без этого животного. Свободное словосочетание мөрн деер мордх выражает смысл ‘садиться верхом на лошадь’. Далее в результате метонимического переноса образовалось значение ‘отправляться в дорогу, пускаться в путь, уезжать’. Для кочевников-скотоводов основным средством передвижения была лошадь, поэтому всякая посадка на нее связывалась со смыслом ‘отправление в путь’, что делало необязательным употребление существительного, обозначающего средство передвижения – мөрн. Следующим этапом к полизначности становится дальнейшее расширение значения, обретение смысла ‘призываться в армию’. Вероятно, это значение появилось у слова позже: в прежние времена на воинскую службу солдаты направлялись верхом на лошади. Как известно, монголы не только великолепные наездники, но и отважные воины, преданные воинскому долгу. По образному выражению путешественников, они рождаются, живут и умирают на лошади. В современном калмыцком языке слово мордх

в значении ‘призываться в армию’ используется активно: мандур цэ ирж уутн/ көвүм цегрд морджана ‘завтра приходите выпить чай, мой сын идет в армию’ (пример из разговорной речи Е.Г., запись 1970 г.).

На базе переносного значения ‘отправляться в дорогу, пускаться в путь, уезжать’ возник фразеологизм күүкн мордх ‘выйти замуж’. В современной речевой практике возможно и бессубъектное использование данной единицы: мордх ‘выйти замуж’. Как пишет Э.Ч.Бардаев, «күүкн мордх ‘выйдет замуж девушка’, здесь слово мордх означает сесть верхом на лошадь или, иначе говоря, везти невесту к жениху на лошади. Сейчас слово мордх без слова күүкн ‘девушка’ передает значение ‘выходить замуж’. Содержания этих фразеологизмов достаточно хорошо известны в народе, ибо сами события, связанные с теми или иными предметами, имели место в недалеком прошлом. Поэтому особенно свежи они в памяти людей старшего поколения» [4, с. 150]. И, действительно, дальнейшее расширение значения слова мордх подтверждает Толковый словарь калмыцкого языка Г.Ц.Пюрбеева, в котором приводится четвертое значение – ‘выйти замуж’ [11, с. 211]. Данное значение иллюстрируется примером из газеты «Хальмг үнн»: Күүкн үрн өсэд босчкад, хэрд мордад, күүнэ болж одна ‘дочь, вырастая, выходит замуж и становится чужой’.

Значение ‘жениться’ в калмыцком языке и языке ойратов Синьцзяна передается через фразеологизм гер авх – буквально ‘взять кибитку’. В языковых единицах, обозначающих значения ‘выйти замуж’ и ‘жениться’, прослеживается культурная традиция народа: жених устанавливает кибитку, в которой будет жить молодая семья, а невесту сажают на лошадь, на которой она направляется к жениху.

Таким образом, в глаголе мордх/ мордоха/ мордохо/ мордох наблюдается процесс расширения семантики за счет появления переносных значений, возникших на основе прямого, связанного с трудовой и повседневной жизнью скотовода. Наблюдается усложнение семантической структуры слова, что указывает на усложнение абстрактного мышления носителя кочевой лингвокультуры.

Рассмотрим словарную статью лексемы гүүх. Согласно Калмыцко-русскому словарю под редакцией Б.Д.Муниева и Толковому словарю калмыцкого языка Г.Ц.Пюрбеева, данное слово является однозначным. Гүүх – ‘бежать’, ‘бегать’; дээн эклэд зулж гүүв ‘неприятель обратился в бегство’; ардан хэлэлго гүүх ‘бежать без оглядки’ [7, с. 150]. В Словаре Г.Ц.Пюрбеева приводятся аналитические формы, образованные на базе данного глагола, передающие особенности движения: зулж гүүх ‘убегать’; гүүж ирх ‘прибежать’; ардан хэлэлго гүүх ‘бежать без оглядки’; хэлэсн талан гүүх ‘бежать, куда глаза глядят’ [11, с. 85].

Глагол гүүх входит в базисную лексику, употребляется в разных видах и жанрах речи, например, в фольклорных: сарин көлэр гүүдг сай жова адута, нарни көлэр гүүдг найн жова адута ‘имеет многомиллионные табуны, бегущие под светом луны, имеет восьмимиллионные табуны, бегущие под лучами солнца’. На базе данного глагола образованы поговорки: ээл күн цүүгдхлэ бүүрэн соль, шүдн зовахла авч хай ‘беспокоит сосед – переселись, беспокоит зуб – выдерни’; зулж гүүсн кү бичэ көөлд ‘не гонись за тем, кто обратился в бегство’; загадки: көл уга гүүдг, живр уга нисдг ‘без ног бегаёт, без крыльев летает’ (үүлн ‘туча’). Отметим, что выразительные средства образованы в том числе и с участием лексемы мөрн: сэн мөрн гүүдлэрн медгддг, сэн төмр давтлһарн медгддг ‘хороший конь узнаётся в беге, железо – в ковке’. Э.Ч.Бардаев приводит словосочетание цаг гүүнэ ‘время бежит’ для иллюстрации переносного значения данного слова – ‘протекает’ [4, с. 41]. Интересно отметить, что в русской разговорной речи калмыков старшего возраста можно встретить выражение типа: *Эти монеты не бегают уже* (пример из разговорной речи Е.Л. – записано в г. Элиста в 2019 г.).

В языке ойратов Синьзяна глагол гүүхе имеет три значения: 1. ‘бегать’, ‘бежать’; 2. ‘течь’ (о жидкости); 3. перен. ‘цениться’; байан күмени үгени гүүдег билээ ‘слова богачей ценились, к ним прислушивались’ [17, с. 97].

В бурятско-русском словаре у глагола гүйхэ выделяется три значения: 1. ‘бегать’, ‘бежать’; 2. ‘бежать’, ‘течь’ (например, о мыслях); 3. ‘идти’ (о торговле) [19, с. 231]. В бурятском языке данный глагол образует аналитические формы, которые передают характер, способ движения, например: гүйжэ гараха ‘выбегать’; ‘выскакивать’, ‘выпрыгивать’; гүйжэ ерэхэ а) ‘подбегать’, ‘прибегать’; б) ‘приезжать’, ‘подъезжать’; гүйжэ орохо ‘входить бегом’, ‘вбегать’, ‘забегать’; уһа руу гүйжэ орохо ‘бросаться в воду’; гүйжэ ошохо ‘отправляться бегом’, ‘бежать’; гүйжэ хүсэхэ ‘преследовать бегом’, ‘бежать вдогонку’; гүйжэ ябаха ‘бежать’; гүйжэ ябахадаа ‘на бегу’; гүйн алдаха ‘чуть не бежать’, ‘идти почти бегом’; гүйн гараха ‘выбегать’; гүйн орохо ‘вбегать’; гүйн татаха ‘полубежать’; гүйхэ тэрьелхэ ‘убегать’, ‘удирать’; гүйхэ харайха ‘бегать’, ‘носиться’; гүйхөөр гүйшэхэ ‘бежать безостановочно’, ‘совсем убегать’.

В халха-монгольском языке глагол гүйх имеет три значения: 1. ‘бежать’, ‘бегать’; зугатан гүйх ‘сбежать’, ‘убежать’; гүйж гарах ‘выбегать’; гүйж ирэх ‘прибежать’, ‘подбежать’, ‘примчаться’; гүйж одох ‘убежать’; гүйж хүрэх ‘добежать’; гүйн орох ‘вбежать’, ‘забежать’; гүйх нохойд гүйхгүй нохой саад зүйр. ‘пеший конному не товарищ’ (үгчил. ‘для бегущей собаки не бегущая собака помеха’); 2. ‘бежать по жилам’ (о крови); ‘течь’; усан хоолойгоор ус гүйнэ ‘вода течёт по трубам водопровода’; 3. холбоо.: хаван гүйх ‘опухать’ [10, с. 641].

Данный словарь выделяет омонимичный глагол гүйх, для которого характерны два значения: 1. ‘находиться в обращении’ (о товаре, деньгах); 2. ‘ходовой’; гүйх бараа ‘ходовые товары’; үл гүйх бараа / гүйхгүй бараа ‘неходовые товары’; хоосон гүйн эргэлдэх ‘вращаться на холостом ходу’ [10, с. 641].

Калмыцко-русский словарь под редакцией Б.Д.Муниева не фиксирует фразеологизм мөрн гүүжэнэ ‘сопутствует удача’ – буквально ‘лошадь его бегаёт’. Фразеологизм мөрн гүүжэнэ в словаре Г.Ц.Пюрбеева приводится на словарную статью мөрн и иллюстрируется примерами из художественного текста, например: Ода чини мөрн хурдар гүүхмн, ахрар келхд, орман күүнд булагдш уга болвч ‘Тебе сопутствует удача, короче говоря, никто твое место не займет’. Интересно отметить, что в этой же статье приводится мөрнь хашцгдх ‘отставать, замедляться’, букв. ‘лошадь его замедлилась, отстаёт’. Данное значение иллюстрируется примером из современного художественного текста: Мөрнчнь хашцгдэд бээв. Махан идчкхн цагла ирэд бээвч ‘Ты запоздал. Пришел, когда съели мясо’ [11, с. 214].

Анализ показывает, что у глагола гүүх/ гүүхе/ гүйхэ/ гүйх лексикографические источники современных монгольских языков фиксируют разное количество значений. Во всех языках выделяется значение ‘бежать’, ‘бегать’. Это значение является единственным у глагола гүүх в калмыцком языке. В ойратском, бурятском и халха-монгольском языках вторым значением является значение ‘течь’. Эти языки различаются по третьему значению: в ойратском – это ‘цениться’, в бурятском – ‘идти (о торговле)’, халха-монгольском – ‘опухать’. Кроме того, только Большой академический монгольско-русский словарь выделяет омоним со значениями ‘находиться в обращении’ и ‘ходовой’. Последнее значение реализуется, если гүйх находится в препозиции к имени существительному.

В мөрн гүүжэнэ ‘сопутствует удача’ отмечаем фразеологически связанное значение, возникшее с участием существительного мөрн не случайно: лошадь в культуре монголов символизирует скорость, бег, изменение. Фразеологизм мөрнь хашцгдх, будучи антонимом мөрн гүүжэнэ ‘сопутствует удача’, букв. ‘лошадь бежит’, отражает существующую связь между прямым и переносным значениями словосочетаний, образованных на базе глагола гүүх.

Таким образом, на примере глаголов мордх/ мордоха/ мордохо/ мордох; гүүх/ гүүхе/ гүйхэ/ гүйх, связанных со скотоводством, основным занятием монголов, наблюдаем разнообразные семантические процессы и образование устойчивых выражений, в которых проявляется образное мышление номадов. Думаем, что специального исследования заслуживают не только номинации скота, но и лексика, связанная с животноводством, в частности глаголы, обладающие значительным семантическим потенциалом.

Список литературы

1. Бадмацзыренова С.В. Лексика традиционного хозяйства окинских бурят и сойотов в сопоставлении с монгольской: автореф. дисс. канд. филол. наук. – Элиста, 2006. – 18 с.
2. Бардаев Э.Ч. Номадная лексика монгольских народов (Названия домашних животных по полу, возрасту и масти): автореф. дисс. канд. филол. наук. – М., 1976 б. – 25 с.
3. Бардаев Э.Ч. О происхождении названий мелкого скота в языках монгольских народов // Вопросы грамматики и лексикологии современного калмыцкого языка. – М.: Наука, 1976 а. – С. 177–188.
4. Бардаев Э.Ч. Современный калмыцкий язык. – Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1985. – 152 с.
5. Гедеева Д.Б. О лексико-семантической группе названий домашних животных в языке калмыцких законодательных памятников (XVII–XIX вв.) // Oriental Studies. – 2019. – Is. 2. – С. 298–306.
6. Манджиева В.Н. Комплекс животноводческой лексики калмыцкого языка // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2012. – № 6 (16). – С. 209–211.
7. Муниев Б.Д. Калмыцко-русский словарь. – М.: Русский язык, 1977. – 764 с.
8. Номинханов Ц.Д. Материалы к изучению истории калмыцкого языка. – М.: Наука, 1975. – 325 с.
9. Номинханов Ц.Д. Термины животноводства в тюркских и монгольских языках // Труды сектора востоковедения. – Алма-Ата, 1959. – Т.1. – С. 87–116.
10. Пюрбеев Г.Ц. Большой академический монгольско-русский словарь. – М.: Академия, 2002. Т. 1-4. – 1765 с.
11. Пюрбеев Г.Ц. Толковый словарь калмыцкого языка. – Элиста: Изд-во Калм.ун-та, 2020. – 444 с.
12. Рассадин В.И. Бурятская животноводческая терминология как источник по исторической этнографии // Этническая история и культурно-бытовые традиции в Бурятии. – Улан-Удэ, 1984. – С. 55–80.
13. Рассадин В.И. Животноводческая лексика в языке окинских бурят и сойотов // Проблемы бурятской диалектологии. – Улан-Удэ, 1996. – С. 45–57.
14. Рассадин В.И. К сравнительному изучению анималистской лексики бурятского языка // Языки и фольклор народов Севера. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 97–119.
15. Рассадин В.И. Комплекс лексики номадного скотоводства монгольских языков в свете тюркско-монгольских языковых связей // Урало-алтайские исследования. – 2010. – № 1 (2). – С. 32–38.
16. Рассадин В.И. Скотоводческая лексика калмыцкого языка в сравнении с турецко-месхетинской // Вестник Бурятского государственного университета. – 2011. – № 8. – С. 83–90.
17. Тодаева Б.Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна. – Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 2001. – 493 с.
18. Тэлин В.В. Сложение пласта терминов традиционного хозяйства бурят: автореф. дисс. канд. филол. наук. – Улан-Удэ, 2000. – 16 с.
19. Шагдаров Л.Д., Черемисов К.М. Бурятско-русский словарь. – Улаан-Үдэ: Республикын хэблэлэй үйлэдбэри» гэжэ бүлгэмэй хэблэл, 2008. – 707 с.

Л.А. Лиджиева, П.Ц. Биткеев, Г.Ц. Пюрбеев
Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова

СЕМАНТИКА ГЛАГОЛОВ ДИНАМИЧЕСКОЙ ЛОКАЛИЗАЦИИ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ (ДВИЖЕНИЕ ПО ТВЕРДОЙ ПОВЕРХНОСТИ)

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта
№ 20-012-00551 «Категория пространства в монгольских языках: типология и диахрония»*

В статье рассматриваются пространственные значения динамических глаголов в монгольских языках. Выявлены и описаны глаголы движения с невыраженной ориентацией, обозначающие передвижение по твердой поверхности. Исследованы глаголы с указанием или отсутствием указания на способ передвижения. По способу передвижения по твердой поверхности изучены глаголы со значениями 'идти, шагать', 'бегать', 'прыгать', 'ползать', 'скользить, кататься'. Глаголы без указания на способ передвижения обозначают движение 'мимо, вдоль чего-либо'; 'следование за кем-либо'; 'преодоление препятствия'. Типологический анализ динамических глаголов со значением движения по твердой поверхности показал многообразие семантики пространственных отношений в монгольских языках.

Ключевые слова: динамическая локализация, глаголы движения, пространственные отношения, монгольские языки.

L.A. Lidzhieva, P.Ts. Bitkeev, G.Ts. Pyurbееv
Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov

SEMANTICS OF VERBS OF DYNAMIC LOCALIZATION IN MONGOLIAN LANGUAGES

*The study was funded by RFBR, project number № 20-012-00551
«The category of space in the Mongolian languages: typology and diachrony»*

The article is devoted to the description of the spatial meanings of dynamic verbs in the Mongolian languages. The researchers identified and described verbs of movement with an unexpressed orientation denoting movement on a solid surface. Verbs with or without indication of the mode of movement are investigated too. The article studies verbs with the meanings 'to walk', 'to run', 'to jump', 'to crawl', 'to slide, to ride' according to the method of movement on a hard surface. Verbs without indicating the mode of movement denote movement 'past, along something'; 'following someone'; 'overcoming obstacles'. Typological analysis of dynamic verbs with the meaning of movement on a solid surface showed the variety of semantics of spatial relations in the Mongolian languages.

Key words: dynamic localization, verbs of motion, spatial relations, Mongolian languages.

Пространство является одной из актуальных тем лингвистов различных направлений. Существует большое количество работ, посвященных описанию различных средств выражения пространственных отношений (имена существительные, имена прилагательные, предлоги, послелого, наречия, местоимения, глаголы и др.). Исследования проводятся на материале различных языков и обнаруживают различные подходы к изучению пространственной семантики.

В.Г.Гак отмечает, что «пространственные значения являются первоосновой многих языковых средств обозначения как на уровне слова, так и на уровне структуры предложения. Это подтверждает, что восприятие пространства – одно из первых и элементарных проявлений познания человеком» [2, с. 134].

В данном исследовании представлен анализ семантики глаголов пространственной локализации в монгольских языках. В рамках морфологии подробно описаны грамматические категории глаголов (время, вид, наклонение, залог) [13; 16; 19; 4; 17; 12; 5 и др.]. Синтаксические особенности глагола представлены в работах, посвященных вопросам модальности, употреблению глагольных словосочетаний, полипредикативных конструкций и др. [11; 3; 10; 7 и др.]. Семантика глаголов пространственной локализации рассматривалась такими учеными, как В.Л.Ибрагимова [6], М.В.Всеволодова и Е.Ю.Владимирский [1], О.Н.Селиверстова [14] и другие.

Б. Тошович отмечает, что «существует три основных процесса в пространстве: движение, перемещение и позиционирование (изменение положения). Движение – это любой активный процесс в пространстве. Перемещение – это переход в другое место, иногда при помощи транспортного средства. Позиционирование – это изменение плоскости (горизонтальной, вертикальной, наклонной), позиции (стоячей, лежачей, сидячей, висячей), формы положения (линейной, кругообразной, крестообразной, скобочной), направления (туда, туда-сюда, к себе, от себя, вверх, вниз, вперед, назад, обратно, в сторону, в стороны, налево, направо и т.п.» [15, с. 163].

Пространственные глаголы традиционно разделяют на две группы: глаголы, выражающие статическую локализацию, и глаголы, выражающие динамическую локализацию.

«Среди динамических предикатов ведущее место занимают транслокативные предикаты. Практически все они являются так называемыми глаголами движения. Термин *глаголы движения* нередко понимается либо очень широко: в их число включают все глаголы, которые передают какие-либо движения субъекта, не обязательно связанные с преодолением некоторого пространства, либо, наоборот, слишком узко: выделяются в отдельные группы глаголы движения, к которым относят некаузативные предикаты, и перемещения, к которым причисляют глаголы, выражающие каузативную транслокацию объекта» [9, с. 38]. Мы придерживаемся второй точки зрения и поддерживаем разделение глаголов движения и перемещения.

Анализ материала монгольских языков показал, что глаголы движения в монгольских языках можно разделить на две группы: глаголы поступательного и непоступательного движения. Среди глаголов поступательного движения выделяются глаголы направленного (ориентированного) движения и глаголы с невыраженной ориентацией движения.

«Глаголы с невыраженной ориентацией движения в отличие от глаголов направленного (ориентированного) движения, направительный элемент значения которых выступает как признак их индивидуального лексического значения, могут приобрести признак направленности лишь в определенном контексте. Характер передвижения в них уточняется с точки зрения способа, среды, темпа, образной характеристики передвижения» [18, с. 122].

Глаголы со значением невыраженной ориентации движения, указывающие среду передвижения, можно разделить на глаголы, обозначающие движение по твердой поверхности (земле), воздуху и в водной среде. В данном исследовании подробно остановимся на семантике глаголов со значением движения по твердой поверхности.

Рассматриваемое движение человека или животного характеризуется различными признаками. В семантике рассматриваемых глаголов уже присутствует определенное лексическое значение. В данной группе рассмотрены глаголы, в значении которых имеется или отсутствует указание на способ движения.

1) По способу передвижения выделяются глаголы со значениями ‘идти, шагать’, ‘бегать’, ‘прыгать’, ‘ползать’, ‘скользить, кататься’.

а) Глаголы со значением ‘идти, шагать’. К данной группе относятся глаголы, обозначающие движения человека или животных с помощью ног. Например:

Употребительный глагол монг. *явах* / бур. *ябах* / ойр. *йовха* / калм. *йовх* ‘идти, ходить, ездить’ в исходной форме не имеет выраженную ориентацию движения. Значение направленности может проявляться в контексте. Часто глагол характеризует определенный способ движения, например, перемещение пешком или движение на транспорте: Например: монг. *төмөр замаар явах* ‘ездить по железной дороге’ [БАМРС, IV 2002: 453]; бур. *ябагаар ябах* ‘ходить пешком’ [БРС, II 2010: 696]; ойр. *көвшинни тавагни евдетел йовха* ‘шагать, идти, пока не разболится ступня’ [СЯОС 2001: 309]; калм. *мөрэр йовх* ‘ездить верхом’ [КРС 1977: 279].

В случае, если данный глагол в аналитической конструкции выступает в качестве вспомогательного, то лексическое значение несет знаменательное слово, выступающее в сочетании с ним. В данном случае подобные конструкции могут передавать различную среду передвижения. Например: калм. *нисжэ йовх* ‘летать’; *өөмжэ йовх* ‘плыть’; *гүүжэ йовх* ‘бежать’; *мөлкэжэ йовх* и т.д.

Глагол монг. *аллах* / бур. *алхаха* / ойр. *алхаха* / калм. *алхх* с общим значением ‘шагать, ступать, идти’ передает значение передвижения по земной поверхности: монг. *замаар аллах* ‘идти по дороге’ [БАМРС, I 2001: 81]; *зөөлөн аллах* ‘идти тихим шагом’ [БАМРС, I 2001: 81]; бур. *удаан аллах* ‘шагать медленно’ [БРС I, 2010: 56]; *хүшүү муугаар алхалха* ‘неуклюже шагать’ [БРС II, 2010: 509]; ойр. *Күрең мөрөн уулин оратаа цацуураад, деңкелзен алхажи йовнаа*. ‘Поравнявшись с вершиной горы, тёмно-рыжий конь шагает гордо’ [СЯОС 2001: 125]; калм. *Ламин ари темцэд алхлгсн йовдг* [КНК. Хальмаг үнн]. ‘Шагает, направляясь в обитель отшельника ламы’.

К данной группе лексем относятся и различные передвижения, характеризующие тип шага: монг. *аллах* / бур. *алхаха* / ойр. *алхалаха* / калм. *алхлх* ‘идти крупными шагами; маршировать’; монг. *хонхолзох* ‘ходить, покачиваясь большими шагами (наподобие верблюда)’; *гулалзах* ‘идти крупным шагом’ [БАМРС 2001, 2002]; бур. *шибаганаха* ‘идти мелкими шажками, семенить’; *ибаргаха* ‘семенить, идти мелкими и быстрыми шагами’; *бүмбэрхэ* ‘семенить, идти мелкими шажками’ [БРС 2010]; ойр. *цемшихе* ‘ходить острожными шагами, на цыпочках’; *талтаннаха* ‘идти большими шагами, с широко расставленными ногами’; *дегдерехе* ‘идти частыми, мелкими шагами, семенить’ [СЯОС 2001]; калм. *цемшихе* ‘ходить острожными шагами, на цыпочках’; *дегдрх* ‘идти мелкими частыми шагами’ [КРС 1977].

Например: монг. *аллах* / бур. *алхалха* / ойр. *алхалаха* / калм. *алхлх* ‘идти крупными шагами; маршировать’; монг. *Бянтай залуу ат гулалзтал алхална*. ‘Молодой сильный верблюд-пороз шел крупным шагом’ [БАМРС, I 2001: 457]; бур. *Гүйдэл холин алхалшаба*. ‘Он шагал, сбиваясь на бег’ [БРС, I 2010: 56]; ойр. *Өмээрээн хэлээгээд алхалаад харха*. ‘Двинуться вперед большими шагами’ [СЯОС 2001: 28]; калм. *Алхлжэ йовцхатн!* ‘Идите маршем!’ [КНК. Эрнжэнэ К. Һалан хадһл].

б) Глаголы со значением ‘бегать, бежать’. Глаголы с данным значением употребляются в значении быстрого перемещения «и, в отличие от ходьбы, периодической кратковременной утратой контакта с поверхностью» [8, с. 122]. Например: глагол монг. *гүйх* / бур. *гүйхэ* / ойр. *гүүхе* / калм. *гүүх* ‘бежать, бегать’: монг. *Дүвжир ч эргэн хараад гүйнэ* [МНК]. ‘Дувжир оглядывается и бежит’; бур. *аһан шадалаараа гүйхэ* ‘бежать со всех ног’ [БРС, I 2010: 231]; ойр. *көл нүцгээр цасан деегүүр гүүхе* ‘бегать босиком по снегу’ [СЯОС 2001: 97]; калм. *ардан хэлэлго гүүх* ‘бежать без оглядки’ [КРС 1977: 150].

Отдельно следует отметить глаголы, обозначающие движения, совершаемые животными. Особенно ярко это выражено в лексике, связанной с коневодством, отражающей особенности аллюра лошади. Например, в ойратском языке: *жсораалх* 'идти иноходью' [ТС 2016: 39]; *саяглах* 'идти мелкой иноходью' [ТС 2016: 42]; *таваргах* 'ехать быстрой рысью, но не скакать' [ТС 2016: 43]; *хатарх* 'идти, ехать рысью' [ТС 2016: 44]; *шовших* 'идти тихой рысью' [ТС 2016: 47]; *докилзаха* 'иметь лёгкую красивую поступь' [СЯОС 2001: 127]; *тавлаха* 'мчаться галопом' [СЯОС 2001: 309]; *цөмцөрхе* 'идти мелкими осторожными шагами' [СЯОС 2001: 431]. В данных примерах показана разная скорость передвижения.

в) Глаголы со значением 'прыгать'. В монгольских языках глаголы, обозначающие это действие, встречаются с различными нюансами значений и выражают движение по твердой поверхности как живых, так и неживых существ: монг. *догонцох* 'скакать, прыгать на одной ноге; вприпрыжку'; *дэвхцэх* 'подпрыгивать, припрыгивать, все время прыгать'; *харайх* 'прыгать'; *цовхрох* 'подпрыгивать, подскакивать'; *хөхнөх* 'резвиться, прыгать' (о ягнятах) [БАМРС, I–IV 2001–2002]; бур. *дохолоншоохо* 'прыгать на одной ноге, припрыгивать'; *дэбхэрхэ* 'прыгать, скакать'; *харайха* 'прыгать'; *собхорхо* 'подпрыгивать, подскакивать; прыгать' [БРС, I–II 2010]; ойр. *шикелхе* 'брыкаться, лягаться (о животных)'; *бухаха* 'брыкаться (о животных)'; *тогльха* 'прыгать, резвиться (о молодняке домашних животных); прыгать, скакать, играть (о детях)' [СЯОС 2001]; калм. *туульх* 'брыкаться' (о животных); *хэрэдх* 'скакать, прыгать' [КРС 1977].

Например: монг. *бүгдээс хол харайх* 'прыгать дальше всех' [БАМРС, IV 2002: 48]; бур. *дэбхэржэ хатарха* 'плясать вприпрыжку (или с прискоком)'; притопывать (в танце) [БРС, I 2010: 322]; ойр. *Көвүүд хазаа тоглыаад наадажцү йовцаһаанаа*. 'На улице дети играют, прыгают, забавляются' [СЯОС 2001: 327]; калм. *Тер йир һавшунар һэрэднэ*. 'Он прыгает очень ловко' [КРС 1977: 151]. Данные глаголы могут приобретать значение направленности только в определенном контексте.

г) Глаголы со значением 'ползать'. В этой группе объединяются глаголы, обозначающие передвижение живых существ по поверхности всем телом. «Т.е. движение осуществляется по твердой поверхности, ни в какой момент, не утрачивая контакта с ним» [18, с. 129].

Общими для всех монгольских языков являются лексемы монг. *мөлхөх* / бур. *мүлхижэ* / ойр. *мөлкөхө* / калм. *мөлх* 'ползать, ползти; ходить на четвереньках' и монг. *элэглэх* / бур. *эльгэдэхэ* / ойр. *элкөдөхө* / калм. *элкдх* 'ползать на животе'.

Например: монг. *Хүүхэд шалан дээгүүр мөлхөж явна*. 'Ребёнок ползёт по полу' [БАМРС, II 2001: 344]; бур. *годи-бэди мүлхихэ* 'ползать, вилить из стороны в сторону' [БРС, I 2010: 213]; ойр. *Зузаан көр цасанда мөлкээд эсе болнаа*. 'Пробовал ползти по глубокому снегу, ничего не получается' [СЯОС 2001: 236]; калм. *Моһа кевтэ хотьхлад меклә кевтэ мөлкэд*. 'Угождать и пресмыкаться перед сильным (букв. извиваться как змея, ползать как лягушка)' [КРС 1977: 353].

В отдельных монгольских языках встречаются лексемы, отражающие движение ползком пресмыкающихся и червеобразных. Например: монг. *агдгалзах* 'пресмыкаться, ползать, корчиться, вытягиваться и сокращаться (о червях)'; *атилзах* 'пресмыкаться, ползать, двигаться (о червях, змеях)'; *гулжвалзах* 'ползать (о змеях)'; *гулзганах* 'ползать, пресмыкаться (о змеях)'; *орволзох* 'ползать, пресмыкаться, извиваться (напр. о змее)' [БАМРС, I, III 2001]; бур. *гулгирха* 'ползать (о змее)'; *гэдэхээ шэрэн холжорхо* 'ползать на брюхе (о змее)' [БРС, I 2010]; ойр. *эрэлзехө* 'быстро ползти, извиваясь всем телом (напр. о змее)' [СЯОС 2001].

д) Глаголы со значением ‘скользить, кататься’. В данную группу входят немногочисленные глаголы. Глаголы со значением ‘скользить, кататься’, в основном, обозначают передвижение по прямой плоскости на лыжах, санках, коньках. Например: глагол монг. *гулгах* / бур. *гулгах* / ойр. *хулдарха* / калм. *хульдрх* ‘скользить, кататься’: монг. *тэшиүүрээр гулгах* ‘кататься на коньках’ [БАМРС, I 2001: 458]; ойр. *мөсөн дееге хулдараад унаха* ‘поскользнуться и упасть на льду’ [СЯОС 2001: 107]; калм. *мөсн деегүр хульдрх* ‘скользить по льду’ [КРС 1977: 169].

В бурятском языке лексема *гулгах* ‘скользить, кататься’ употребляется представителями западного наречия. В основном, данное значение передают многозначные лексемы *гүйхэ: елүүр дээрэ конькигаар гүйхэ* ‘кататься на коньках на катке’ [БРС, I 2010: 473] и *болохо: ролигоор кататься болохо (разг.)* ‘кататься на роликах’ [БРС, II 2010: 123].

Также в монгольских языках распространены такие лексемы, как: монг. *тэших* / бур. *тэшихэ* (в некоторых диалектах) / ойр. *тошиха* / калм. *тоих* ‘кататься на коньках; скользить на льду; скользить’ [БАМРС, III 2001: 297]; монг. *халтирах* / бур. *халтирха* / ойр. *хальтарха* / калм. *хальтрх* ‘скользить, кататься’; калм. *доих* ‘кататься (напр. на коньках), скользить’.

2) Глаголы без указания на способ передвижения обозначают движение ‘мимо, вдоль чего-либо’; ‘следование за кем-либо’; ‘преодоление препятствия’.

а) Глаголы со значением ‘следования за кем-либо’. К данной группе можно отнести общие для монгольских языков глаголы: монг. *дагах* / бур. *дагана* ‘следовать за кем-чем-л.; сопутствовать кому-л.; сопровождать кого-л.; ходить следом за кем-чем-л., преследовать кого-л.’; бур. *дахаха* / ойр. *дахана* / калм. *дахх* ‘следовать за кем-л., сопутствовать кому-л.’; монг. *мөрдөх* / бур. *мүрдэхэ* / ойр. *мөрдехе* / калм. *мөрдх* ‘выслеживать, идти по пятам, по следам, преследовать’; монг. *нэхэх* / бур. *нэхэхэ* / ойр. *некехе* / калм. *некх* ‘преследовать, гнаться’. Например: монг. *Нэхүүл хойноос нь мөрдөн хөөв*. ‘Погоня мчалась следом за ним’ [БАМРС, II 2001: 349]; бур. *халуун мур мүрдэхэ* ‘идти по горячему следу; преследовать по пятам’ [БРС, I 2010: 569]; ойр. *Өдөрийн дуусан чоншин мөр мөрдехе* ‘Целый день преследовать, идти по волчьему следу’ [СЯОС 2001: 443]; калм. *Шавта аң мөрдөд олх* ‘Найти раненого зверя по следу’ [КРС 1977: 359].

Также встречаются глаголы со значением непосредственного движения друг за другом (вереницей). Например: монг. *цувах* / бур. *субаха* / ойр. *цуваха* / калм. *цувх* ‘идти гуськом, друг за другом, вереницей’; монг. *жагсан цувах* ‘выстраиваться в длинную шеренгу’ [БАМРС, IV 2002: 272]; бур. *хойно хойнооо субаха* ‘двигаться друг за другом’ [БРС, I 2010: 218]; ойр. *Мал усан тала цуважи йовнаа*. ‘Скот друг за другом направляется на водопой’ [СЯОС 2001: 432]; калм. *Гурвдгч хоңх жиңнхлэ хурвулн цувад орицхав* [КНК. Эрнжэнэ К. Һалан хадһл]. ‘Когда зазвенел третий звонок, они втроем вошли друг за другом’.

б) Глаголы со значением ‘преодоление препятствия’. Данные глаголы обозначают движение, где присутствует преодоление какого-либо предмета, например, гор, возвышенностей, рек, дорог и т.д. К таким глаголам относятся: монг. *алхах* / бур. *алхаха* / ойр. *алхаха* / калм. *алхх* ‘перешагнуть, перешагивать, переступить’; монг. *алсах* ‘перешагнуть, переступить, переходить’; монг. *давах* / бур. *дабаха* / ойр. *даваха* / калм. *давх* ‘переваливать через гору, переходить, перелезть через что-л.’;

Например: монг. *уулын ониор давах* ‘переехать через седловину горы’ [БАМРС, II 2001: 484]; бур. *Бүтүү хара шэрэнги дабаа һэмди*. ‘Мы проехали через дремучую чащу’ [БРС, I 2010: 247]; ойр. *Хадтаа уулиги мацаад, чолуутаа даваа даваха*. ‘Вскарабкаться на скалистую гору, перевалить каменистый перевал’ [СЯОС 2001: 228]; калм. *Тер зо давж одв, гижэ өвгн һарарн заңһв* [КНК. Эрнжэнэ К. Һалан хадһл]. ‘Он перешел через хребет, сказав так, старик указал рукой’.

В значении ‘переправляться, форсировать, переплыть, переходить вброд (реку); переваливать, переезжать, перебираться’ в монгольских языках широко употребляется лексема монг. *гатлах* / бур. *гатахла* / ойр. *хаталха* / калм. *хатлх* ‘переправляться, форсировать, переплыть, переходить вброд (реку); переваливать, переезжать, перебираться’. Например: *ус гатлах / гол гатлах* ‘переправляться через реку’ [БАМРС, I 2001: 393]; бур. *мүрэнниш гатахла* ‘форсировать реку’ [БРС, I 2010: 201]; ойр. *өндөр уулишги давжи, өргөн холишги хаталха* ‘перевалить высокую гору, переплыть широкую реку’ [СЯОС 2001: 103]; калм. *Зурхан Батата хоюрн кермд суунад Ижл хатлв* [КНК. Эрнжэнэ К. Халан хадл]. ‘Зурхан вместе с Батой на пароходе переплыли Волгу’.

Данные лексемы различаются разной степенью употребления и наличием в том или ином языке. Некоторые из них являются многозначными.

Например: монг. *гэтлэх / гэтлэхэ* ‘переправляться, переходить (на другую сторону)’; монг. *гол гэтлэх* ‘переправляться через реку’ [БАМРС, I 2001: 484]; бур. *уна гэтэлхэ* ‘переправляться через реку’ [БРС, I 2010: 242];

монг. *гарах* / бур. *гараха* / калм. *нарх* ‘переправляться через что-л.’; монг. *олмоор гарах* ‘переправляться через брод’; *гол гарах* ‘переправляться через реку’; [БАМРС, I 2001: 388]; бур. *уна гараха* ‘переправляться через водный рубеж’ [БРС, II 2010: 313]; калм. *улмар нарх* ‘переходить (переезжать) болото’ [КРС 1977: 531];

в) Глаголы со значением ‘мимо, вдоль чего-либо’. Глаголы с данным значением немногочисленны. Общим глаголом для всех монгольских языков, обозначающим движение в пространстве, минуя ориентир, является лексема монг. *өнгөрөх* / бур. *унгэрхэ* / ойр. *өңгерхе* / калм. *өңгрх* ‘проезжать, миновать’. В данном значении наблюдается отсутствие контакта с ориентиром.

Например: *дайрч өнгөрөх* ‘проезжать, проходить мимо, миновать’ [БАМРС, II 2001: 22]; *тосгон өнгөрөх* ‘миновать деревни’ [БАМРС, III 2001: 25]; бур. *түргэн унгэрхэ* ‘быстро проходить мимо’ [БРС, II 2010: 341]; ойр. *Йагца эмгэн элэг мете эргээд, элвэг гүүжиги өңгернэг*. ‘Старуха ведьма кружит, словно коршун, и многократно проносится мимо’ [СЯОС 2011: 272]; калм. *Тер мөрэр өңгред давж одв*. ‘Он проехал мимо верхом на лошади’ [КРС 1977: 418].

В ойратском языке встречается лексема *кедерхе* в значении ‘проезжать мимо, проходить через’: Например: *Күмени назар кедердег керег учир чини йуунви?* ‘Какая причина проезжать через чужие земли?’ [СЯОС 2001: 189].

Движение вдоль ориентира может передавать глагол монг. *хөвөөлөх* / ойр. *көвөөлөх* / калм. *көвэлх* ‘идти, двигаться вдоль берега’. Например: ойр. *Өдөршин дуусан холишин уса көвөөлөөд ирехе*. ‘Целый день двигаться вдоль берега реки’ [СЯОС 2001: 202].

Встречаются также такие лексемы, как монг. *гудаслах* ‘идти вдоль, по длине’: *зам гудаслах* идти вдоль дороги [БАМРС, I 2001: 452]; бур. *зубшаха* ‘идти вдоль чего-л.’; *эрье зубшаха* ‘идти вдоль берега’ [БРС, I 2010: 407].

Таким образом, системный анализ материала монгольских языков показал, что семантика глаголов движения с невыраженной ориентацией в монгольских языках, обозначающих передвижение по твердой поверхности, довольно разнообразна. Глаголы со значением движения по твердой поверхности разделяются по указанию или отсутствию указания на способ передвижения. По способу передвижения по твердой поверхности исследованы глаголы со значениями ‘идти, шагать’, ‘бегать’, ‘прыгать’, ‘ползать’, ‘скользить, кататься’. Глаголы без указания на способ передвижения обозначают движение ‘мимо, вдоль чего-либо’; ‘следование за кем-либо’; ‘преодоление препятствия’.

Итак, большинство значений рассмотренных глаголов в близкородственных монгольских языках совпадает. В некоторых языках определенные пространственные значения глаголов в результате исторического развития языка вышли из употребления, в других они характеризуются дополнительными значениями. Отдельные лексемы считаются устаревшими или относятся к диалектным особенностям.

Сокращения

монг. – монгольский язык
бур. – бурятский язык
ойр. – ойратский язык
калм. – калмыцкий язык

Источники

1. БАМРС – Большой академический монгольско-русский словарь. В 4 т. – М.: Academia., 2001-2002. – Т. I. А–Г, 2001. – 520 с., Т. II. Д–О, 2001. – 536 с., Т. III. Θ–Ф, 2001. – 440 с., Т. IV. Х–Я, 2002. – 532 с.
2. БРС – Шагдаров Л.Д., Черемисов К.М. Бурятско-русский словарь. В 2-х томах. – Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2010. – Т. I. А–Н – 636 с., Т. II. О–Я – 708 с.
3. КНК – Калмыцкий национальный корпус [электронный ресурс] // Kalmyk National Corpus. URL: <http://web-corpora.net/KalmykCorpus> (дата обращения: 22.11.2022)
4. КРС 1977 – Калмыцко-русский словарь. / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.
5. МНК – Монгольский национальный корпус [электронный ресурс] // URL: <http://web-corpora.net/MongolianCorpus/>
6. СЯОС 2001 – Тодаева Б. Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. 493 с.
7. ТС 2016 – Цэндээ Ю., Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта ойратов Монголии и калмыков. Улан-Батор: «Ганпринт» ХХК-д хэвлэв, 2016. 336 с.

Список литературы

1. Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. – М.: Русский язык, 1982. – 348 с.
2. Гак В.Г. Пространство вне пространства // Логический анализ языка. Языки пространств. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 127–134.
3. Дамбуева П.П. Категория модальности в современном бурятском языке. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та, 2000. – 252 с.
4. Дугарова Г.С. Глагольный вид в современном монгольском языке. – Новосибирск: Наука, 1991. – 120 с.
5. Егодурова В.М. Бурятский глагол. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та, 2003. – 140 с.
6. Ибрагимова В.Л. Семантика глаголов пространственной локализации в современном русском языке. – Уфа: Изд-е Башкир. ун-та, 1992. – 172 с.
7. Мушаев В.Н. Структура и семантика калмыцкого предложения. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 2005. – 382 с.
8. Напольнова Е.М. Пространственные и временные отношения в лексической семантике современного турецкого языка. Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2021. – 392 с.
9. Невская И.А. Типология локативных конструкций в тюркских языках Южной Сибири (на материале шорского языка). Дис. ... д-ра филол. наук. – Новосибирск, 1997. – 198 с.

-
10. Омакаева Э.У. Синтаксическая структура предложения и ее компоненты в монгольских языках // Вопросы филологии. 2006. Вып. 6. – М.: Изд-во «Сов. Писатель». – С. 213–221.
 11. Пюрбеев Г.Ц. Историко-сопоставительные исследования по грамматике монгольских языков. Синтаксис словосочетания. – М.: Наука, 1993. – 304 с.
 12. Рассадин В.И. Очерки по морфологии и словообразованию. Монгольских языков. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2008 – 234 с.
 13. Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. – М.: Изд-во вост. лит., 1963. – 266 с.
 14. Селиверстова О.Н. Предикаты «нахождения в пространстве» // Сематические типы предикатов. – М.: Наука, 1982. – С. 146-151.
 15. Тошович Б. Глаголы каузации положения в пространстве. Логический анализ языка. Языки пространств. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 163–178.
 16. Харчевникова Р.П. Система глагола в современном литературном калмыцком языке: Автореф. ... дис. д-ра. фил. наук. – М., 1996. – 73 с.
 17. Цыдендамбаев Ц.Б. Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. – М.: Наука, 1979. – 147 с.
 18. Чугунекова А.Н. Категория пространства в хакасском языке (в сравнительно-типологическом аспекте). Дис. ... канд. филол. наук. – Абакан. 2016. – 345 с.
 19. Шевернина З.В. Времена в современном монгольском литературном языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1960. – 16 с.

В.Н. Мушаев¹, В.Н. Хонинов², Б.В. Баринава¹

¹Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова

²Институт языкознания РАН

НОМИНАТИВЫ ЗВЕЗД И СОЗВЕЗДИЙ В ЛЕКСИКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ КАЛМЫКОВ

*Исследование выполнено при поддержке внутривузовского гранта КалмГУ
в рамках проекта «Монгольское и тюркское языкознание: традиции и инновации»*

Культ небесных созвездий относится к традиционному объекту поклонения, геолокации и неотъемлемой части мировосприятия и языковой картины мира всех монголов. В статье рассмотрены наименования звезд и созвездий в калмыцком языке в сравнении с другими монгольскими. Применяется сравнительный метод параллельного семантического анализа космонимов родственных и близкородственных языков. Изучаемый материал может быть использован в сравнительно-исторических и типологических исследованиях. Цель статьи – лексико-семантический анализ звезд и созвездий, лингвокультурная и геолокационная характеристика небесных тел на материале калмыцкого языка в сравнении с монгольскими языками.

Ключевые слова: лексикология, космонимия, космоним, наименования небесных тел, этимология, семантика, звезды и созвездия.

V.N. Mushaev¹, V.N. Honinov², B.V. Barinova¹

¹Kalmyk state university named after B.B. Gorodovikov

²Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

NAMES OF CELESTIAL CONSTELLATIONS IN LEXICAL-CULTURAL TRADITION OF THE KALMYKS

The research was carried out with the support of an intra-university grant from Kalmyk State University within the framework of the project “Mongolian and Turkic Linguistics: Traditions and Innovations”

The cult of the celestial constellations refers to the traditional object of worship, geolocation and an integral part of the worldview and linguistic picture of the world of all Mongols. The article considers the names of stars and constellations in the Kalmyk language in comparison with other Mongolian ones. A comparative method of parallel semantic analysis of cosmonyms of related and closely related languages is used. The studied material can be used in comparative historical and typological studies. The purpose of the article is a lexical-semantic analysis of stars and constellations, linguistic, cultural and geolocation characteristics of celestial bodies on the material of the Kalmyk language in comparison with the Mongolian languages.

Key words: lexicology, cosmonomy, cosmonym, names of celestial bodies, etymology, semantics, stars and constellations.

В семантике названий небесных тел и светил интегрирован сложный когнитивный комплекс, связанный с пространственной и временной ориентацией, а также система представлений о влиянии небесных светил на судьбу человека определенные временем рождения.

Как отмечает Мусаев К.М., тысячелетиями народ без инструмента обычным способом изучал небесное пространство, и свои наблюдения выражал в фольклоре, создавал астрономию, и распространял знания о небе и о светилах. Скотоводы, особенно

коневоды и овцеводы, не только наблюдали за скотом, который они пасли, но и одновременно внимательно изучали небо, небесные светила, разнообразные небесные явления, устанавливая их связь с состоянием скота, соответственно, и с благополучием семьи и своего клана. Какие из созвездий или звезд и планет в какое время появляются на небосклоне – было важно также для пространственного и временного ориентира. Например, стадо овец поднимается летом с восходом Венеры, а с появлением звезд ложится спать и т.д. Все это находит выражение в языке [1, с. 169].

В данной статье рассматриваются наименования звезд и созвездий в калмыцком языке в сравнении с другими монгольскими. Ранее исследовались основные небесные объекты, такие как *теңер* «небо», *нарн* «солнце», *сар* «луна», которые не только были объектами поклонения и обожествления, но и использовались как система ориентировки в пространстве и отсчета времени. Показатели национально-культурной специфики данного раздела лексики рассматривались на примере калмыцких пословиц и поговорок [2].

По данной проблематике исследования интересны работы в области археоастрономии востоковеда Ларичева В.Е. [3; 4; 5; 6], исследования лингвистов, уделяющие большое внимание изучению космонимов [7; 8; 9], а также национальной астрологии монголоязычных народов [10; 11; 12; 13; 14].

Монгольские народы с древних времен почитали звезды, проводили специальные обряды поклонения им, что отмечается во многих источниках. Звезда – монг. одон, бур. Одон калм. одн [15; 16; 17]. Отметим, что данные обряды совершались в определенное время года и посвящались той или иной звезде, созвездию. Калмыки считали, что каждый человек имеет свою звезду [18, с. 68]. Из звезд монголы больше всего почитали созвездие *Огторгуйин Долоон бурхан* од букв. «семь бурханов небосклона (Большая Медведица)». Созвездие Большой Медведицы калм. *Долан бурхн*, букв. «семь божеств»; монг. *Долоон бяруу*, букв. «семь телков», *Долоон өвгөн*, букв. «семь старцев», *Долоон бурхан*, букв. «семь божеств»; бурят. *Долон үбгэд*, букв. «семь старцев», в понимании калмыков представляло собой группу звезд, которая получила свое название по количеству самых ярких звезд. «В шаманских призываниях созвездие «Семь старцев» считается подателем счастливой судьбы. Монголы-буддисты называли это созвездие «Семь богов», а звезды, входящие в его состав, обозначали именами Будды Шакьямуни, бодхисатвы мудрости Маньчжуши и пяти Будд созерцания» [19, с. 177]. Имеется достаточно много фольклорных материалов, связанных с культом звезд и именованием их бурханами, т.е. божествами [20].

Культовый созвездия Большой Медведицы присутствует в фольклоре, эпосе и религиозных воззрениях всех монголоязычных народов и народов Сибири [21]. По словам информантов, перед чтением молитвы считалось необходимым произнести семь раз на одном дыхании фразу – *Долан бурхн, Шар даahn, Алтн hasн* «Большая Медведица, созвездие Близнецов, Полярная звезда». «В обрядовых текстах, посвященных Семи старцам, а также в других молитвах созвездие Большой Медведицы обозначается как одно из главных среди других звезд на небосклоне. В шаманских призываниях к звездам чаще всего звучат такие слова: «Множество звезд, во главе которых Семь старцев», «Охраняющие и порождающие всех животных Семь старцев» – свидетельство того, что Семь божеств, или Семь старцев, были самым почитаемым созвездием» [22, с. 27]. Считалось, что каждому человеку на протяжении всей его жизни сопутствует одна из семи звезд Большой Медведицы, например: человек, рожденный в год мыши (по лунному календарю), должен поклоняться первой звезде Большой Медведицы, человек

года свиньи или коровы – второй, человек года собаки или тигра – третьей, человек года курицы или зайца – четвертой, человек года обезьяны или дракона – пятой, человек года змеи или овцы – шестой, человек года лошади должен поклоняться седьмой звезде Большой Медведицы.

Полярная звезда калм. *Алтн хасн*, букв. «золотой кол»; монг. *Алтан гадаc*, букв. «золотой кол» [15, с. 15]; бурят. *Ялаан одон*, букв. «блестящая звезда» (отметим, что данный космоним не обнаруживается в других родственных монгольских языках, по-чукотски Полярная звезда также называется Унп-энгэр «воткнутый кол звезда»), *Алтан гадаһан*, букв. «золотой кол» для всех кочевых народов была основным ориентиром, так как «она единственная «неподвижная» во всем сонме звезд. Остальные меняют свое положение на протяжении ночи и на протяжении года: она одна всегда указывает на север [23, с. 377]. Интересно отметить, что и в тюркских языках в названии Полярной звезды главным элементом является – *qazuq* «кол», что основано на особенности Полярной звезды как неподвижной, вокруг которой вращаются другие звезды. Вторым элементом в наименовании этой звезды выступают названия металлов, главным образом – два: *temir* «железо», *altyn* «золото». К примеру, ср.-кыпч. *temirqazuq*; ккалп., ног., каз., кирг. *temir qazuq*; каз.диал., кирг., алт. *altyn qazuq*; ср.-уйг. *altun qazuq*; узб. *oltin qoziq* [24, с. 29].

Предки современных калмыков верили, что все звезды, подобно домашним животным (овцам, коровам, лошадям и верблюдам), вращаются вокруг своего золотого кола. Данные изученного материала позволили выявить еще два названия Полярной звезды – *Шар одн*, букв. «желтая звезда» и *Мөчн одн*, букв. «звезда обезьяна». Желтый цвет в культуре всех монгольских народов ассоциируется с золотом, потому и является синонимом в наименовании Полярной звезды. Значение же последнего названия Полярной звезды (*Мөчн одн*) объяснить трудно.

Алькор – маленькая звезда, находящаяся около третьей звезды созвездия Большой Медведицы, называется в народе *Хулхалсн одн*, букв. «украденная звезда». Происхождение названия данной звезды выяснить не удалось, известно лишь то, что в прошлом старшейшины рода, указывая на созвездие Большой Медведицы, просили подростков сосчитать количество звезд в Большой Медведице, и если мальчик насчитывал не семь, а восемь звезд, то он становился метким стрелцом и хорошим охотником.

В монгольской звездной астрологии присутствует *Алтан мөнгөн шарга* «Созвездие Малой Медведицы», букв. «золотисто-серебристый соловый конь», данный космоним включает в себя наименование двух ярких звезд Малой Медведицы: *Алтан шарга од*, букв. «звезда Золотисто-соловый конь» и *Мөнгөн шарга од*, букв. «звезда Серебристо-соловый конь», данное явление связываем с тем, что для монголов созвездие Малой Медведицы не представлялось как единое звездное образование, именно поэтому названия получили лишь отдельные звезды.

Известно, что созвездие Ориона получило свое наименование по количеству самых ярких и крупных звезд, входящих в ее состав. В калмыцком языке оно называется *Гурвн марл*, букв. «три марала», ср. монг. *Гурван Марал*, букв. «три марала», бурят. *Гурбан һогоо*, букв. «три маралухи», так как марал являлся одним из самых крупных животных, которые были известны предкам монгольских народов. Изученный материал позволил выявить еще одно наименование, относящееся к созвездию Ориона – *Гурвн одн* «три звезды», *Чөдр одн*, букв. «звезда-тренога». Интересно отметить, что в казахском языке Пояс Ориона и Большая туманность Ориона в созвездии Ориона также представляются как детали треножника – каз. *šider žuldyzy* букв. «звезды треножника».

Плеяды или Стожары – скопление звезд в пограничной зоне созвездия Тельца, в калмыцком языке именуется *Туулан тавг*, букв. «заячья лапа» или *Мөчр одн*, букв. «звезда пучок короткой шерсти».

Возможно, эти названия характеризуют конфигурацию и количество множества мелких рассеянных звезд в созвездии. Некоторые представители старшего поколения калмыков созвездие Плеяды называют *Мөчд одн* и переводят как «множество частей, органов», хотя данный перевод грамматически неверен, так как аффикс множественного числа *-д* применяется лишь к словам первого склонения, т.е. с конечным согласным *-н*, например: *хөн – хөд*, *дун – дуд*, *мөрн – мөрд*, а лексема *мөч* в единственном числе с конечным согласным *-ч* во множественном числе принимает аффикс *-мүд*, поэтому *мөч* во множественном числе имеет форму *мөчмүд*. Возможно, наименование созвездия Плеяды «*Мөчд одн*» образовано от слова *мөчн* «обезьяна» (во мн.числе *мөчд* «обезьяны»). В любом случае это требует более детального изучения.

Млечный путь в калмыцком языке именуется *Теңгрин уйдл*, букв. «небесный шов»; монг. *Тэнгэрийн оёдол*, букв. «небесный шов»; бурят. *Тэнгэрэй зүйдөөл*, букв. «небесный шов», *Тэнгэрийн одон*, букв. «небесная звезда». Данный космим встречается во всех монгольских языках. Так, В.А.Никонов отмечает: «восточнее расположен ареал названий Млечного пути с совсем иной семантикой: монг. *Тэнгэрийн заадал* и бурят. *Тэнгэрин зүйдэл*, букв. «небесная трещина» (в обоих языках те же слова омонимично могут значить и «небесный шов»); так и у калмыков, которые территориально оторвались от остальных монгольских народов, уйдя далеко на запад, в Поволжье, – Млечный путь у них *Теңгрин уйдл*, с тем же значением» [25, с. 252]. Автор также указывает, что название Млечного пути с подобной семантикой встречается в тувинском и якутском языках тюркской языковой группы и является результатом их историко-географических контактов с монгольскими народами. В калмыцком языке существует и другое название Млечного пути – *Теңгрин хаалһ*, букв. «небесная дорога».

С принятием буддизма в калмыцком языке появились названия планет тибетско-санскритского происхождения:

Меркурий – санскр. *budha* «мудрость», тиб. *lhagba* «излишек, более», калм. *үлмэц* «более, излишек») (калмыцкое название является калькой с тибетского и санскритского языков);

Венера – санскр. *śukra* «ясный; светлый; белый», тиб. *pa va sangs* «светлый; белый», калм. *басң* (транслитерация тибетского названия), существует также и общемонгольское название *цолвң*. Ее различают по времени появления на небе – *Өрүни цолвң* «утренняя звезда» и *Асхни цолвң* «вечерняя звезда». Необходимо отметить, что в монгольских языках настоящий космим является заимствованным из тюркских языков. У тюркских народов Венера наиболее известная и почитаемая из всех планет солнечной системы. Венера обычно связывается в сознании людей с рассветом и восходом солнца: кум. *ĉolpan taŋ atty* «Венера взошла – рассветло»; кбалк. *ĉolpan ĉyqtj taŋ atmaz* «пока Венера не взойдет, утро не наступит». Ср.-кыпч., ср.-уйг. *ĉolpan*; тур. *ĉolpan*, *ĉulpan*; уйг. *ĉolpan*; кум., кбалк., *ĉolpan*; каз. *ĉolpan* (*ĉulduz*); кирг. *ĉolpon*; тат. *ĉulpan*; алт. *ĉolmon*; хак. *solban*; сюг. *ĉolvan/ĉolvan*; як. *ĉolbon*. Данный оним носит подражательный характер происхождения: *ĉolp/ĉolp* + глаголообразующий аффикс *-у* + аффикс причастия *-уан*: *ĉolp* + *у* + *уан* «сверкающий»; ср. каз. *kümis bawur balyuу ĉolпууан kölder* «озера с рыбами со сверкающими брюхами». В казахском названии *taŋ ĉolpanу* заложена этимология этого слова – утром Венера, как бы окунаясь в небо, вспыхивает. Семантическое развитие слова *ĉolpan*: «Венера» > «звезда» > «звезда на лбу лошади» (сюг.) [24, с. 22].

Марс – санскр. *aṅgāraka* «уголек», тиб. *migtar* «красный глаз», калм. *мигмр* (транслитерация тибетского названия). Нужно отметить, что Марс выделяется своим красным цветом, который образуется от красных окислов железа, поэтому в калмыцком языке он называется еще и *Улан одн* «красная звезда»;

Юпитер – санскр. *brhaspati* «владыка молний», тиб. *phur bu* «гвоздь», калм. *пүрвэ* (транслитерация тибетского названия);

Сатурн – санскр. *śanaīscara* «медленно идущий», тиб. *spen pa*, калм. *санчр* (транслитерация санскритского названия), *бембэ* (транслитерация тибетского названия).

Интересно заметить, что наименования планет из тибетского и санскритского языков используются в названиях дней недели в калмыцком, а также в других родственных монгольских языках: воскресенье – калм. *Нарн*, монг. *Ням/Нар*, бурят. *Нима*; понедельник – калм. *Сарң*, монг. *Даваа/ Саран*, бурят. *Дабаа/ Гара*; вторник – калм. *Мигмр*, монг. *Мягмар*, бурят. *Мягмар*; среда – калм. *Улмжэ*, монг. *Лхагва/ Пагба*, бурят. *Улэмжэ/Дхагба*; четверг – калм. *Пүрвэ*, монг. *Пүрэв*, бурят. *Пүрбэ*; пятница – калм. *Басң*, монг. *Баасан*, бурят. *Баасан*; суббота – калм. *Бембэ/ Санчр*, монг. *Бямба*, бурят. *Бямба*.

Наши предки со времен глубокой древности имели основательные, прагматически ориентированные знания о звездном небе, по видимости небесных светил предсказать погоду. Звезды и созвездия у калмыков, как и у других народов, которые вели кочевой образ жизни, обширны и богаты, но, к сожалению, они остаются недостаточно изученными. Анализ обследованного материала позволил сделать следующие выводы. Основные названия звезд и созвездий и других объектов звездного неба у калмыков, как и у других монголоязычных народов, имеют общеалтайское происхождение. Данный лексический пласт образуется сочетанием слова *одн* «звезда» и различных выражений, имеющих метафорическое значение. Некоторые космические объекты могут иметь несколько названий. Существенно, что астрологические знания в культуре калмыков, привязанные к словесным единицам родного языка, в том числе к включениям из тибетского языка, хорошо сохраняются в адаптированных к современной культуре формах и передаются последующим поколениям.

Сокращения

Общие

диал. – диалект

Языки и диалекты

алт. – алтайский

бур. – бурятский

каз. – казахский

калм. – калмыцкий

кбалк. – кабардино-балкарский

кирг. – киргизский

ккалп. – каракалпакский

кум. – кумыкский

куманд. – кумандинский

монг. – монгольский

ног. – ногайский

санскр. – санскрит

ср.-кыпч. – средне-кыпчакский

ср.-уйг. – средне-уйгурский

сюг. – сорыг-югурский

тат. – татарский
 тиб. – тибетский
 тур. – турецкий
 узб. – узбекский
 уйг. – уйгурский
 хак. – хакасский
 як. – якутский

Список литературы

1. Мусаев К.М. Пратюркские названия неба // 90 лет Н.А. Баскакову. – М., Наука, 1997. – С. 169–180.
2. Мушаев В.Н., Хонинов В.Н., Баринаева Б.В. Лингвокультурологические аспекты калмыцкой астрономической лексики в сравнительном освещении // Вестник Калмыцкого университета, 2021, №3. – С. 106–113.
3. Ларичев В.Е. Колесо времени: Солнце, Луна и древние люди. – Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1986. – 176 с.
4. Ларичев В. Е. Мудрость змеи: Первобытный человек, Луна и Солнце. – Новосибирск: Наука, 1989. – 272 с.
5. Ларичев В. Е. Сотворение Вселенной: Солнце, Луна и Небесный дракон. – Новосибирск: Наука, 1993. – 288 с.
6. Ларичев В.Е. Звездные боги. – Новосибирск, 1999. – 356 с.
7. Крис Макрэй И.И. Астрология на земном шаре: геодетическая карта мира. – М., 1993. – 96 с.
8. Карпенко Ю.А. Названия звездного неба. – М.: Наука, 1981. – 184 с.
9. Крапп Э.К. Астрономия: Легенды и предания о Солнце, Луне, звездах и планетах. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. – 656 с.
10. Ковалевский О. М. Буддийская космология. Казань: Университетская типография. 1837. 167 с.
11. Скородумова Л. Дзурхай: Буддийская астрология. Владивосток, 1994. – 38 с.
12. Омакаева Э.У. Хальмг зурха. Мргүл (Калмыцкая астрология. Молитвы). Элиста, 1995. 178с.
13. Омакаева Э.У. Магия и астрология в калмыцких обычаях и обрядах, связанных с рождением ребенка и первым годом его жизни // ALTAICA II. Сборник статей и материалов. – М., ИВ РАН, 1998. С. 101–111.
14. Омакаева Э.У. Время и календарь в традиционной культуре калмыков. Время и календарь в традиционной культуре. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции. – СПб.: Лань, 1999. 200 с.; СПб., 1999. – С. 76–78.
15. Санжеев Г.Д., Орловская М.Н., Шевернина З.В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. / Институт востоковедения РАН. Гл. ред. Г.Д. Санжеев, ред. Л.Р. Концевич, В.И. Рассадин, Я.Д. Леман. – М.: ИВ РАН, 2016. Том II. – G–P. – 2016. – 232 с.
16. Rajki A. MONGOLIAN ETYMOLOGICAL DICTIONARY COMPILED BY ANDRAS RAJKI [S.l.] 2006. – 87 p.
17. Starostin S., Dybo A., Mudrak O. Etymological Dictionary of the Altaic languages [EDAL]. Brill, Leiden, 2003. 3 Vol 1-3, 2096 pp.
18. Душан У.Д. Избранные труды / сост. Батыров В.В., Шараева Т.И. – Элиста: КИГИ РАН, 2016. – 376 с.
19. Жуковская Н.Л. Кочевники Монголии : Культура. Традиции. Символика: Учебное пособие. – М.: Вост. лит., 2002. – 274 с.

20. Басаев Д. Э. Семь звезд. Издание. Изд. 2-е, стер. – Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 2007. – 414 с.

21. Аникин А.Е. К типологии названий Большой Медведицы в языках Сибири // Известия Сибирского отделения АН СССР. История, филология и философия. 1990. № 3. – с. 18–22.

22. Эрдэнэболд Лхагвасурэн. Традиционные верования ойрат-монголов (конец XIX – начало XX в.) / пер. на рус. Ганбат Нямдаг, С.Б.Миягашева, Ж.Б.Бадагаров / отв. ред. М.М.Содномпилова – Улан-Удэ, 2012. – 196 с.

23. Никонов В.А. Космонимия Поволжья // Ономастика Поволжья: материалы III конференции по ономастике Поволжья /Отв. Ред. Р.Г.Кузеев и В.А.Никонов. – Уфа, 1973. – С. 373–381.

24. Мусаев К.М. Представления тюрков о небе, небесных телах и явлениях // Природное окружение и материальная культура прагюркских народов / отв. ред. А.В.Дыбо; Ин-т языкознания РАН. – М.: Вост. лит., 2008. – 342с.

25. Никонов В.А. География названий Млечного Пути // Ономастика Востока. – М., Наука, ГРВЛ, 1980. – С. 242–262.

Э.У. Омакаева¹, В.В. Салыкова¹, Ш. Цолмон²

¹Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова

²Монгольский государственный университет образования

**РУССКИЕ, МОНГОЛЬСКИЕ И КАЛМЫЦКИЕ
АНИМАЛИСТИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ ПОСЛОВИЧНОГО МИНИ-ТЕКСТА
В ЗЕРКАЛЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ КОДОВ: ЗАЯЦ/ТУУЛАЙ/ТУУЛА,
ВОЛК/ЧОНО/ЧОН, ЛИСА/ҮНЭГ/АРАТ**

Исследование выполнено по внутривузовскому гранту КалмГУ

Настоящая статья посвящена вопросам актуализации лингвокультурных кодов в русских, монгольских и калмыцких фольклорных мини-текстах, в частности, в анималистических пословичных паремиях с выявлением их системных связей и аксиологического потенциала. Понимание специфики пословичного кодирования мира позволяет лучше охарактеризовать культурные установки этноса. Пословицы в заявленном аспекте на материале указанных языков не подвергались системному изучению. Актуальность исследования обусловлена также необходимостью создания полилингвального словаря зоолексик и зоопословиц.

Ключевые слова: пословичный мини-текст, зообраз, анимализмы, лингвокультурный код, русский язык, монгольский язык, калмыцкий язык.

E.U. Omakayeva¹, V.V. Salykova¹, Sh. Tzolmon²

¹Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov

²Mongolian State University of Education

**RUSSIAN, MONGOLIAN AND KALMYK ANIMALISTIC IMAGES
OF PROVERBIAL MINI-TEXT IN THE MIRROR
OF LINGUOCULTURAL CODES:
HARE/TUULAI/TUULA, WOLF/CHONO/CHON, FOX/UNEG/ARAT**

The study is funded by intra institution grant of the Kalmyk state university named after B.B. Gorodovikov

This article is devoted to the issues of updating linguistic and cultural codes in Russian, Mongolian and Kalmyk folklore mini-texts, in particular, in animalistic proverbial paroemias with the identification of their systemic connections and axiological potential. Understanding the specifics of the proverbial coding of the world makes it possible to better characterize the cultural attitudes of an ethnic group. Proverbs in the declared aspect on the material of these languages were not subjected to systematic study. The relevance of the study is also due to the need to create a multilingual dictionary of zoolexics and zooproverbs.

Key words: proverbial mini-text, zoo image, animalisms, linguistic and cultural code, Russian language, Mongolian language, Kalmyk language.

В современной монголистике, как и в русистике, активно разрабатываются вопросы взаимодействия языка и культуры. Особый интерес представляет круг проблем, связанных с языковой картиной мира, различными ее фрагментами, в частности с паремийной.

Прежде всего, следует отметить разнообразие паремийных жанров и текстов, каждый из которых вполне заслуживает самостоятельного исследования. Термин «паремия» используется в качестве родового названия пословиц, поговорок, загадок, примет и т.п.

Каков статус паремий как объекта филологического изучения? Здесь можно выделить, прежде всего, собственно фольклористический подход, собственно лингвистический подход и лингвокультурный, лингвофольклорный подходы.

Определение лингвистического статуса пословицы являет собой самостоятельную научную проблему. В качестве рабочего определения нами принято рассмотрение пословицы как фольклорного мини-текста. Под пословицами понимаются высказывания дидактического (назидательного) характера в ритмически организованной форме, способные к самостоятельному (внеконтекстному) функционированию (мини-тексты).

Одним из перспективных направлений исследований, но еще не получившим полного отражения в теории, является изучение лингвокультурных кодов (ЛК) [7; 12]. Мы используем понятие «лингвокультурный код» как инструмент исследования языковой картины мира.

В паремиях, как ретрансляторах культурной информации, реализуются разные ЛК. Лингвокультурный подход к изучению паремий значительно расширил научные представления об их семантике, поэтике, прагматике.

Народные пословицы – неперемный паремийный жанр фольклора любого народа. Особо следует отметить их дидактическую составляющую. Поэтому использование пословиц в учебном процессе актуально как при обучении лексике и синтаксису, так и при знакомстве с литературой и фольклором народа – носителя языка. Известное выражение «Пословица стоит тысячи слов» [19] показывает, насколько она важна для человека. Китайская пословица гласит: «Самая чистая вода – это родниковая вода, самая краткая речь – это пословица».

Вполне понятно, что пословицы не раз становились объектом фольклористических исследований [4; 6; 9], в которых авторы анализируют композицию и поэтические особенности пословичных текстов. Но с лингвистической точки зрения они мало изучены. Между тем для адекватной рецепции устной речи и письменных текстов (художественных, газетных и др.) необходимо знание хотя бы наиболее популярных пословиц. Часто для привлечения внимания читателя к тексту и для передачи авторского отношения к описываемым событиям и персонажам в газетных заголовках или в названиях художественных произведений используется пословица: например, один из романов калмыцкого писателя Алексея Бадмаева называется «Алтн шорад даргддо» («Золото в пыли не затеряется»). Приведем другой пример: это автобиографическая повесть калмыцкой писательницы Боси Сангаджиевой «Өнчнэ кишг – өвртнь» («Счастье сироты за пазухой»).

Наша статья посвящена изучению и описанию на примере пословичных текстов одного из ЛК – анималистического. Выбор зооморфного кода не случаен, лексический кластер «Названия животных» активно используется в разных языках для метафорической передачи представлений о человеке, отражая своеобразие пословичной картины мира.

Базовой единицей анализа является тематический кластер пословичных паремий, поскольку именно здесь наиболее наглядно проявляются их системные характеристики. Проблемное поле современной паремиографии составляет тематическая систематизация пословиц в словарях и сборниках. Тематической кластеризации пословиц обычно предшествует интерпретация выражаемого ими значения.

Отметим некоторые трудности и спорные моменты, связанные с определением состава того или иного тематического кластера паремий. Пример тому – фундаментальный труд В.И.Даля, в котором одну и ту же пословицу можно обнаружить в составе самых разных тематических групп. Возникает закономерный вопрос: каковы

же причины, вызывающие сомнения в отнесении пословиц к тому или иному тематическому разряду? В ходе анализа семантики пословицы обнаруживается, что ее семантическая структура может быть связана не с одним ключевым словом и не с одним ЛК, а сразу с двумя и более.

Пословичная репрезентация ЛК характеризуется высокой степенью прагматической значимости высказывания, которая определяется прежде всего оценочной характеристикой предмета, живого существа, абстрактного понятия или обобщенной ситуации.

Рассматривая паремию как мини-текст, отражающий определенный фрагмент пословичной картины мира, следует обратить особое внимание на роль лексики в пословичном текстообразовании, целесообразность и плодотворность изучения пословичного лексикона по его роли в репрезентации ЛК. Лексикон пословиц достаточно разнообразен.

Лексическая экспликация анималистического образа в пословицах представляет особый интерес, поскольку взаимосвязь языка и культуры наиболее ярко проявляется в паремиологии. Ядерный лексикон (ключевые слова) отражает важнейшие доминанты пословичной модели мира.

Лексическая компетентность формируется с помощью тезаурусно-ориентированной технологии обучения, заключающейся в поэтапном овладении тематическими кластерами лексики. Это дает возможность использовать их в ситуации общения, узнавать в тексте. Показателем знания языка является не заученный механически ряд изолированных слов или пословиц, а умение правильно употребить их в речи.

Обучающий потенциал тезаурусной технологии обусловлен тем, что важно не просто знать слово или пословичный текст, но и быть знакомым со стоящими за ними представлениями. Обучение на основе диады язык-культура служит основой для вовлечения студентов в межкультурный диалог, поскольку через постижение лексики усваивается столь необходимая система ценностей того или иного этноса.

Лексические номинации представителей фауны в монгольских языках уже не раз привлекали внимание исследователей как паремиологии, так и фразеологии [2; 3; 5; 8; 11; 13; 17]. Анализ проводился на материале как одного языка, так и разных языков в сопоставительном ракурсе. Лингвокультурным образам животных на материале зоопаремий как отдельных языков, в том числе калмыцкого, так и в сопоставительном аспекте с другими языками посвящен ряд исследований.

Для лексического обозначения животного лингвистами наиболее часто используется термин «зооним». Но этот термин, как известно, неоднозначен, обозначая и собственное имя животного, и представителя фауны. Поэтому мы будем использовать в работе термин «зоолексема», который в широком смысле является зонтичным, включая любые наименования животных, их дериваты (субстантивы, атрибутивы, глаголы), а также все другие слова, так или иначе связанные с миром животных (номинации частей тела животных, локуса и др.). Наряду с этим широким термином употребляются более узкие термины (зооморфизм, зоосемизм, анимализм, фаунизм), останавливаться на которых мы не будем. Это заслуживает отдельного исследования.

Паремиологическая активность базовых лексем кластера «Животные» обусловлена тесной связью людей и животных, сильной зависимостью жизни и быта древнего человека от последних [20; 21]. Каждая этнокультура имеет свой собственный анималистический язык. Одни и те же животные играют разную роль в жизни и культуре разных народов и оцениваются ими по-разному, что обусловлено своеобразием фауны и господствующим типом хозяйствования. В зависимости от разных климатических

условий проживания народов фауна различается: так, в русском фольклоре больше фигурируют лесные животные (волк, лиса, заяц, медведь и др.). Калмыцкая фауна, как известно, степная, но предки калмыков жили в другом ландшафте – горном. Поэтому в пословицах присутствуют образы не только степных животных, но и представителей лесной и горной фауны.

Существует устоявшаяся трактовка образов животных, основывающаяся в значительной степени на пословицах, которые по-своему моделируются в разнотипных языках. Нехватка фоновых знаний, в частности, незнание культурно-обусловленных ассоциаций, определяющих особенности картины мира носителей того или иного языка, часто сказывается на недостаточной степени адекватного понимания анималистических мини-текстов. Знание эквивалентов или аналогов русских пословиц в том или ином языке (в нашем случае – монгольском и калмыцком) важно и в плане транслатологии, при выполнении переводов.

Одним из способов преодоления этой трудности является целенаправленная работа по выявлению ключевых зоообразов в составе паремий, определению национально-культурной специфики их описания. Зоопословицы в разных лингвокультурах могут либо совпадать (полностью или частично), либо расходиться. В связи с этим большой интерес вызывает выявление национальной специфики русского анималистического фрагмента пословичной картины мира в сравнении с аналогичным сегментом в других лингвокультурах.

В контексте диалога культур особую актуальность приобретает вопрос о межкультурных сходениях и отличиях: каким образом эти сходства и различия отражены в зоопословицах? Какие животные чаще встречаются у русских, а какие – у других народов (калмыков и монголов)? Какие животные выступают как положительные образы, а какие – как отрицательные, кто является лидером, а кто – аутсайдером?

В сопоставляемых языках достаточно много пословиц с номинациями домашних и диких животных. Рассмотрим наиболее интересные русские зоолексемы в составе фаунистических пословиц на фоне их лексических соответствий в других языках. Это базовые анимализмы *волк*, *лиса* и *заяц* с ярко выраженной национально-культурной спецификой, лингвокультурный потенциал которых все еще недостаточно изучен. Выбор животных не случаен: у лисы и волка вообще много общего, эти хищные звери являются представителями одного и того же семейства псовых.

Эмпирическим материалом послужили паремиографические и фразеографические источники (словари и сборники) [1; 10; 14–16].

Образ зайца (*туулай/туула*)

Заяц по размеру маленький зверь, и это нашло отражение в монгольской пословице: *Тэмээний ачаанд туулай хүнддэхгүй* (Для верблюда заяц не ноша).

Заяц считается символом трусости во многих лингвокультурах: русск. *Пуганый заяц и пенка боится. Лучшее умереть орлом, чем жить зайцем, Вор, что заяц: и тени своей боится*; монг. *туулайн зүрх гаргах* (испугаться); калм. *Хулжн туула һурвн кевтүртэ* ‘У трусливого зайца три лежбища’.

Пословица «убить двух зайцев» означает двойную выгоду при совершении обычного действия. Но общеизвестно, что, если возьмешься сразу за несколько дел, результата не будет, поэтому погнавшийся за двумя зайцами остается ни с чем: русск. *За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь*. Приведем монгольский эквивалент: *Хоёр туулай хөөсөн анчин хоосон хоцорно* (Охотник, погнавшийся за двумя зайцами, остается без добычи).

Заяц отличается быстротой бега, на этом его качестве базируется русская пословица: *Черепаше с зайцем наперегонки не гоняться*. Калмыки и монголы считают, что *Зайца на арбе (телеге) не поймаешь*. Но если жить по совести, то и на телеге можно догнать зайца: монг. *Унэнээр явбал, үхэр тэргээр туулай гүйцнэ*.

Таким образом, эквивалентным признаком зайца, релевантным для носителей разных языков, является быстрота его бега.

Отдельные монгольские «заячьи» пословицы также не имеют эквивалентов в русском языке: *Бушуу туулай борвиндоо баастай* (У спешащего зайца на пятках помет), но также есть русский аналог: *Поспешишь – людей насмешишь*. Обе пословицы предостерегают от необдуманных, поспешных действий, но зоокод присутствует только в монгольской пословице.

В русских пословицах прыткий заяц противопоставляется хитрой лисе: *Лиса живет хитростью, а заяц – прыткостью*. А в монгольских паремиях заяц взаимодействует со львом: монг. *Аргат туулай Арслан барина* (Сообразительный заяц Льва превзойдет). «Монгольский» заяц умен и предусмотрителен. В то же время монгольские пословицы гласят, что зайцу не стоит выдавать себя за льва: *Туулай арслан шиг явбал түргэн үхнэ. Арслангийн замыг туулай хэрэх*.

У калмыков встреча с зайцем – хорошая примета: *Болх күүнд бор туула* ‘Нужному человеку (у которого все сложится) в дороге повстречается серый заяц’.

Образ волка (чоно/чон)

Волк считается жадным, ненасытным, опасным хищником. Он никого не боится, за исключением смелого мужчины. Монгольская пословица гласит: *Эр хүн зоригтой бол чоно айдаг* (Если мужчина смелый, волк его боится). В то же время оседлать волка мужчина не может: калм. *Эр күмн чонас бишинь ундг / Чулунас бишинь иддг* ‘Мужчина способен оседлать любое животное, кроме волка / Ест всё, кроме камня’. Волк внушает всем уважение и страх: калм. *Чоныг цуһар тандьг, чон ку таньдго* (Все знают волка, волк никого не знает).

У калмыков волк и собака – антагонисты: калм. *чон ноха хойр кевтэ бээх* «жить как волк с собакой», *чон ноха хойр хамдан бээж чаддго* собака и волк вместе жить не могут. Ср. русск. *жить как кошка с собакой*. В русском языке ту же идею, как видим, выражает пословица с иной образностью: вместо кошки – волк.

Зоолексема волк зафиксирована во многих пословицах, а также фразеологизмах: русск. *волчий аппетит* (зверский аппетит), *смотреть волком* (злым взглядом); *волчьи заманы* (грубое попираание общепринятых норм поведения в социуме); монг. *чонын амнаас гараад барын аманд орох* (Выскочив из пасти волка, попасть в пасть тигра). В последнем случае речь идет о человеке, попытавшемся избежать неприятностей, но попавшем в еще более опасную ситуацию: ср. русск. *от волка бежал (ушёл), на медведя попал*. В обоих случаях фигурирует общий образ волка, но образ второго зверя отличается: в русском примере говорится о медведе, а в монгольском – о тигре. Расхождение образов вполне понятно. Но семантика одна: из огня да в полымя.

Образ волка символизирует трудности, встречающиеся в жизни каждого человека: русск. Волков бояться – в лес не ходить. Ср. калм. *Чонос гэсн күн мал өскдг уга* (Человек, испугавшийся волка, не разводит скот).

Пословицы хорошо эксплицируют образ вечно голодного волка: русск. *Волк рыщет, хлеба ищет*, монг. *Хоолтой чоно хонгилд, хоосон чоно хаморгонд* (Волк с пропитанием – в пещере (в своем логове, дома), волк без добычи – на охоте).

Образ волка ассоциируется с активностью и энергичной деятельностью, неприятным пассивного образа жизни: Ср. русск. *Волка ноги кормят*. Но и на старуху бывает

проруха: калм. *Ол эргсн чон хавхдг тордг* «Волк, часто наведывающийся к овцам, попадает в капкан».

С выражением *легко на помине* связана по смыслу русская пословица *Помянули волка, а волк тут!* (*Серого помянули, а серый здесь; Про серого речь, а серый навстречь*).

У русских работа, как правило, сравнивается с волком: *Работа не волк, в лес не убежит*.

Волк символизирует подлого, лицемерного человека, которому не стоит доверять: русск. *Как волка ни корми, он все в лес смотрит*, ср. калм. *Чонын кичгиг кеду асрв чигн, чик хэлэдг уга* 'Волчонка сколько ни расти, правильно смотреть не будет'; калм. *Чонын кичгиг сурһж болдг уга* 'Волчонка не приручишь'; калм. *Чонын кичгиг кеду асрв чигн, ноха болдго* 'Как волка ни корми, собакой не станет'. Эти пословицы часто применяют в ситуации, когда человек забывает сделанное ему добро, ничего не ценит и не испытывает благодарности.

Повадки волка неискоренимы, его невозможно приручить: русск. *Волк каждый год линяет, а нрава не меняет* = *Волк каждый год линяет, но обычая не меняет. Волк и каждый год линяет, а все сер бывает*. Ср. калм. *Чолуг буслһвчн – девтиго, чоныг сурһвчн – келиго* (Как камень ни кипятить – не размокнет, Как волка ни дрессировать – говорить не будет); калм. *Чон, хотан идчкэд, уул тал хэлэнэ, Кун, хотан идчкэд, гер талан хэлэнэ* 'Сытый волк стремится (смотрит) в горы, сытый человек стремится домой (смотрит в сторону своего дома)'.
Еще один калмыцкий пример: *Һазһаснь хэлэхлэ – наадһа, дотраснь хэлэхлэ – чон* (Посмотришь снаружи – игрушка, Посмотришь внутрь – волк), ср. русск. *волк в овечьей шкуре*.

Но своих волки не трогают: русск. *Волк волка не съест. Волк волком не травится. Волк волку хвоста не отдавит*.

Волк в пословицах может стать и козлом отпущения: русск. *На волка помолвка, а заяц кобылу съел*.

Один из своих паремиологических сборников известный американский паремиолог Вольфганг Мидер назвал «Вой, как волк: пословицы о животных» [18]. Человеку нередко приходится подстраиваться под окружающих его людей, приспособливаться к новым обстоятельствам: русск. *С волками жить – по-волчьи выть*.

В пословицах волк противопоставляется разным животным. Русская пословица *Волк коню не товарищ*, противопоставляющая волка коню, подчеркивает, что разные по своему характеру, статусу или положению люди не равны друг другу. А в монгольской паремиологии место волка пытается занять кролик: монг. *Чонын эзгүйд чандага ноён* (В отсутствие волка кролик нойон).

Таким образом, образ волка достаточно амбивалентен: с одной стороны, он символ опытности, с другой, волк агрессивен, груб, безжалостен, лицемерен. О противоречивости образа волка пишет американский фольклорист Дональд Уорд [22].

Образ лисы(үнэг/арат)

Перейдем к рассмотрению пословиц с компонентом *лиса/үнэг/арат*. Образ лисы вызывает ассоциацию прежде всего с хитрым человеком: русск. *хитрая лиса*; калм. *йосн арат*; монг. *үнэгэн зальтай* (букв. с лисьей хитростью).

В русских пословицах для выражения этой идеи используется образ старой лисы: русск. *Старая лиса рыльцем роет, а хвостом след замечает. Старая лиса дважды поймать себя не даст*. Но и на старуху бывает проруха: русск. *Лукава лисица, да в капкан попадает. И лиса хитра, да шкуру ее продают*.

Сообразительность, как и хитрость, – ключевая характеристика данного животного. Это передано в калмыцкой пословице: *Альвн аратд бээдг, Арн күүнд бээдг* ‘Ловкость дана (присуща) лисе, шанс – человеку’.

В зоопаремиях, как мы уже убедились выше, часто фигурируют два контрастных зоообраза. В русских пословицах конкуренцию лисе составляет волк, но и он ей проигрывает: *Лиса сытее волка живет. Кабы лиса не подоспела, то бы овца волка съела. Лисица семерых волков проведёт. Имей лиса побольше брюхо, волк бы с голоду подох.*

В монгольских паремиях образ лисы часто встречается в паре со львом в противопоставлении: *Арслан үнэгний чуулганд үзэсгэлэнгүй* (Льву некомфортно в сборище лис). *Үнэг цадвал – улина, Арслан цадвал – унтана* (Когда лиса сыта, она воеет, Когда лев сыт, он спит). Здесь хитрость лисы противопоставлена авторитету, силе льва: *Сила льва не подходит лисице, хитрость лисы не подходит льву.*

А в русских пословицах ловкость лисы противопоставлена проворности зайца: *Лиса живет хитростью, а заяц – прыткостью.*

Лису, как и волка, отличает алчность: русск. *Спит лиса, а во сне кур щиплет. Лиса и во сне кур считает. У лисы всегда рыло в пуху.*

Эгоцентричность лисы демонстрирует калмыцкая пословица: *Каждая лиса хвалит свой хвост.* В русском аналоге фигурирует уже не лиса, а птица: ср. *Каждый кулик свое болото хвалит.*

Интересно сравнение незамужней девушки с живой лисой в монгольской пословице: *Аваагүй байхад – авгай сайхан, Алаагүй байхад – үнэг сайхан* (Пока не вышла замуж – девушка красива, Пока жива – лисица красива).

Изучение зоопаремииологического фонда монгольских языков на фоне русского позволило выделить универсальные и специфичные пословицы. Нами получены результаты сопоставительного анализа семантики трех базовых зоономинаций, зафиксированных в паремииологической системе трех языков. Так, выявлены русские пословицы, имеющие полные эквиваленты в двух других сопоставляемых языках, и паремии, не имеющие монгольских и калмыцких соответствий, а также обнаружены пословицы, сходные по семантике, но передающие этот смысл через образы разных животных.

На примере анализа трех ключевых базовых зоолексем, используемых для представления пословичного образа животного, показано, что в рассматриваемых языках зоопословицы обнаруживают как сходства, так и различия. Соответственно, этому выделены три группы пословичных мини-текстов: эквиваленты, аналоги и безэквивалентные единицы, которые рассмотрены на предмет их национально-культурной специфики. Особое внимание уделено символике образа животного, какие ассоциации он вызывает, а следовательно, какие качества человека ценятся в анализируемых лингвокультурах больше всего.

Образы животных, представленные в русских паремиях, имеют много общего с монгольскими и калмыцкими. В то же время рассмотренные нами зоопословицы отражают не только общие, универсальные представления о фауне, свойственные разным культурам (в нашем случае – монгольской, калмыцкой и русской), но и идиоэтнические явления, специфические черты, отражающие особенности национального мировосприятия. Этноспецифичность зоопаремииологии проявляется в использовании разных зоообразов при сходстве содержания пословицы.

На основе анализа функционирования номинаций животных в пословицах установлены переносные значения фаунизмов, отражающие позитивные/негативные качества человека, а также сопоставлены положительные/отрицательные качества человека, одобряемые/осуждаемые в рассматриваемых лингвокультурах.

Паремиологическая активность зоолексем в том или ином языке отражает степень значимости того или иного животного для данного народа. Проведенный сопоставительный анализ трех анималистических лексем на базе пословичных текстов показал, что наряду с полными эквивалентами имеются расхождения в образности и семантическом значении зоопословиц, что необходимо учитывать при переводе с одного языка на другой. Можно сделать вывод о том, что образы в сопоставляемых языках хотя бывают очень похожи, но национальная специфика имеет место быть. Поэтому, только владея лингвокультурными кодами каждого из языков (в нашем случае – зоокодом), можно максимально адекватно понять значение пословицы. Суть ее можно представить в виде провербиальной идеи (пословичного конденсата), выражающей в сжатом виде через ЛК смысл паремии.

Пословицы, объединяемые системой образов со схожей семантикой, образуют универсальные надэтнические пословичные типы, которые могут служить «единицей измерения» паремиологического пространства.

Список литературы

1. Большой словарь русских поговорок / под ред. С. А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 2003. – 1536 с.
2. Бредис М. А. Национальное и интернациональное в паремиях: пословица *Работа не волк, в лес не убежит* и ее аналоги в разных языках // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. – 2019. – Т. 5 (71). – № 1. – С. 143–160.
3. Ванькаева Е. В. Представления о волке в картине мира калмыков // Россия и Северный Кавказ: диалог народов, культур, государств: Материалы, Грозный, 04–05 декабря 2018 года / ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет». – Грозный: Чеченский государственный университет, 2018. – С. 100–104.
4. Горяева Б. Б. Калмыцкие народные пословицы и поговорки в аспекте аксиологии // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 2. С. 151–156.
5. Гундэгмаа Б. Образ чоно (волка) в наивном языковом сознании носителей монгольского языка // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2017. – Т. 15. – № 1. – С. 62–78.
6. Гымпилова С. Д. Пословицы и поговорки монгольских народов: специфика жанра // Вестник Бурятского государственного университета. – 2017. – № 6. – С. 215–221.
7. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. 3-е изд. – М.: URSS, 2016. – 456 с.
8. Кузнецова И. В. Анималистическая фразеология в русском, украинском и туркменском языках / И. В. Кузнецова, Н. Р. Юлдашова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – 2019. – № 3 (103). – С. 104–111.
9. Кульганек И. В. Монгольские пословицы и поговорки. Исследование, перевод, комментарий. – СПб.: Издательство «Петербургское Востоковедение», 2017. – 184 с.
10. Лувсанжав Ч. Орос-монгол өвөрмөц хэллэгийн толь. – Улан-Батор, 1970. – 510 с.
11. Омакаева Э. У. Зооморфный код культуры в зеркале калмыцких и монгольских пословиц: зоолексема мөрн ‘конь’ / Э. У. Омакаева, В. С. Очирова, Ж. Д. Чеджиева [и др.] // Социальные и культурные трансформации в контексте современного глобализма: сборник научных трудов. – Грозный: СибИздатСервис, 2019. – С. 690–694.
12. Пименова М.В. Коды лингвокультуры: метаязык описания // Термінологічний вісник. – 2017. – Вип. 4. – С. 274–281.

-
13. Рэнчин Батсүрэн. Культурные коды в зооморфных фразеологических единицах в английском, русском и монгольском языках // Языковые и культурные контакты: Сб. научных трудов. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2008. – Вып. 2. – С. 65–71.
14. Рэнчин Батсүрэн. Concise English-Russian-Mongolian Phraseological dictionary. – Улан-Батор, 2004. – 123 с.
15. Словарь русских пословиц: ок. 1000 единиц [под ред. В.М. Мокиенко]. – М.: Астрель: АСТ, 2008. – 381 с.
16. Хальмыг үлгүрмүдин болн товчта үгмүдин тээлвртэ толь («Толковый словарь калмыцких пословиц и поговорок») / сост. и вступ. ст.У.У.Очирова и Л.С.Сангаева; отв. ред. и автор предисловия Э.У.Омакаева. – Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2011. – 224 с.
17. Цолмон Ширнэн. Сопоставительное исследование фразеологизмов монгольского и русского языков: Лингвокультурологический аспект: автореферат диссертации кандидата филологических наук: 10.02.22 / Калм. гос. ун-т. – Элиста, 2006. – 17 с.
18. Mieder W. Howl Like a Wolf: Animal Proverbs. –Shelburne/Vermont: The New England Press, 1993. – 95 p.
19. Mieder W. A proverb is worth a thousand words: Folk wisdom in the modern mass media. Proverbium. – Vol. 22. – 2005. – Pp. 167–234.
20. Rooth A. B. Domestic Animals and Wild Animals as Symbols and Referents in Proverbs. Proverbium, 1968. – No. 11. – Pp. 286–288.
21. Schuster E. Proverbs: A Path to Understanding Different Cultures // Journal of Extension. – 1998. – 36.1. – Pp. 18–23.
22. Ward D. The wolf: proverbial ambivalence // Proverbium. – 1987. – 4. – Pp. 211–224.

Ж.Н. Сарангаева

Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ И ЛИНГВОПЕРЕВОДЧЕСКИЙ
АСПЕКТЫ АНГЛИЙСКОГО ПЕРЕВОДА
(НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЯ РИММЫ ХАНИНОВОЙ «ЗУЛ»)**

В данной статье приводится лингвокультурологический и лингвопереводческий анализ стихотворения «Зул» (1992) русскоязычного калмыцкого поэта Риммы Ханиновой в переводе Карлтона Коупланда (США) на английский язык. Это произведение входит в стихотворный цикл поэта «Калмыцкий праздник» (1992–1994 гг.), состоящий из трех текстов: «Зул», «Цаган Сар – Белый Месяц», «Урюс Сар». Цель статьи – выявить соотношение национального своеобразия оригинального текста «Зул» и его английского перевода «Zul» в сравнительно-сопоставительном плане. Результаты показали, что американский переводчик сумел передать концептуальные смысловые основы оригинального текста, учитывая силлабо-тоническое русское стихосложение, не прибегая к верлибру, характерному для современной англо-американской поэзии. В переводе сохранены ключевые символы (праздник, калмыцкая зима, огонь, молитва, мудрость, добро, свет), начиная с заглавия «Зул», одинаковое количество стихотворных строк, как в оригинале, единое строфическое построение.

Ключевые слова: *стихотворение, йорял, Зул, праздник, английский язык, перевод, символ, прагматический эффект.*

Zh.N. Sarangaeva

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov

**LINGUOCULTURAL AND LINGUO-TRANSLATION ASPECT
OF ENGLISH TRANSLATION (BASED ON THE MATERIAL
OF RIMMA KHANINNOVA'S POEM "ZUL")**

The article is devoted to the linguoculturological and linguistic translation analysis of the poem "Zul" (1992) by the Russian-speaking Kalmyk poet Rimma Khaninova translated by Carlton Copeland (USA) into English. This work is included in the poet's poetic cycle "Kalmyk Holiday" (1992–1994), consisting of three texts: "Zul", "Tsagan Sar – White Month", "Uryus Sar". The purpose of the article is to identify the correlation of the national identity of the original text "Zul" and its English translation "Zul" in comparative terms. The results showed that the American translator conveyed the conceptual semantic foundations of the original text, taking into account the syllabic-tonic Russian rhyme, without referring to the verbiage feature of modern Anglo-American poetry. The translation preserves the key symbols (holiday, Kalmyk winter, fire, prayer, wisdom, goodness, light) with the title "Zul", the same number of poetic lines as in the original text, a strophic structure.

Key words: *poem, yoryal, zul, holiday, English, translation, symbol, pragmatic effect.*

В переводоведении считается, что лучшим поэтическим переводом является тот, который более близок к оригиналу. При этом под близостью понимается не только текстуальное соответствие, но и «художественная адекватность». Данное понятие включает в себя адекватность соотношений между оригиналом и поэтической традицией его языка с одной стороны, с переводом и традицией языка – с другой.

Творчество современного русскоязычного поэта Калмыкии Риммы Ханиновой давно исследуется в разных аспектах, в том числе и переводческом. Одним из постоянных переводчиков лирики этого калмыцкого поэта на английский язык является

Карлтон Коупланд (США). Именно его переводы стихотворений Р. Ханиновой в основном становятся объектом и предметом исследования в статьях ученых Калмыкии. Так, Э.М.Ханинова на основе трех основных субстанций интертекста – человек, текст и время – в стихотворении Р.Ханиновой «Степные колыбельные мотивы...» (пер. К.Коупланда) раскрывает концепт «время», наиболее значимый в отражении особенностей авторской картины мира [6, с. 143–146]. В статье Ж.Н.Сарангаевой изучены особенности английского перевода ханиновского стихотворения «Им снилась степь в раздолье ковыля...» из сибирского цикла [4, с. 225–237]. Е.А.Шкурская исследовала вербальную репрезентацию ольфакторности фитонима «полюнь» в стихотворении Р.Ханиновой «Запах полыни» (2008) и в английском его переводе, осуществленном Н. и Г.Бурлаковыми (США) [7, с. 183–195].

Объектом нашего исследования является стихотворение Риммы Ханиновой «Зул» (22 декабря 1992 г.) в английском переводе Карлтона Коупланда [12, с. 223]. Это стихотворение опубликовано также на калмыцком (перевод Веры Шуграевой) [13, с. 11] и черногорском (перевод Душана Дюришича) [14, с. 196] языках.

Оригинальный текст имеет 2 редакции, различающиеся стилистической правкой первой строки текста. Ср. «Таинство предков – праздник Зул» [10, с. 87] и «О тайна предков, праздник Зул» [11, с. 221]. Такая правка, вероятно, обусловлена тем, что в первой редакции использовано авторское ударение на втором слоге в слове «таинство» (правильно на первом слоге).

Стихотворный цикл Р.Ханиновой «Калмыцкий праздник», вошедший в сборник «День влюбленных», включает три текста: «Зул» (1992) [9, с. 168], «Цаган Сар – Белый Месяц» (1994) [9, с. 169–170], «Урюс Сар» (1994) [9, 171–172].

По словам М.Петровой, «цикл стихов “Калмыцкий праздник” представляет читателю картины национальных календарных празднований. Стихотворение “Зул” – о буддийском празднике лампад и приходе зимы – написано в форме йоряла-благопожелания с постоянным рефреном “да будет”, что характерно для этой формы, пришедшей из фольклора.

Да будет мудрость молода,
А старость в радости легка,
Да будет мирным отчий дом,
А хлеб не горьким с молоком.

<...> Цаган сар – Новый год у монголоязычных народов. О том, как отмечается он в Калмыкии, каковы традиции, обычаи и ритуалы празднования, пишет Римма Ханинова в стихотворении «Цаган Сар – Белый Месяц» [3, с. 111–112].

Согласно Э.П.Бакаевой, «традиционным праздником Нового года считается в настоящее время Зул. <...> Тема Нового года – одна из самых разноречивых в исследованиях о калмыцкой культуре. <...> Дело лишь в том, что, во-первых, всегда существовали параллельно две традиции – собственно буддийская и народная, древняя, во-вторых, в течение веков менялась дата празднования Нового года. <...> Название самого праздника происходит от обычая зажигать лампады. <...> Символика зажигания лампад широка: это форма почитания бурханов, гадание о будущем» [1, с. 53–54], это обряд поклонения солнцу, приуроченный к зимнему солнцестоянию. «В дни Зула буддийское духовенство отмечало очередную годовщину со дня ухода в нирвану Цзонхавы, по-калмыцки Зунква, основателя желтошапочной школы Гелугпа» [там же, с. 55].

Праздник «начинался первого числа первого весеннего месяца (дракона) и длился весь месяц, но главные события происходили в первые семь-восемь дней» [там же, с. 61].

Смысл летнего праздника «Урюс сар заключался в торжестве по случаю обновления природы, перехода с весенних пастбищ на летние, увеличения стад, обеспечения богатства и благополучия. <...> Урюс сар праздновался в день полнолуния первого летнего месяца, то есть примерно в мае» [1, с. 81].

Всем этим национальным праздникам посвящены йорялы-благопожелания как в фольклоре, так и в калмыцкой литературе, в частности, в поэзии, в том числе и современной.

*Лингвокультурологический и лингвопереводческий анализ стихотворения
Р. Ханиновой «Зул» в английском переводе К. Коупланда*

ЗУЛ	ZUL
О тайна предков, праздник Зул,	Ancestral mystery, festive Zul
огонь священный вновь раздул,	has fanned the holy flame anew –
молитва сердца и ума:	a prayer of heart and mind as one:
зима калмыцкая пришла!	the Kalmyk winter has begun!
Да будет белым новый путь,	Henceforth the way be white ahead.
да не прервется жизни суть,	Unbroken be life's vital thread.
да будет свет в преддверье тьмы,	Let light prevail as shades descend.
добро и свет не сочтены.	May kin and riches know no end.
Да будет мудрость молода,	May wisdom be forever young.
а старость в радости легка,	May age, rewarding, gently come.
да будет мирным отчий дом,	Around the family hearth be peace,
а хлеб не горьким с молоком.	and bread with milk not bittersweet.
Да будут кротки все враги,	May foemen, changing heart, concede,
друзья в беде всегда верны,	and friends be true in times of need.
да будет зваться человек	May humankind be justly known
разумным много тысяч лет!	as wise for ages yet to come!
Ты, тайна предков, праздник Зул,	Ancestral mystery, festive Zul,
ты никого не обманул.	you've never failed to see us through
Горит огонь твой сквозь века,	as down the ages burns the same
вновь очищая и маня!	beguiling, purifying flame!
[11, с. 221]	[12, p. 223]

Мотив огня занимает важное место в этом стихотворении. Огонь наделен такими метафорическими устойчивыми выражениями, как «огонь священный» ('the holy flame'), «молитва сердца и ума» ('a prayer of heart and mind as one'), «костры всеочищения» ('May bonfires burn anew with fire that cleanses'), «кизьяк не гаснет век под таганом» ('May cow chips under trivets not go cold'). В данных фразах актуализируется семантика чего-то увлекающего, яркого и позитивного. Огонь рассматривается как источник очищения, жизни, развития.

Анализ показывает, что, большинство слов переведены К.Коупландом при помощи полных лексических соответствий, т. е. слов, имеющих в русском языке то же лексическое значение, что и соответствующие слова английского подлинника (так называемые «словарные соответствия»). Для перевода поэтического текста критерий прямых совпадений представляется большим преимуществом.

В ряде случаев применение полного переводческого соответствия сопровождается той или иной лексической или грамматической трансформацией.

К числу лексических трансформаций можно отнести примеры калькирования. Так, калька используется при переводе самого произведения – «Zul» и словосочетания «калмыцкая зима ('the Kalmyk winter'), при описании огня ('the holy flame', 'a prayer of heart and mind'). Известно, что калькирование широко используется для передачи национально-этнического значения исходных фраз. Переводчик прежде всего ориентирован на реакцию рецептора и стремится обеспечить равенство воздействия на читателя перевода. Прием калькирования предполагает адаптацию лексики и грамматики, чтобы перевод звучал так, как автор писал бы на ином языке.

Данное произведение отличается своим гармоничным построением, строфикой и звучностью рифмы. Переводчик стремится передать как можно больше особенностей оригинального текста, в том числе аллитерации и анафоры:

“Ancestral mystery, festive Zul,
has fanned the *holy flame* anew”...;
“The Kalmyk winter has begun!
Henceforth the way be white ahead”;
... “May kin and riches know no end.
May wisdom be forever young.
May age, rewarding, gently come.”

К.Коупланд легко справляется с синтаксическими трудностями, строя предложения в стиле английского поэтического синтаксиса, что придает переводу высокое поэтическое звучание:

“Henceforth the way be white *ahead*.
Unbroken be life’s vital *thread*”;
May foemen, changing heart, *concede*,
and friends be true in times of *need*.

Из многочисленных приемов наиболее часто переводчик использует расширение значения слова (строфы). Фраза «добро и свет не сочтены» в переводе звучит как 'May kin an riches know no end' (букв. «пусть род и богатства не знают конца»). Одновременно в данной строке используется лексическая трансформация – «модуляция», которая описывает различные логические отношения между исходными и преобразованными структурами: конкретное – абстрактное, причина – следствие, целое – часть и т. д. [2, с. 205].

Значение слова «добро» в английском переводе расширяется по смыслу в слове 'kip', имеющее значение «род, родственники», «семья». Прием модуляции в переводе может быть вынужденным или зависеть от выбора переводчика. В данном случае контекстуальная замена оправдана, т. к. понятие 'kip' – «род, семья» в калмыцкой лингвокультуре является одной из важных констант, связанной с идеей добра, богатства и радости.

Данный прием используется для того, чтобы добиться полной эквивалентности, для сохранения художественной формы и гармоничного звучания с окружающим контекстом. В художественном переводе данный прием представляется более чем желательным.

Расширение смысла также достигается за счет вводных слов: например, в оригинале «Да будет белым новый путь», в переводе – это ‘Henceforth the way be white ahead’. В английском варианте в данную строфу вводится наречие ‘henceforth’ в значении «отныне, впредь, с этих пор».

Переводчик также использует метод добавочной детализации. Так, в английском переводе в строке «да будут кротки все враги» краткое прилагательное «кротки» переводится как ‘changing heart’, что буквально обозначает «изменчивое сердце», т. е. в значении «перемена чувств», «изменение мнений». Таким образом, автор использует метод добавления и уточнения, чтобы продемонстрировать языковое разнообразие переводимого текста.

В переводе встречаются грамматические трансформации. Так, для передачи значения «горит огонь ... вновь очищая и маня» переводчик намеренно прибегает к замене частей речи: деепричастия «очищая и маня» в английском варианте заменяется на прилагательное ‘beguiling and purifying (flame)’.

Встречается замена глагола на прилагательное: в оригинальном тексте – «*да не прервется жизни суть*», в переводе – ‘unbroken be life’s vital thread’.

В этой строке также отмечается замена существительного на прилагательное: «жизни суть» в переводе ‘vital thread’ (букв. «жизненная нить»), «тайна предков» – ‘ancestral mystery’, «праздничный Зул» – ‘festive Zul’.

В строке «да будет свет в преддверье тьмы» наблюдается синтаксическая перестройка: «в преддверье тьмы» переводится словосочетанием «существительное + глагол»: ‘as shades descend’.

Синтаксическая перестройка также наблюдается в строке «да будет мирным отчий дом» / ‘around the family hearth be peace’. В переводе прилагательное «мирный» заменено на существительное ‘peace’, т. е. определение и определяемое как бы меняются ролями. Очевидно, переводчик использует замену частей речи как переводческий прием по соображениям стиля и узуса.

Одновременно во фразе «отчий дом» (в английском переводе – ‘family hearth’, букв. «семейный очаг», «домашний очаг») отмечается модуляция, или смысловое развитие, т. е. замена словосочетания исходного языка единицей переводящего языка, которое логически выводится из значения исходной единицы. «Очаг» понимается как место объединения семьи; это метафора домашнего уюта, гармонии, родного дома. В словаре предлагается следующее определение: ‘hearth – a home, especially when seen as a place of comfort and love’ [8].

В английском переводе в данной фразе отмечается перестановка членов словосочетания: сначала используется прилагательное ‘purifying’ в значении «очищающий», затем – ‘beguiling’ – «манящий» (об огне). Данный прием позволяет создать необычное и оригинальное сочетание.

Перестановка языковых элементов также наблюдается в последних строках «...Горит огонь твой сквозь века, вновь очищая и маня!»; в переводе ‘as down the ages burns the same / beguiling, purifying flame!’

Перестановки вызваны целым рядом причин. Основная причина – различия в строе предложений в английском и русском языках. В поэтическом тексте перестановки дают возможность выделить смысл какой-либо части предложения / фразы. В данном произведении перестановки используются для равномерного ритма, правильной расстановки акцентов и обязательной смысловой и структурной завершенности фраз, которые обеспечивают полноценное восприятие информации читателями.

Основные принципы переводческой стратегии дополняются обоснованием правомерности применения ряда технических приемов, которые нарушают формальное подобие перевода оригиналу, но обеспечивают достижение более высокого уровня эквивалентности. Наиболее общими и широко распространенными из таких приемов являются опущение и добавление лексических единиц в процессе перевода.

В данном произведении отмечается несколько примеров опущения лексических единиц, а именно междометия в строке «*О тайна предков*», местоимения в функции обращения в строке «*Ты, тайна предков*». Опущение в переводе этих строк не мешает реализации главной его задачи; их значения легко восстанавливаются в контексте.

Добавления классифицируются по характеру добавленных избыточных элементов: отдельные определители, дополнительные разъяснения, уточняющие связи между высказываниями и т. д. В этом стихотворении добавление встречается в строке ‘as prayer of heart and mind as one’, что буквально означает «молитва сердца и ума одновременно, как единое целое». В данном случае переводчик вводит дополнительные лексические единицы, чтобы конкретизировать признаки описываемого понятия, а также для создания естественной передачи этой фразы на русском.

Прием добавления также встречается в строке «... а старость в радости легка», в переводе: ‘may age, rewarding, gently come’ (букв. пусть старость, вознаграждая, приходит легко). Прием добавления используется для текстуального пояснения, которое обусловлено прагматическими факторами. В данном примере также отмечается структурная перестройка, связанная с заменой членов предложения: «в радости легка» переводится сочетанием «наречие + глагол – ‘gently come’». Скорее всего, переводчик использует данный прием по стилистическим соображениям.

Не вдаваясь в полемику о жанровой природе стихотворения «Зул» как йоряла, укажем на замечание В.Ситник, что формульное пожелание «да будет» К.Коупланд перевел разными конструкциями, которые «придают большую литературность и тяжеловесность переводу. Анафора и единая синтаксическая конструкция определяют в русском оригинале компонент молитвы, благопожелания, йоряла. Йорял должен быть построен по определенному канону. Переводчик не до конца выдержал конструктивные особенности йоряла в английском переводе» [5, с. 15].

В заключение отметим количественное соотношение строк в подлиннике и в переводе. К.Коупланд стремится к сохранению соответствия между строками подлинника и перевода (20 строк в оригинальном тексте, 20 – в переводе).

Таким образом, лингвокультурологический и лингвопереводческий анализ стихотворения «Зул» (26 декабря 1992 г.) русскоязычного калмыцкого поэта Риммы Ханиновой в английском переводе «Zul» Карлтона Коупланда показал, что американский переводчик сумел передать концептуальные смысловые основы оригинального текста, учитывая силлабо-тоническое русское стихосложение, не прибегая к верлибру, характерному для современной англо-американской поэзии. В переводе сохранены ключевые символы, начиная с заглавия «Зул», а также константы «праздник», «калмыцкая зима», «огонь», «молитва», «мудрость», «добро», «свет».

Рассмотренные переводческие приемы не влекут за собой существенного изменения в содержащейся в тексте семантической информации. Такие переводческие приемы помогают максимально передать эмоциональную поэтическую речь и смысловую близость к оригинальному тексту.

Список литературы

1. Бакаева Э.П. Буддизм в Калмыкии: историко-этнографические очерки. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1994. – 128 с.

2. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. Учебное пособие. – М.: ЭТС, 2002. – 424 с.

3. Петрова М. Мир поэзии Риммы Ханиновой // Теегин герл = Свет в степи. 2002. № 6. – С. 108–120.

4. Сарангаева Ж.Н. Об особенностях поэтического перевода на английский язык (на материале стихотворения Риммы Ханиновой «Им снилась степь в раздолье ковыля...») // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН, 2020. № 2. – С. 225–237.

5. Ситник В.М. Йорял звучит по-английски (о новых английских переводах лирики Риммы Ханиновой) // Калмыцкий университет. 2006, 23 мая. – С. 15-21.

6. Ханинова Э. М. Диалог народов в аспекте межкультурной коммуникации: Римма Ханинова – Карлтон Коупланд // «Восстановление национальной государственности репрессированных народов России и перспективы их развития на современном этапе», Российская науч.-практическая конф. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2006. – С. 143–146.

7. Шкурская Е.А. Семантические особенности фитонима «полынь» в современной калмыцкой лирике: английский перевод в аспекте имагологии // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 1. С. 183–195.

8. Cambridge Advanced Learner's Dictionary / Elizabeth Walter. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – 1799 p.

Источники исследования

9. Муныянова Б., Лиджиева В., Ханинова Р. День влюбленных: сборник стихотворений. – Элиста: АПП «Джангар», 1997. – 237.

10. Ханинова Р. Зул // Ханинова Р. М. Взлететь над мира суетой: стихи. – Элиста: АПП «Джангар», 1994. – С. 87.

11. Ханинова Р. Зул // Хонинов М. В., Ханинова Р. М. Стану красным тюльпаном: стихи, поэмы, переводы, повесть. – Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2010. – С. 221.

12. Khaninova R. Zul / Translated by Carleton Copeland // Хонинов М. В., Ханинова Р. М. Стану красным тюльпаном: стихи, поэмы, переводы, повесть. – Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2010. – С. 223

13. Ханина Р. Зул / Орчульнь Шугран Вера // A Kalmyk sampler: mongol poetry and mythic tale / N. Burlakoff. – Ossining, NY: Aelita Press.org, 2012. – P. 11.

14. Haninova R. Zul / Prepjevaо D. Đurišić // Хонинов М. В., Ханинова Р. М. Ландшафт истории: хрестоматия по калмыцкой литературе на языках народов мира. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2015. – С. 194–195.

А.Н. Трофимова, Г.В. Файзиева

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева

ДЕФИНИЦИОННЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ «FOREIGNER»

Статья посвящена проведению дефиниционного анализа лексической единицы «foreigner» по данным современных лексикографических источников. Цель данного исследования – выявить актуальные семантические характеристики, на базе которых будет проведен дефиниционный анализ других, входящих в синонимический ряд, лексических единиц. Анализ проводился по материалам наиболее авторитетных англоязычных лексикографических источников, таких как Oxford Learner's Dictionary, Collins Cobuild Dictionary, Merriam Webster Dictionary.

Ключевые слова: дефиниционный анализ, семантическая характеристика, синонимический ряд, лексическая единица «foreigner».

A.N. Trofimova, G.V. Fayzieva

Astrakhan State University named after V.N. Tatischev

DEFINITIONAL ANALYSIS OF THE LEXICAL UNIT «FOREIGNER»

The article is devoted to the definitional analysis of the lexical unit «foreigner» according to modern lexicographic sources. The objective of this research is to identify relevant semantic characteristics that can serve as a basis for a definitional analysis of other lexical units included in the synonymic series. The analysis was carried out based on the materials of the most authoritative English lexicographic sources such as Oxford Learner's Dictionary, Collins Cobuild Dictionary, and Merriam Webster Dictionary.

Key words: definitional analysis, semantic characteristics, basic semantic characteristics, synonymous series, lexical unit «foreigner».

Адекватное представление семантики лексических единиц является одной из важнейших задач теоретической лексикографии [14]. Именно семантическое значение лексемы позволяет наиболее полно представить систему смысловых связей, стоящих за словом, актуальную в определенной языковой ситуации, социуме, территории. Особенно важно, на наш взгляд, определение семантического значения для многозначных слов, а также слов, составляющих синонимические ряды, и описание семантического варьирования для таких лексических единиц.

Тем не менее в современной науке достаточно распространенным явлением все еще остается неточность языкового описания, что затрудняет восприятие и понимание семантических рядов и делает невозможным конструирование образа, формируемого теми или иными лексическими единицами, в определенной лингвокультуре.

На наш взгляд, последнее является сложной исследовательской задачей, разрешение которой достаточно проблематично без полноценной дефиниции лексем, позволяющей установить границы применения тех или иных лексических единиц и определения существенных признаков/характеристик, по которым можно выделить одну лексему из ряда схожих, представленных в синонимическом ряду. Особенно остро эта проблема стоит при лексикографическом описании субстандартных лексических единиц,

отличающихся ограниченной сферой употребления, но в то же время стилистической, экспрессивной и эмоциональной окрашенностью, территориальной незакрепленностью, ненормативностью и функциональной многоаспектностью.

Под дефиницией мы понимаем некую логическую категорию, представляющую собой определение содержания понятия на основе его существенных дифференциальных признаков. Мы считаем, что данное понятие схоже по значению с терминами «толкование», «определение», однако они не являются синонимами [10].

В связи с этим отправной точкой настоящего исследования, посвященного изучению образа чужого в субстандартной лексике английского и русского языков, является проведение дефиниционного анализа лексем *«foreigner»/«чужой»*, являющихся базовой при конструировании образа чужого в английской и русской лингвокультуре в общем и субстандартной лингвокультуре в частности.

В современном мире все чаще возникает разделение людей, являющихся представителями различных социальных групп, на «своих» и «чужих» [2]. Концепт «чужой» настолько прочно вошел в сознание современного человека, что стал предметом изучения многих дисциплин. Вероятно, данный факт связан с событиями, происходящими в разных сферах жизнедеятельности общества. Однако следует отметить, что, несмотря на возросший исследовательский интерес к образу «чужой» в различных научных сферах и наличие значительного количества исследований в философии, социологии, культурологии, лингвистике, лингвокультурологии, на настоящий момент четко обозначенные характеристики данного образа отсутствуют [9].

Само понятие «образ» применяется в различных областях научной деятельности: философии, социологии, литературоведении, психологии, лингвистике, лингвокультурологии и др. и в зависимости от сферы употребления трактуется по-разному. В зависимости от научной области, в которой образ подвергается рассмотрению и исследованию, данная категория получает разную интерпретацию.

Толковый словарь русского языка С.И.Ожегова, Н.Ю.Шведовой представляет философское толкование понятия «образ», отмечая, что образ – это результат и идеальная форма отражения предметов и явлений материального мира в сознании человека. Здесь же в словаре авторы отмечают, что в повседневной жизни образ – это живое, наглядное представление о ком-нибудь, о чем-нибудь [7].

Понятие «образ» трактуется и как «ментальное восприятие и отражение явлений и фактов, имеющих место в мире, включающее индивидуальное отношение к данным явлениям. Самое важное свойство образа состоит в отражении мира в процессе его практического созидания, то есть образ – это некоторая модель действительности, восстанавливающая полученную из действительности информацию в новой сущности» [3].

Лингвокультурный образ может быть представлен только в результате комплексного исследования «язык–сознание–культура», т.к. отражает национально-культурные характеристики, значимые для того лингвокультурного сообщества, где он формируется. По утверждению А.Д.Макаровой, лингвокультурный образ обладает национально-культурной спецификой и стереотипизированными характеристиками, которые реализуются в языке [6]. Вот почему особенный интерес представляют именно сравнительно-сопоставительные исследования, позволяющие презентировать национальную специфику восприятия того или иного образа и представить особенности его конструирования [12].

В лингвистических исследованиях формированию целостного представления об образе предшествует серьезная работа по изучению семантических и дефиниционных характеристик лексических единиц, входящих в состав того или иного образа.

В настоящей статье представлены результаты исследования, посвященного дефиниционному анализу лексической единицы «foreigner» по данным лексикографических источников английского языка.

В ходе работы мы решали следующие исследовательские задачи: выборка дефиниций лексемы «foreigner» и синонимичных ей лексических единиц; выявление семантических признаков, разграничивающих значения лексем, отражающих образ чужого в английском языке; описание и формулировка дефиниций данных лексем; презентация употребления данных лексических единиц.

В современном английском языке содержится достаточно широкий ряд синонимов, описывающих исследуемый образ: alien, stranger, unfamiliar, borrowed, foreigner, outsider, stranger in blood и др. Лексическая единица «foreigner» является одним из синонимов, в русском языке характеризующих образ «Чужой».

Объективным источником информации о лексическом составе языка являются словари [5]. Таким образом, в качестве материала для проведения дефиниционного анализа лексической единицы «foreigner» были отобраны доступные лексикографические источники английского языка, представленные в сети Интернет: Collins-Cobuild dictionary [15], Merriam Webster Dictionary [16] и Oxford Lerner's Dictionary [17].

Э.Сепир утверждал, что совокупность значений слова представляет собой психологическое единство, результат познавательной психической деятельности [11]. В результате такой деятельности в процессе анализа и упорядочения знаний о явлениях и предметах действительности и происходит обобщение этих знаний в виде понятия. Поэтому одним из значений лексемы «foreigner» и ее эквивалентов в английском языке будет предметно-понятийное, или категориальное, значение.

Рассмотрим определения, представленные в каждом из вышеперечисленных лексикографических источников, более подробно. Здесь отметим, что дефиниции в названных словарях выполнены следующими основными способами: дефиниция – литературный синоним, дефиниция – ряд литературных синонимов, дефиниция – развернутое описательное толкование, дефиниция – литературный синоним + развернутое толкование.

В Oxford Lerner's Dictionary представлены следующие определения лексической единицы «foreigner»:

- 1) a person who comes from a different country. It can sometimes sound slightly rude to call somebody 'a foreigner'. You can say that a person is from overseas, or say why they are in a place by using a term such as exchange student, business traveler or tourist;
- 2) a person who does not belong in a particular place.

Таким образом, в данном лексикографическом источнике исследуемое слово имеет следующие характеристики:

- 1) человек, приехавший из другой страны (при этом следует обратить внимание на наличие в словаре информации о том, что данное понятие имеет пейоративную окраску, при использовании исследуемой лексической единицы в качестве апеллятива);
- 2) человек, не принадлежащий к определенной социальной группе.

В следующем исследуемом нами лексикографическом издании, в Merriam-Webster Dictionary, представлены такие определения исследуемого понятия, как:

- 1) a person belonging to or owing allegiance to a foreign country;
- 2) chiefly dialectal: one not native to a place or community.

Анализ толкований лексической единицы «foreigner», репрезентируемых в Merriam-Webster Dictionary, позволил выделить следующие характеристики исследуемого понятия:

- 1) человек, принадлежащий или являющийся подданным другого государства;
- 2) человек, не являющийся выходцем определенной местности или сообщества.

Во втором значении, представленном в словаре, имеется помета, что данная характеристика указывает на диалектное выражение.

В Collins Cobuild Dictionary, в отличие от лексикографических изданий, представленных выше, лексическая единица «foreigner» имеет только одно значение и определяется как:

- 1) someone, who belongs to a country that is not your own.

Таким образом, в данном лексикографическом издании отмечается единственная характеристика исследуемой лексемы:

- 1) принадлежность к неродной кому-либо стране.

Отметим также, что в названных словарях исследуемая лексема является основной и позволяет дефинировать лексемы синонимического ряда, например, в словаре Merriam Webster Dictionary:

Alien – a foreigner; one owing allegiance, or belonging, to another country; a foreign-born resident of a country in which he does not possess the privileges of a citizen. Hence, a stranger – Иностранец; человек, принадлежащий к другой стране; резидент страны, гражданином которой он не является, родившийся в другой стране. *Чужак*;

Stranger – one who comes from a foreign land, a foreigner – Человек, который приехал из другой (букв.: иностранной) страны; иностранец;

Для комплексной презентации образа «foreigner» в английской лингвокультуре в рамках настоящего исследования представляется необходимым сравнить характеристики, выявленные по данным англоязычных толковых словарей; результаты сравнения визуализированы в табличном отображении (Таблица 1).

Таблица 1

Дефиниционные характеристики лексической единицы «foreigner» по данным англоязычных лексикографических источников

Дефиниционные характеристики	Oxford Learner's Dictionary	Merriam-Webster Dictionary	Collins Cobuild Dictionary
человек, приехавший из другой страны	+	-	-
человек, не принадлежащий к определенной социальной группе	+	-	-
человек, принадлежащий или являющийся подданным другого государства	-	+	-
человек, не являющийся выходцем определенной местности или сообщества	-	+	-
принадлежность к неродной тебе стране	-	-	+

Анализ представленных в таблице результатов показал, что совпадений дефиниционных характеристик, присущих лексической единице «foreigner» по данным различных словарей, не выявлено. Данный факт позволяет сделать вывод о том, что исследуемый образ наиболее полно может быть описан только на основе нескольких лексикографических источников, взаимно дополняющих и расширяющих его.

Тем не менее, проанализировав семантическую наполняемость дефиниционных характеристик, представленных в словарях, делаем вывод, что некоторые из них семантически схожи. Так, на наш взгляд, при построении образа «foreigner» в английском

языке представляется возможным объединить характеристики «человек, приехавший из другой страны» с характеристиками «человек, принадлежащий или являющийся подданным другого государства» и «принадлежность к не родной кому-либо стране».

В результате исследуемый образ будет представлен следующими дефиниционными характеристиками лексической единицы «foreigner» (таблица 2).

Таблица 2

Комплексные дефиниционные характеристики лексической единицы «foreigner» по данным лексикографических источников английского языка

Дефиниционные характеристики	Oxford Learner's Dictionary	Merriam-Webster Dictionary	Collins Cobuild Dictionary
человек, приехавший из другой страны, являющийся подданным другого, не родного тебе государства	+	+	+
человек, не принадлежащий к особой группе	+	-	-
человек, не являющийся выходцем определенной местности или сообщества	-	+	-

Подводя итог, необходимо отметить, что, по данным наиболее авторитетных англоязычных лексикографических источников, лексическая единица «foreigner» имеет во многом однозначную трактовку. Самой актуальной характеристикой исследуемой лексической единицы является «человек, приехавший из другой страны, являющийся подданным другого не родного кому-либо государства», характеристики «человек, не принадлежащий к особой группе» и «человек, не являющийся выходцем определенной местности или сообщества» менее актуальны.

Данный факт свидетельствует о том, что для представителя англоязычного сообщества «foreigner» – в первую очередь иностранец, т.е. человек, приехавший из другой страны, являющийся подданным другого, не родного носителю языка, государства. Реже и, как правило, в диалектах данная лексическая единица используется для описания субъекта, не принадлежащего к особой группе, либо не являющегося выходцем определенной местности или сообщества.

Понимая значение изучаемого образа в субстандартном лексическом фонде, можем предположить, что именно он будет являться базовым для понимания субстандартной картины мира народов – носителей английского и русского языков.

Полученные в ходе дефиниционного анализа характеристики позволят сконструировать образ «Чужой» в английской языковой культуре и могут служить основой для проведения дефиниционного анализа других, входящих в синонимический ряд, лексических единиц. Перспективой настоящего исследования является изучение образной оппозиции «свой–чужой» в языковой картине мира носителей английского языка и конструирование образа чужого в субстандартном лексическом фонде английского и русского языков, а также проведение сравнительно-сопоставительного исследования презентуемого образа в двух разнотипных языках.

Список литературы

1. Андрющенко Е. А. Средства репрезентации образа «чужого» в экономическом дискурсе (на материале британских СМИ) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание. – 2011. – № 1 (13). – С. 166–171.

2. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. – 376 с.
3. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. – М.: Просвещение, 1981. – С. 73.
4. Манапова В. Э. Образ «чужого» в этническом самосознании // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2013. – №5. – С. 23–27.
5. Козлова Т. А. Лексический состав языка как источник познания наивной картины мира // Русское слово в многоязычном мире (материалы XIV конгресса МАПРЯЛ 2019). – 2019. – С.1431–1436.
6. Макарова А. Д. Лингвокультурный образ: сущность понятия // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – №33 (248). – С. 243–245.
7. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1995. – С. 427.
8. Рябичкина Г. В. Типы дефиниций в «Большом словаре русского жаргона» В.М.Мокиенко и Т.Г.Никитиной // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – №59. – С. 165–173.
9. Рябичкина Г. В., Лебедева И. В. Чужой в толковых словарях нестандартной лексики // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2013. – № 4 (37). – С. 272–279.
10. Рябичкина Г. В. Соотношение типов дефиниций и лексико-грамматических типов вокабул в «Большом словаре русского жаргона» В.М.Мокиенко и Т.Г.Никитиной // Альманах современной науки и образования. – 2008. – № 2-2. – С.172–175.
11. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 1993. – 656 с.
12. Смирнова О. Б. Сравнительно-сопоставительная характеристика дефиниций лексемы «мать» на материале французского, английского, русского и персидского языков // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: современные лингвистические и методико-дидактические исследования. – 2008. – № 10. – С. 173–179.
13. Соловьева Н. С. Проявление оппозиции «свой-чужой» в социальных группах (на материале фразеологии) // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2012. – №2 (36). – С. 388–392.
14. Файзиева Г. В. Особенности лексикографической презентации кэнтизмов в зарубежной лингвистике: исторический обзор и традиции // Наука и практика в XXI веке. Межвузовский сборник научных трудов. – 2018. – С. 14–22.
15. Collins-Cobuild dictionary <https://www.collinsdictionary.com/>
16. Merriam Webster Dictionary <https://www.merriam-webster.com/>
17. Oxford Lerner's Dictionary <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Г.А. Буваева, А.А. Андреева

Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова

**DIGITAL HUMANITIES:
ОТ ФРОНТИРНОГО ДИСКУРСА К «ЦИФРОВОМУ ПОВОРОТУ»**

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (№ 075-03-2022-119/1 «Буддизм и глобальные вызовы современного мира»)

Активизировавшийся интерес современных исследователей к фронтальному дискурсу в определенной степени связан со следующими факторами. Во-первых, динамика «текучей современности» (З. Бауман), приводящая к усложнению и «умножению» социальных институтов и практик, актуализирует поиск методологических подходов и объяснительных моделей, адекватных реалиям современного мира, который отличается нелинейностью, неопределенностью, многомерностью. Во-вторых, сближение естественно-научного и гуманитарного знания становится одним из значимых направлений развития современной науки. В пределах естественно-научного знания возникают фронтальные зоны гуманитарного направления – культурная география, когнитивная психология, когнитивная лингвистика, цифровая гуманитаристика и др. Здесь обнаруживается междисциплинарный эвристический потенциал фронтальной теории, фронтального дискурса, способствующего созданию контактной зоны (зоны взаимодействия) естественно-научного и гуманитарного знания

Современную гуманитарную науку можно представить как глобальный гипертекст, связанный системой перекрестных ссылок в виде трудов отдельных исследователей или исследовательских коллективов. Благодаря цифровым и когнитивным технологиям современная гуманитарная наука обогатилась новыми методами познания, что привело к формированию различных направлений цифровой гуманитаристики, в том числе и цифровой философии.

«Цифровой поворот» в социогуманитарных науках формирует новую научную картину мира, основанную на кардинальной смене существующей исследовательской парадигмы, появлении цифровых гуманитарных наук.

Ключевые слова: фронтальный дискурс, «цифровой поворот», цифровые технологии, цифровые гуманитарные науки, цифровая философия, гуманитарные науки.

G.A. Buvaeva, A.A. Andreeva

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov

**DIGITAL HUMANITIES:
FROM FRONTIER DISCOURSE TO THE “DIGITAL TURN”**

The work was carried out within the framework of the state task of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (No. 075-03-2022-119/1 “Buddhism and global challenges of the modern world”)

The increased interest of modern researchers in the frontier discourse is to a certain extent connected with the following factors. Firstly, the dynamics of “fluid modernity” (Z. Bauman), leading to the complication and “multiplication” of social institutions and practices, actualizes the search for methodological approaches and explanatory models that are adequate to the realities of the modern world, which is characterized by non-linearity, uncertainty, multidimensionality. Secondly, the rapprochement of natural science and humanitarian knowledge is becoming one of the significant directions in the development of modern science. Within the limits of natural science knowledge, frontier zones of the humanitarian direction arise – cultural geography, cognitive psychology,

cognitive linguistics, digital humanities, etc. Here, the interdisciplinary heuristic potential of the frontier theory, frontier discourse is found, contributing to the creation of a contact zone (zone of interaction) of the natural sciences and the humanities. knowledge

Modern humanities can be represented as a global hypertext linked by a system of cross-references in the form of the works of individual researchers or research teams. Thanks to digital and cognitive technologies, modern humanities have been enriched with new methods of cognition, which has led to the formation of various areas of digital humanities, including digital philosophy.

The “digital turn” in the social sciences and the humanities is forming a new scientific picture of the world based on a fundamental change in the existing research paradigm, the emergence of the digital humanities.

Key words: *frontier discourse, “digital turn”, digital technologies, digital humanities, digital philosophy, humanities.*

Активизировавшийся интерес современных исследователей к фронтальному дискурсу в определенной степени связан со следующими факторами. Во-первых, динамика «текущей современности» (З. Бауман), приводящая к усложнению и «умножению» социальных институтов и практик, актуализирует поиск методологических подходов и объяснительных моделей, адекватных реалиям современного мира, который отличается нелинейностью, неопределенностью, многомерностью. Во-вторых, сближение естественно-научного и гуманитарного знания становится одним из значимых направлений развития современной науки. Прежнее классическое деление наук на естественные и «противоестественные» (ироничная классификация Л.Ландау) перестает отражать современную усложнившуюся научную картину мира. В пределах естественно-научного знания возникают фронтальные зоны гуманитарного направления – культурная география, когнитивная психология, когнитивная лингвистика, цифровая гуманитаристика и др. Здесь обнаруживается междисциплинарный эвристический потенциал фронтальной теории, фронтального дискурса, способствующего созданию контактной зоны (зоны взаимодействия) естественно-научного и гуманитарного знания [15].

Новизна, эффективность и практическое применение результатов научных исследований в значительной степени зависят от полноты и качества информационного обеспечения. В современном мире цифровых и когнитивных технологий все острее стоит вопрос о будущем гуманитарного знания. Осознается необходимость в новых исследовательских теориях, подходах, идеях, адекватных вызовам современной цифровой эпохи, способных помочь пониманию реалий современного цифрового ландшафта.

Как известно, основным предметом гуманитарных научных исследований всегда была каталогизация и систематизация унаследованных культурных знаний, а также контекстуализация их в определенном времени и месте. В условиях взрывного роста количества объектов исследования и их беспрецедентной доступности из любой точки земного шара ученые сталкиваются с серьезной проблемой, когда начинают рассматривать их в столь неожиданном масштабе, они обращаются к количественным и вычислительным методам.

«Цифровой поворот» в социогуманитарных науках связан не только и не столько с самым широким применением цифровых технологий, можно сказать, что он формирует новую научную картину мира, основанную на кардинальной смене существующей исследовательской парадигмы, появлении цифровых гуманитарных наук (Digital Humanities, DH) [2, 3, 4, 7, 10-12, 18, 20, 21, 22, 23, 26].

Как пишет Савицкая Е.Т., «концепция DH не исчерпывается методологическими новациями, широким использованием в исторических, лингвистических, культурологических и прочих исследованиях методов машинного анализа текста, обработки больших массивов данных, цифрового картографирования, 3D-моделирования и т. д.;

она ориентирована на создание иного типа науки, нацеленного при участии широчайшей междисциплинарной гибридации на производство и распространение новых моделей знания. Более конкретно различные направления ДН связаны с переводом в машиночитаемый формат корпуса культурного наследия и формированием специальных баз данных (БД), т. е. созданием цифровых коллекций и архивов; семантической разметкой текстов, снабженных метаданными различных типов и трактуемых как фрагменты гипертекста; квантитативным анализом художественных текстов; визуализацией, моделированием и проектированием БД; новыми формами электронных научных коммуникаций, реформированными методиками обучения и т. д.» [14, с.533].

В Манифесте цифровых гуманитарных наук 2.0 отмечается, что «цифровые гуманитарные науки – не объединенное поле, но множество конвергентных практик, исследующих мироздание, где, во-первых, печатное слово не есть более эксклюзивное или нормативное средство производства и распространения знания (вместо этого оно само растворяется в новых мультимедийных конфигурациях) и, во-вторых, сами цифровые орудия, средства и медиа видоизменяют производство и распространение знания в сфере искусства и общественных науках» [27].

Одним из актуальных вопросов современного научного дискурса относительно цифровой гуманитаристики стало определение ее понятийно-категориального аппарата, в частности самого понятия «digital humanities». Несмотря на то что в последние годы термин «digital humanities» стал одним из самых употребляемых в современном научном дискурсе, общепринятого его определения пока нет. Термин «digital humanities» насчитывает более 800 его различных определений [24].

Споры возникают большей частью не по причине наличия разных позиций и мнений современных исследователей о понятии «digital humanities», а потому, что сама цифровая гуманитаристика понимается ими по-разному. Так, участники конференции «Науки о культуре в перспективе «digital humanities»» предложили понимать под «digital humanities» «способ существования гуманитарных наук в эпоху цифровых технологий хранения и трансляции информации» [13].

При этом, по мнению профессора департамента «Информационные технологии в историко-культурных исследованиях» Кельнского университета М. Таллера, важно, «чтобы концептуальные решения об использовании новых технологий в гуманитарных науках определялись концепциями гуманитарных наук» [19].

Как отмечает Журавлева Е.Ю., «“цифровые гуманитарные науки” является собирательным термином для широкой сферы практик по созданию, применению и интерпретации новых цифровых и информационно-коммуникационных технологий в гуманитарных науках. Эти практики не ограничиваются традиционными гуманитарными сферами, а воздействуют на многие дисциплины, включающие в себя в совокупности историю, антропологию, искусство и архитектуру, информационные науки, кино и медиаисследования, археологию, географию и социальные науки» [5].

И речь здесь идет не только и не столько о цифровом дизайне современных гуманитарных наук (оцифровка ресурсов), а о необходимости понимания глубинной природы явлений современного цифрового ландшафта, его влияния на человека и на мир в целом (искусственный интеллект, интернет вещей, виртуальная реальность и др.).

Из-за накопившегося беспрецедентно огромного объема научной информации современную гуманитарную науку можно представить как глобальный гипертекст, связанный системой перекрестных ссылок в виде трудов отдельных исследователей или исследовательских коллективов. Благодаря цифровым и когнитивным технологиям

современная гуманитарная наука обогатилась новыми методами познания, что привело к формированию различных направлений цифровой гуманитаристики, в том числе и цифровой философии [1, 6, 8, 9, 16, 17, 25].

По мнению А. Макулина, «феномен цифровой философии является частным случаем общей тенденции развития цифровых гуманитарных наук, связанных с глобальным изменением, именуемым «computational turn» – «вычислительный поворот»» [9, с.83].

На наш взгляд, можно предположить, что цифровая философия способна стать научной дисциплиной, призванной создать теорию цифрового общества, теорию цифровой культуры, которые могли бы послужить описанию и пониманию реальностей современного цифрового мира. Новые «цифровые практики», «цифровой поворот» в гуманитаристике обуславливают необходимость изменений в самой парадигме современных социогуманитарных наук.

Большое значение в этой связи имеет работа по созданию научно-информационных исследовательских баз, которые направлены на получение доступа к огромным объемам цифровых ресурсов. При этом создание цифровых инструментов (разработка и стандартизация цифрового формата публикации и хранения данных, создание регулярно обновляемых информационных баз, структурированного каталога, обеспечение автоматического поиска по различным параметрам и т.д.) и исследовательских инфраструктур для работы с цифровыми ресурсами улучшает качество проведения гуманитарных исследований.

В данном контексте хотелось бы отметить работу по созданию научно-информационной базы буддологических исследований в КалмГУ (проект Российского научного фонда «Россия и буддийский мир в дискурсе философского востоковедения»; проект «Буддизм и глобальные вызовы современного мира», выполняемый научной лабораторией «Комплексные буддологические исследования» в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации), которая направлена не только на обеспечение проводимых научных исследований данной проблематики, но и на расширение проблемного и предметного пространства философского востоковедения. Получено свидетельство о государственной регистрации базы данных «Буддологические исследования КалмГУ» № 2022623381 Федеральной службы по интеллектуальной собственности.

Тенденция к «оцифровыванию» всего ландшафта общественных взаимодействий кардинально изменила социальную и общую культурную ситуацию, повлияла на создание научно-технологических инноваций, связанных с функционированием больших данных. Меняется модель поведения человека в оцифрованном мире больших данных, формируется новая цифровая философия, меняющая парадигму научного осмысления современного цифрового мира.

Список литературы

1. Артамонов Д. С., Устьянцев В. Б. Цифровая философия истории: постановка проблемы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия. Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, Вып. 1. – С. 4–9.
2. Володин А. Ю. Digital Humanities (Цифровые гуманитарные науки): в поисках самоопределения // Вестник Пермского университета. 2014. Вып. 3(26). С. 5–12.
3. Гримов О.А. Цифровая реальность: социальная онтология и методология эмпирического изучения // Сложность. Разум. Постнеклассика. – 2019 – №3. – С.42–50.

4. Единое цифровое пространство научных знаний: проблемы и решения: сборник научных трудов / под ред. Н. Е. Каленова, А. Н. Сотникова. – Москва; Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2021. – 464 с.

5. Журавлева Е.Ю. Современные модели развития гуманитарных наук в цифровой среде // Вопросы философии. 2011. № 5. – С. 91–98.

6. Корчагин Е. А. Цифровая философия: европейский и российский опыт // Духовная сфера общества. 2018. № 15. – С. 133–138.

7. Лещев С.В. Цифровые гуманитарные науки в контексте искусственно-интеллектуальной эпистемики // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2020. № 1 (28). – С. 64–70.

8. Лобовиков В.О. От цифровой фотографии к цифровой философии (цифровые технологии философствования – важное дополнение к аналоговой философской традиции и направление современного дискурса) // Дискурс-Пи. 2007. Т. 7, № 1. – С. 113–116.

9. Макулин А.В. Интеллектуальные системы в гуманитарной сфере и цифровая философия // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. 2016. №2. – С. 76–86.

10. Мамина Р. И., Елькина Е. Е. Digital Humanities: новая наука или конвергентные модели и практики глобального сетевого проекта? // Дискурс. 2020. Т. 6. № 4. – С. 22–38.

11. Можаяева Г.В. Цифровые гуманитарные науки: опыт науковедческого анализа // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 2014. № 42. – С. 21–22.

12. Можаяева Г.В., Можаяева-Ренья П.Н., Сербин В.А. Цифровая гуманитаристика: организационные формы и инфраструктура исследований // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. – С. 73–81.

13. Науки о культуре в перспективе «digital humanities»: Материалы Международной конференции 3–5 октября 2013 г., Санкт-Петербург / Под ред. Л.В. Никифоровой, Н.В. Никифоровой. – СПб. : Астерион, 2013. – 600 с.

14. Савицкая Т.Е. Сдвиг парадигм: библиотеки в контексте цифровых гуманитарных наук (зарубежный опыт) // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 5. – С. 532–541.

15. Синельникова Л.Н. Концептуальная среда фронтального дискурса в гуманитарных науках // Russian Journal of Linguistics. 2020. Т. 24. № 2. – С. 467–492.

16. Соколова Т.Д. Философия и цифровые исследования гуманитарных наук // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2021. Т. 4. № 4. – С. 132–144.

17. Сорочайкин А.Н., Сорочайкин И.А. Формирование цифровой философии и цифрового человека в цифровой реальности // Основы экономики, управления и права. 2021. № 4 (29). – С.7–10.

18. Степанчук Ю.А. Гуманитарное знание между цифрой и смыслом: к вопросу о роли гуманитарных наук в цифровом обществе // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2020. Т. 26. № 1 (195). – С. 112–119.

19. Таллер М. Дискуссии вокруг Digital Humanities (пер. с англ. Е.А. Лубанец, ред. перевода И.М. Гарскова) // Историческая информатика. 2012. № 1. – С. 5–13.

20. Терехов С.В., Терехова Л.А. Digital Humanities: цифровое будущее гуманитарных наук // Ученые записки Орловского государственного университета. 2021. № 4 (93). – С. 273–276.

21. Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании (DHTE 2021): сб. статей II-й Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 11-12 ноября 2021 г. Digital Humanities and Technology in Education (DHTE 2021): collection of Articles of the II All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation. November 11–12, 2021 / Под ред. В.В. Рубцова, М.Г. Сороковой, Н.П. Радчиковой. – М.: Издательство ФГБОУ ВО МГППУ, 2021. – 779 с.
22. Цифровые гуманитарные науки. Хрестоматия. Под редакцией Мелиссы Террас, Джулианны Найхан, Эдварда Ванхутта, Инны Кижнер. Красноярск. Сибирский федеральный университет, 2017. – 352 с.
23. Ярославцева Е. И. Цифровая гуманитаристика: междисциплинарность стратегий будущего // Горизонты гуманитарного знания. 2020. №2. – С. 3–29.
24. Cassella M. New Trends in Academic Library Partnerships: Academic Libraries and Digital Humanities [Электронный ресурс] // Proceedings of the IATUL Conferences. Paper 2. URL: [http:// docs.lib.purdue.edu/iatul/2017/partnership/2](http://docs.lib.purdue.edu/iatul/2017/partnership/2)
25. Chekletov V.V., Arshinov V.I. Landscape of Russian digital philosophy problems: Discussion overview // Philosophical Problems of IT & Cyberspace (PhilIT&C). 2019; (1): 88-96.
26. Digital Humanities: гуманитарные науки в цифровую эпоху / под ред. Г.В. Можевой. – Томск: Издательство Томского университета, 2016. – 120 с.
27. The Digital Manifesto 2.0 [Electronic resource]. URL: <http://www.humanitiesblast.com/Manifesto v2.pdf>

А.Н. Гулевский

Санкт-Петербургский университет МВД России

ВОЙНА И МИР: СТОЛКНОВЕНИЕ РОССИИ И ЕВРОПЫ

В статье осуществлен анализ причин, приведших к столкновению России и Европы, с применением цивилизационного подхода. Используя в качестве теоретической базы исследования работы Э. Тоффлера, Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, Х. Хофмайстера, А. Бэттлера, А.Г. Дугина, автор приходит к выводу, что современный конфликт России и Европы можно описать с помощью полярных понятий: сила и слабость. Сила является фундаментальной категорией, объясняющей природу конфронтационных действий. Сила обладает двумя неотъемлемыми свойствами: активность и стремление к росту. Стремление Запада к глобальной гегемонии натолкнулось на достаточно мощное противостояние. Автор статьи приходит к выводу, что усиление России стало поводом для конфронтации с теряющим свою силу, но не желающим проигрывать борьбу за гегемонию Западом. В итоге мир балансирует перед угрозой ядерной войны, которая уже не кажется чем-то невозможным. Желание сторон победить в этой борьбе приводит Запад к отказу от доводов разума, неспособности признать свое историческое поражение.

Ключевые слова: война, борьба, сила, слабость, господство; цивилизация, битва, этнос, история, философия, культура, экономика.

A.N. Gulevsky

St. Petersburg University of the Russian Interior Ministry

WAR AND PEACE: THE CLASH OF RUSSIA AND EUROPE

The article analyzes the causes that led to the collision of Russia and Europe using a civilizational approach. Using as a theoretical basis the research of the works of E. Toffler, N.Y. Danilevsky, K.N. Leontiev, H. Hofmeister, A. Battler, A. Dugin, the author comes to the conclusion that the modern conflict between Russia and Europe can be described using the polar concepts of strength and weakness. Force is a fundamental category explaining the nature of confrontational actions. Power has two inherent properties: activity and desire for growth. The West's desire for global hegemony has encountered quite a powerful confrontation. The author of the article comes to the conclusion that the strengthening of Russia has become a reason for confrontation with the West, which is losing its strength, but does not want to lose the struggle for hegemony. As a result, the world is balancing against the threat of nuclear war, which no longer seems impossible. The desire of the parties to win in this struggle leads the West to abandon the arguments of reason, the inability to admit its historical defeat.

Key words: war, struggle, strength, weakness, domination; civilization, battle, ethnicity, history, philosophy, culture, economy.

«Рано или поздно, хотим или не хотим, но борьба с Европой (или, по крайней мере, со значительнейшей частью ее) неизбежна...» [1, с.369].

Н.Я. Данилевский

Философское предсказание Н.Я.Данилевского сбылось, Россия в начале 20 века столкнулась с тем, что называется «коллективный Запад». Вряд ли правильно отделять США от Западной Европы, как это делают некоторые исследователи, но правильнее видеть в них единую Западную цивилизацию, зародившуюся в Западной Европе.

Это столкновение носит экзистенциальный характер, ставя под вопрос существование России как единого государства в будущем. Если в Первой и Второй мировой войне Запад был расколот, поэтому Россия вела борьбу с его частью, то современная ситуация больше напоминает Крымскую войну 1853–1856 годов, когда вначале за спиной Турции, а затем и напрямую в войне участвовали Англия и Франция. Нынешняя ситуация чревата тем, что помощь Украине оказывают не только Франция и Англия, но и прежде всего США, Канада, Турция, Польша, Чехия, Германия и ряд других государств.

Целью исследования является анализ причин конфликта цивилизаций, а также поиск путей и стратегии его решения. Актуальность исследования обусловлена высокой степенью эскалации конфликта России и Украины, способной привести мир к ядерному Армагеддону.

Рассуждая о перспективах человечества в 20 веке, философы видели два возможных сценария: во-первых, конец истории, заключавшийся в полной победе либерализма и демократии в мире, провозглашенный Ф. Фукуямой [7]; во-вторых, конфликт цивилизаций на основе религиозных и культурных различий [8]. Несмотря на свои различия, оба сценария несли внутри себя конфликт идеологический, экономический, культурный и политический. Конец истории может не наступить мирным способом, что и показала практика.

Официально современный конфликт начался по причине приближения баз НАТО к границам России. Поводом стало стремление блока НАТО разместить свою инфраструктуру на Украине, ставшее так называемой «красной чертой», Рубиконом, перейдя за который политическое руководство России уже не могло не реагировать. В действительности история конфликта России и Европы значительно длиннее и уходит своими корнями в глубь веков.

Историческая наука находит начало этого конфликта еще в Великом переселении народов в 4–7 веках. Согласно этой гипотезе конфликт славян и германцев был обусловлен тем, что германцы покинули занимаемые ими земли для покорения западных территорий, а завоевав их, решили вернуться, но обнаружили на прежних землях славян и попытались их изгнать или покорить. Под давлением германцев славяне получили толчок к объединению и развитию, так как им пришлось бороться с сильным соперником, что вполне соответствует методологии А. Тойнби, включавшей «теорию вызовов и ответов» [2]. Таким образом, данный подход представляет конфликт славян и европейцев как возникший благодаря стечению исторических обстоятельств, то есть в некотором смысле случайно.

В рамках цивилизационного подхода можно выделить два различных его понимания, в зависимости от интерпретации самого термина цивилизация. Так, согласно методологии Э. Тоффлера конфликт Западной цивилизации с Россией обусловлен различиями цивилизационного характера. Западная цивилизация завершила переход на стадию так называемой «информационной цивилизации», в то время как Россия застряла на стадии «индустриальной цивилизации», что является выражением основного противоречия истории [3]. Результатом такого противостояния может быть, например, подчинение отсталого мира прогрессивному.

Для Н.Я. Данилевского, понимавшего под цивилизацией особенности и уникальность самобытной культуры – культурно-исторический тип, славянский тип имеет свои особые, собственные религиозную, культурную, политическую и общественно-экономическую основы, являясь «четырёхосновным культурно-историческим типом» [1, с. 430]. По мнению Н.Я. Данилевского, Россия страшит Европу своими размерами, «своей массой», угрожает захватить Европу, так как Россия все время расширяется. Европа враждебна России, так как Россия представляется для нее «мрачной

силой, враждебной прогрессу и свободе» [1, с. 19]. Европа «видит в России и в славянах вообще нечто чуждое, а вместе с тем такое», что Россия не служит Европе, не способствует ее выгоде [1, с. 43]. Согласно Н.Я. Данилевскому, Россия должна стремиться объединить вокруг себя все славянские народы и одолеть дряхлеющий Запад.

Анализ столкновения цивилизаций невозможно осуществлять без учета религиозного фактора. Еще Феодосий Печерский в трактате «О вере крестьянской и о латыньской» утверждал, что «латинство не от Бога», и настаивал «на полном обособлении, разрыве с Западом» [6, с. 45]. И.В.Киреевский выступил с критикой католицизма, обвиняя его в излишней рассудочности, победой разума над верой, что привело к излишней вере в силу разума и обожествлению человека. Вследствие этого Запад предполагает, что нужно изменять мир в соответствии с самоочевидными положениями разума, однако такая логика ведет, согласно И.В.Киреевскому, к насилию и террору.

К.Н.Леонтьев утверждал чуждость и разрушительность европейской идеологии либерализма для России. «Либерализм есть отрицание всякой крайности, даже и самой высокой, всякого стеснения, всякого стиля. Он везде один, везде одинаково отрицателен, везде одинаково разлагает нацию медленно и легально, но верно... И чем честнее либерализм, чем он искреннее, чем неподкупнее, тем вреднее» [4, с. 26]. По его мнению, либерализм несет свободу от принципов вообще, как от созидания, так и от сохранения. В результате либерализм дезорганизует общество, религию, государство, превращая национальные объединения в космополитические и не создавая ничего взамен. Для К.Н.Леонтьева либерализм не поступательное движение, но падение в пропасть, куда и движется Запад, стремясь затянуть Россию. Западный рационализм породил либеральную идеологию, так как верил во всемогущество разума, в прогресс науки и значит в создание справедливого общества счастливых людей, то есть в либерализм. В отличие от Данилевского, Леонтьев полагал, что будущее России уже не только со славянством, но и с азиатскими народами, включенными в Россию.

Столп славянофильства А.С.Хомяков так же, как и Н.Я.Данилевский, удивлялся враждебности Западных народов к России, имеющих сходство с русскими как во внешности, так и в языке. Корни недоброжелательства он видит в двух причинах: «в началах духовного и общественного развития России и Западной Европы и в невольной досаде перед этой самостоятельной силой, которая потребовала и взяла все права равенства в обществе Европейских народов» [5, с. 4]. Говоря о противопоставлении России и Европы, А.С.Хомяков прибегает к выражению – борьба жизни и иноземной безжизненной образованности. Западная образованность, по его мнению, приводит к материализму. Только в сочетании с верой разум способен к истинному знанию.

В марксистской методологии причины войны объясняются экономическими факторами, то есть частной собственностью и возникающей благодаря ей классовой борьбе и социальным противоречиям, эксплуатации, жадной к накоплению капитала и вытекающим стремлением экспорта эксплуатации на другие регионы, империалистической борьбой. В.И.Ленин утверждал, что развитый капитализм начинает отрицать собственное атрибутивное свойство свободную конкуренцию и порождает «господство монополий и финансового капитала», становясь империализмом [9, с. 129]. «Империализм есть стремление к аннексиям...к насилию и к реакции» [9, с. 132]. Согласно И.В.Сталину, целью империалистической войны является «захват (аннексия) чужих, главным образом, аграрных территорий капиталистически развитыми государствами. Последним нужны новые рынки сбыта, удобные пути, удобные пути к этим рынкам, сырье, минеральные богатства, и они стараются брать их везде, безотносительно к внутренним порядкам захватываемой страны» [10, с. 5].

Несмотря на то что большая часть наследия К.Маркса считается к настоящему моменту устаревшей, понимание им истории в социально-экономическом аспекте считается некоторыми философами вполне актуальными и на сегодняшний день. Так, представитель концепции евразийства, русский философ А.Г.Дугин полагает, что в современном историческом процессе следует выделить в качестве главных субъектов «Труд и Капитал» [11, с. 12]. Труд он понимает как созидательное, светлое начало, позволяющее человеку стать самим собой, приблизиться к совершенству. Однако внутри Труда есть его теневая сторона, связанная с отчуждением труда, эксплуатацией, именуемая Капитал. Труд и Капитал в этой концепции противостоят друг другу, на что уже обращал внимание К.Маркс. В первобытной истории это первобытный труженик и родоплеменная знать; в истории Древнего мира рабовладелец и раб; в истории Средних веков феодал и зависимый крестьянин; в истории Нового времени капиталист и пролетарий. Теория Капитала, по К.Марксу, изложена Адамом Смитом в английской либеральной политической экономии. Доктрина Труда в творчестве самого К.Маркса. Согласно А.Г.Дугину, Труд и Капитал ведут между собой борьбу, которая и определяет все содержание истории. Однако пролетарские революции не возникли во всех странах как цепная реакция на революцию в России, поэтому борьба Капитала с Трудом приобрела в дальнейшем форму битвы некапиталистических стран против капиталистических, а в своем апогее СССР против США.

В геополитической реальности А.Г.Дугин также обнаружил два субъекта истории в аспекте политической географии. «Речь идет о двух геополитических субъектах – Море (талассократии) и Суше (теллурукратии). Им синонимична иная пара: Запад – Восток... как цивилизационные блоки» [11, с. 26]. По мнению А.Г.Дугина, во второй половине 20 века Море нашло свое отражение в США и НАТО, а Суша – в социалистических странах. Объединяя экономическую и геополитические теории, А.Г.Дугин видит их общую траекторию. Труд связан с Сушей и Востоком, а Капитал – с Морем и Западом. Исходя из этого, после поражения СССР в «холодной войне» Капитал нанес поражение Трудом, и современность представляет собой однополюсный мир победившего Капитала, о котором пишет Ф.Фукуяма.

К экономической и геополитической борьбе можно также прибавить борьбу «макроэтносов» как субъектов истории. В этой борьбе А.Г.Дугин противопоставил Романо-германский мир и Евразийский мир. При этом судьба Романо-германского мира связана с Морем и Капиталом, а судьба Евразийского мира с Сушей и Трудом. Если добавить сюда противостояние религий, то можно добавить уже описанную выше борьбу западно-христианских конфессий против православия, ислама и буддизма. Если православие, ислам, буддизм связаны с Трудом, Сушей и евразийскими этносами, то западно-христианские конфессии с Капиталом, Морем и романо-германскими народами.

Таким образом, мировая история представляет собой противостояние экономических, геополитических, этнических и религиозных субъектов, соединенных между собой, в котором России отводится важнейшая роль. Россия для Дугина представляет ядро противостояния коллективному Западу. Это противостояние не случайно, а обосновано всеми, перечисленными выше факторами, то есть соединениями траекторий различных субъектов истории, а поэтому нынешнее обострение отношений России и Запада и военное противостояние не случайно, но обосновано. Русская философия внесла значительный вклад в объяснение феномена противостояния Западной и Российской цивилизации, которую можно называть и евразийской, если применять методологию Леонтьева и Дугина.

Автор статьи предлагает дополнить исследование данной проблемы, исходя из методологии, нашедшей свое отражение в работах немецкого философа Х. Хофмайстера и советско-канадского ученого О.А.Арина (Алекса Бэттлера). Согласно этой методологии ключевым понятием, объясняющим сущность любого противостояния, является понятие силы, являющееся фундаментальным основанием бытия, способным объяснить любую форму человеческой деятельности, в том числе и борьбу. Именно борьба является тем феноменом, на который обратил свое внимание Гераклит и Г.В.Гегель и которую обнаруживает в различных субъектах истории А.Г.Дугин. Однако борьба не является чем-то случайным и необъяснимым, она существует благодаря силе. Данная методология сводится к пониманию того, что всякое сущее есть сила [12]. Более подробно эта позиция рассмотрена в статье «Метафизика войны» [13]. Согласно А.Бэттлеру, «именно мысль и есть сила человека» [14, с. 229]. Сила обладает двумя неотъемлемыми свойствами: активность и стремление к росту. Именно эти свойства силы приводят к борьбе. Если весь мир – это мир сил, каждая из которых стремится к росту и активно себя проявляет, то такой мир обречен на борьбу, которая становится судьбой мира. Такие понятия, как организация, ресурсы, количество людей, территория, невозможно воспринимать правильно без осознания феномена силы. Ресурсы (экономика) подпитывают материальные силы общества. Организация способна мобилизовать разделенные силы с помощью политических, религиозных, ценностных установок. Нарастанием силы можно объяснить формирование крупных социально-политических объединений в виде государств и их союзов. Чем сильнее организация, тем она активнее и тем больше стремится к росту.

Если описать исторический процесс с помощью силовой концепции, то после Второй мировой войны в мире сложилась так называемая биполярная система, в которой существовало два мощных полюса силы. Борьба этих двух сил была неизбежна, но она не привела к сокрушительному поражению одной из них. СССР уступил Западному миру свое политическое влияние на страны Восточной Европы, но сохранил свою мощь в России, которая оставалась сильной, благодаря своим размерам, ресурсам, численности населения и ядерному оружию. Запад в лице США и их союзников стремился различными способами ослабить Россию как экономически и политически, так и в плане духовной культуры. США способствовали формированию террористических организаций с сепаратистскими настроениями с целью сокращения территории и численности России. Также США с помощью внедренных иноагентов пытались внедрить в России сырьевую экономику, в которой не будет развиваться высокоинтеллектуальный сектор, не востребован будет и научный потенциал, в то же время Россия должна была стать дешевым поставщиком ресурсов, получающим в ответ дорогие продукты западного технического производства, которыми смогут воспользоваться лишь немногие. Такие экономические условия должны были ослаблять Россию и демографически. Одновременный удар был нанесен и по духовным и культурным силам России. Пропаганда насилия, секса и индивидуализма должны были лишить русских духовной силы, разобщить общество, подготовить к дальнейшему распаду.

Этот замысел всецело основан на идее силы и стремления ослабить противника с целью собственного силового роста. Побеждая Россию, Запад стремится продлить свою жизнь за счет поглощения сил России, ее территорий, ресурсов, населения. Этот замысел был раскрыт патриотически настроенными силами внутри нашей страны, после чего начались шаги по укреплению России. На первом этапе была достигнута победа над сепаратизмом и господством Запада в СМИ России. Затем Россия сумела выплатить внешние долги и укрепить вооруженные силы. Развитие аграрного сектора

экономики привело к тому, что Россия выдвинулась на лидирующие позиции по производству сельскохозяйственной продукции. Развитие ВПК позволило начать завоевывать рынок продажи вооружений. Строительство новых газо- и нефтепроводов дало толчок к дальнейшему развитию и росту сектора продажи энергетических ресурсов. Все эти шаги по усилению России не были не замечены на Западе. Тенденция к усилению России не входила в планы Западных политиков, поэтому и столкновение сил было неотвратимым.

Стремление к росту силы приводит к гегемонии. Войны, начиная с Александра Македонского и Чингиз-Хана и до наших дней, велись с целью получения безграничной силы. Сила, которой наделены все люди в ограниченном количестве, притягивает к себе человечество, становясь ценностью. Антиподом силы является слабость, которая также в аксиологическом значении становится антиценностью. Исторический процесс, понимаемый как борьба сил, уводит нас от субъективного измерения, показывая развитие истории объективно. Сила приводит к активности, росту, выживаемости. Логика слабости носит обратный характер: пассивность, распад и смерть. Противостояние России и Западной Европы может привести к гибели одной из двух противоборствующих цивилизаций или к их взаимному ослаблению в пользу третьей, более сильной и мудрой, находящейся в ожидании. В период борьбы все силы находятся в состоянии повышенной активности, каждый неверный шаг может привести к более сильной эскалации. Важно, чтобы мир, понимаемый как все человечество, не пришел к идее взаимного уничтожения и полного ослабления, вернув нас в каменный век.

Список литературы

1. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Составление и комментарии А. В. Белова. Отв. ред. О. А. Платонов. Изд. 2-е. – М.: Институт русской цивилизации, Благословение, 2011. – 816 с.
2. Тойнби А. Дж. Постигание истории. Пер. с англ. Е. Д. Жаркова. – М.: Айрис-пресс, 2010. – 640 с.
3. Тоффлер Э. Война и антивоина. – М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. – 412 с.
4. Леонтьев К. Н. Славянофильство и грядущие судьбы России. Сост., вступит. ст., указ. имен и коммент. А. В. Белова. Отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – 1232 с.
5. Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. Том первый. – Москва. Университетская типография на страстном бульваре, 1900. – 408 с.
6. Замалеев А.Ф. Курс истории русской философии. Учебник для гуманитарных вузов. – М.: Издательство Магистр, 1996. – 352 с.
7. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. – М.: АСТ: Ермак, 2005. – 588 с.
8. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. №1. – С. 35.
9. Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма. – М.: Издательство АСТ, 2022. – 224с.
10. Сталин И.В. Сочинения. Том 3. – М.: ОГИЗ Государственное издательство политической литературы, 1946. – 427 с.
11. Дугин А.Г. Философия войны. – М.: Яуза, Эксмо, 2004. – 256 с.
12. Хофмайстер Х. Воля к войне, или бессилие политики. – Спб.: ИЦ Гуманитарная Академия, 2006. – 288 с.
13. Гулевский А.Н. «Метафизика войны» // Вестник Калмыцкого университета. 2021. №2. – С. 76–86.
14. Бэттлер А. Общество: прогресс и сила (критерии и основные начала). Второе издание, Нью-Йорк, 2018. – 380 с.

И.И. Гуляк, Г.В. Смагина

Ставропольский государственный аграрный университет

ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ СВОБОДЫ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЧЕЛОВЕКА В ГОСУДАРСТВЕ

Рассмотрены особенности решения проблемы «личной свободы» и «коллективной свободы», а также соотношения между свободой и ответственностью человека. Проведён философский анализ различных точек зрения по данной проблематике. Структурно изложены уровни духовной и гражданской свободы индивида в социальной среде. Сделана попытка проанализировать историческое становление свободы общественных отношений изложенных в трудах западноевропейских просветителей Дж. Локка и Ш.Монтескье. Подробно освещена концепция К.Поппера, утверждавшего, «что в обществе не может быть» как абсолютной свободы, так и узурпированной властью свободы индивида. Сделан вывод о том, что современное понимание свободы сопряжено со смыслом жизни большинства людей.

Ключевые слова: *свобода, ответственность, индивид, закон, либерализм, демократия, частная собственность, парадигма, граница свободы, государство, мораль, норма.*

I.I. Gulyak, G.V. Smagina

Stavropol State Agrarian University

PHILOSOPHICAL PROBLEM CORRELATION OF FREEDOM AND RESPONSIBILITY OF A HUMAN IN THE STATE

The article discusses the features of solving the problem of “personal freedom” and “collective freedom”, as well as the relationship between freedom and responsibility of a person. A philosophical analysis of various points of view on this issue has been carried out. The levels of spiritual and civil freedom of an individual in the social environment are structurally stated. An attempt is made to analyze the historical formation of the freedom of social relations described in the works of the Western European Enlighteners like J. Locke and C. Montesquieu. The article describes in detail the concept of K. Popper, who asserted that “there cannot be in society” both absolute freedom and the freedom of the individual usurped by power. The conclusion is proposed that the modern understanding of freedom is associated with the meaning of life for most people.

Key words: *freedom, responsibility, individual, law, liberalism, democracy, private property, paradigm, border of freedom, state, morality, norm.*

Философская категория «свобода» во все эпохи существования общества как особого типа мировоззрения человека была актуальна и относилась к глобальным проблемам человечества. Понятие свобода интерпретируется с различных точек зрения. Например, в бытовом понимании этимология слова свобода представлена как отсутствие каких-либо ограничений, способных каким-то образом кардинально повлиять на поступки и поведение человека: власть родителей над ребёнком, мнение окружающих, распоряжение руководителя, морально-этические нормы, сложившиеся в обществе, законы и т.п. Свобода человека обусловлена отсутствием внешних ограничений и внутренней детерминированности.

Особое место в понимании свободы занимает проблема духовной свободы, непосредственно связанная с миропониманием, убеждением, свободой слова и т.д. Неординарная роль в понимании духовной свободы отражается в законодательных актах

государства, свобода совести, свобода вероисповедания. Эта категория позволяет субъекту право выбора устанавливать индивидуальный «образ» жизни со своим отношением к нормам права, религии, понятию чести и достоинства, деловой репутации. Уровень духовной свободы человека гарантирует существующий в социуме комплекс прав и обязанностей. В общепринятую международную систему культурных прав входит право на получение образования, доступ к культурному наследию государства, свобода творческой деятельности.

Кроме духовной свободы, в обществе имеет место быть гражданская и политическая свобода. По своей структуре эти категории располагают сложной системой норм, принципов и гарантий. Политическая свобода основана на праве каждого гражданина избираться в любые органы государственной власти. Гражданская свобода учреждена на праве использовать духовные, политические, экономические и иные права, существующие в государстве. Таким образом, гражданские права человека являются одними из высших ценностей в государстве.

Свобода основана на общепринятых в научной среде функциях, позволяющих личности участвовать в общественной жизни. Функции свободы формируются в конкретной исторической эпохе и оказывают непосредственное влияние на человека посредством существующих государственных норм, обуславливающих развитие социума.

Прогрессивность свободы личности определяется уровнем и наличием в государстве норм поведения, закреплённых на конституционном уровне. Свободу возможно рассматривать с различных сторон и философских парадигм. С одной стороны, она указывает на статусное положение личности в обществе, с другой, проявляется при исполнении норм и правил в отношении других людей.

Взаимообусловленность между свободой и обязательством личности имеет пропорциональную зависимость: чем большей свободой обладает человек в обществе, тем большую ответственность оно ему предъявляет. Наиболее теоретическое обоснование категории свободы представлено теоретиками либерализма.

Расцвет либерализма, как прогрессивная идеология, приходится на середину XVIII столетия, благодаря трудам великих западноевропейских просветителей Дж. Локка и Ш.Монтескьё. В своих трудах философы особое внимание уделяли свободе человека в общественных отношениях. Дж. Локк один из первых сделал попытку теоретически обосновать возможность законодательно закрепить на государственном уровне свободу человека (вне зависимости от его происхождения и статуса в обществе), неприкосновенность частной собственности и всемерную охрану жизни человека. Философ полагал, что наличие собственности у людей предполагает главную потребность субъекта в обществе. Дж. Локк писал, что естественным правом человека была «тяга» к частной собственности, что определено самой природой личности как эгоистичной натуры [1, с. 240].

Истинность свободы предполагает наличие и возможность человека распоряжаться собственностью и своими творческими способностями по собственному желанию, но с приоритетом равнозначных форм ответственности перед обществом.

Либералы полагают, что общество необходимо формировать на равноправии всех граждан, особенно в экономических отношениях, где труд работника должен быть гарантирован для применения творческих умений на благо государства. «Европейский рабочий сегодня живёт в более благоприятных и приемлемых внешних условиях, чем жил, когда-то египетский фараон, несмотря на то, что фараон управлял тысячами рабов, в то время как рабочий не зависит ни от чего, кроме силы и умения своих рук» [2, с. 86].

Предложенные либералами основополагающие принципы к началу XX века были включены в принятые конституции большинством европейских государств.

С позиции материалистической теории развития общественных отношений немецкие экономисты К.Маркс и Ф.Энгельс, определяли уровень свободы личности посредством развития производительных сил и производственных отношений, в непосредственной связи с классовым делением общества на богатых и бедных. Тем самым для обретения свободы человеком в таком обществе необходимо учитывать уровень развития способа производства. По мнению К.Маркса, для обретения гражданином наивысшей степени свободы необходимо убрать из общественных отношений частную собственность. Это позволит любому человеку вне зависимости от его экономического статуса в государстве эксплуатировать друг друга, для получения различного уровня материальных благ. Либералы призывают к тому, чтобы государственные органы власти свою основную задачу «видели» в области предоставления максимальных прав и свобод человека и в полном объёме их использовать на основе законов, по собственному усмотрению.

К.Поппер утверждал, «так называемый парадокс свободы показывает, что свобода в смысле отсутствия какого бы то ни было ограничивающего её контроля должна привести к значительному ограничению, так как даёт возможность задире поработить кротких» [3, с. 328]. Оппоненты К.Поппера соглашались с некоторыми его идеями, сформулированными в том, что существует неразрывная связь между свободой и ответственностью. Свобода человека предполагает не только возможность, но и определённый спектр обязанностей, для того чтобы не преступать свободу другого человека. Томас Гоббс утверждал, что общество обязано устанавливать границы не только для человека, но для и всего общества, в том числе и государства, иначе жизнь людей станет «мерзкой, грубой и короткой»; не было бы условия свободы» [14, с. 407]. К.Поппер писал: «... догму, согласно которой экономическая власть является корнем всех зол, следует отвергнуть». Её место должно занять понимание опасностей, исходящих от любой формы бесконтрольной власти. Деньги... становятся опасными, только если на них можно купить власть...

Мы должны осознать, что контроль за физической властью и за физической эксплуатацией является главной политической проблемой... как только мы оказываемся способными использовать формальную свободу для контроля за политической властью, всё остальное ложится на нас самих» [4, с. 150].

Тем самым философ полагал, что для полной свободы личности необходим единственный государственный строй, которым является демократия власти и народа. Свою позицию К.Поппер основывал на том, что приоритетом в государстве должна стать доктрина всемерной защиты «свободы личности» от любых посягательств на её как внутри общества, так и извне [6, с. 164].

Эту парадигму попытался опровергнуть британский философ-марксист М.Корнфорт. Он полагал, что индивидуализм сопряжён с коллективной ответственностью, который имеет место только при демократическом государственном устройстве. Свою концепцию философ обосновывал на возможности коллективного принятия важных решений и задач, стоящих перед обществом в конкретную историческую эпоху. Организованность масс основывается на принятии эффективных предложений по решению «насуточных» задач, исходящих от конкретных индивидов.

Для повышения уровня результативности по принятию коллективной ответственности необходимо создать реально действующие демократические органы, доминирующие над ответственностью конкретного человека. Однако она (коллективная

ответственность) основана на личной обязанности каждого члена общества, являющегося субъектом различных органов или организаций людей [9, с. 578].

Эта теория предполагает, что уровень ответственности имеет связь с границами свободы как индивида, так и общества. По мнению М. Корнфорта, уровень свободы человека определяется его экономическими правами и политическими обязанностями.

Для конкретного индивида нет достаточных условий и оснований по принятию им важных решений: «Мы хотим ввести формы принятия коллективной ответственности и коллективных решений. Причиной, почему мы хотим этого, является то, что индивиды существуют и могут существовать лишь в рамках общественного производства средств к жизни» [12, с. 451].

Противоположное мнение высказывает К. Поппер, полагающий, что индивидуальное решение должно приниматься на общественном уровне совместно с ответственностью последнего.

Большинство учёных полагают, что данные теории, рассматривающие отношения между личностью и обществом, несмотря на их противоречивый характер, имеют как положительные, так и отрицательные стороны. Нет необходимости отдавать приоритет какой-либо конкретной стороне в контексте данного рассуждения. Взгляд К. Поппера на категорию «свобода» имеет свою актуальность и в настоящее время, так как устанавливает ответственность личности перед обществом, не перекладывая ответственность за собственные ошибки на общество.

Теория М. Корнфорта заключается в том, что, наряду с индивидуальной ответственностью, важную роль играет коллективная ответственность, основанная на индивидуальной. Эти противоположные концепции как нельзя лучше дополняют друг друга в современном изменяющемся обществе, что даёт «пищу» для дальнейшего научного исследования феноменов «личная свобода» и «коллективная свобода».

Особого внимания заслуживают работы в области неолиберализма К. Поппера и Ф. Хайека, которые адаптировали либеральные принципы к современным реалиям жизни человека [7, с. 100].

По мнению К. Поппера, общество состоит из «множества людей, которые или совсем не вступают в непосредственные личные связи, либо вступают в них очень редко, или живут в скрытности и в одиночестве, а следовательно, в несчастье» [3, с. 148]. Это может привести к деградации общества, что может стать следствием исчезновения как «природной единицы». В настоящий период времени большинство людей испытывают необходимость в личном общении и не зависят от существующих коммуникативных систем, предлагающих разнообразные варианты общения между индивидами.

Таким образом, философ считает, что облик современного общества должен быть организован на неприятии предвзвешенных, искажении реальности (фейковые новости) и произвола государства над личностью.

Современное развитие экономических отношений в странах западной Европы в основе своей были «построены» на нигилистичном отношении к инициативе человека на производстве. Как ни парадоксально, но данная экономическая парадигма эффективно работает на производстве и даёт свои положительные результаты. Тем не менее Ф. Хайек полагает, что принцип общественных отношений должен основываться на «свободе» человека. В определении категории «свобода» философ рассматривает как максимальное предоставление государством прав человеку и гражданину. Ф. Хайек пишет: «Ведь свобода предполагает развитие индивидуализма» [5, с. 36].

Ещё одной важной по значимости в отношении категории «свобода» является понятие «индивидуализм». Большинство философов под индивидуализмом понимают возможность человека в «полном» объёме реализовать все свои трудовые или творческие возможности, без всяких ограничений со стороны общества и государства. Современная цивилизация обусловлена торговыми связями различного уровня и демократическим развитием рыночных отношений. Свобода рыночных отношений является локомотивом в научной деятельности, появлении новых технологий и механизмов, что значительно увеличивает доходы человека. Идея естественной свободы за последние десятилетия является повседневной и всеобщей необходимостью в жизнедеятельности гражданина. Рассматривая идеи К.Поппера и Ф.Хайека, можно сделать вывод о том, что свобода личности – возможность и право каждого обладать частной собственностью, по своему усмотрению применять творческие способности, использовать права и нести конституционные обязанности, установленные в конкретном обществе [11, с. 34].

Проблема взаимосвязи свободы и право индивида на частную собственность в равной мере применима как для тех, у кого она есть, так и для граждан, не имеющих таковую. К сожалению, реализовать полностью все гарантии по соблюдению прав человека и гражданина не удалось ни в одном современном государстве. Это связано с различными негативными процессами, происходящими в политике и экономике развитых европейских государств и прежде всего в США, стремящимися к «однополярному» миру и доминанте во всех областях жизнедеятельности иностранных государств и народов в мировой экономике.

До недавнего времени Великобритания считалась эталоном либерализма во всех общественных отношениях и по своей сути является до сих пор одной из крупных экономических колоний, взяв под свой контроль большинство государственных мировых экономик, обозначая их «заморскими территориями».

Развитые государства в своих политических и экономических доктринах «включают» созданные на протяжении многих столетий либеральные традиции, основанные на свободе человека. По мнению учёных, занимающихся данной проблемой, одним из недостатков либеральной доктрины является приоритет общественной свободы как главной ценности человека, игнорирующий при этом политические, экономические и иные свободы в обществе.

Социализация человека происходит благодаря его общественной деятельности, на основе навыков и способностей. Вне социальных связей существование личности невозможно и не имеет никакого смысла. Индивид ощущает огромную потребность в общении и сотрудничестве с себе подобными, равно как и общество испытывает необходимость в каждом человеке, вне зависимости от его статуса или возможностей производить благо. Однако, используя способности, личность обладает определённым объёмом предлагаемым государством свобод, что непременно ограничивает интересы и возможности окружающих людей. Возникает проблема, связанная с необходимостью регулирования деятельности человека и алгоритмов поведения возможного и запрещённого, в конкретной жизненной ситуации. Законодательство различных государств по данной проблеме разнообразно, в некоторых случаях и противоречиво. Существуют законы, оказывающие влияние на сферу политических, экономических, уголовных, гражданских, административных, религиозных и других отношений.

Помимо этих норм, имеется большое количество социально-нравственных норм, учреждаемых обществом и поощряемых государством, среди которых важное место занимают долг, честь, совесть, мораль и т.д. Свобода воли – ценность, позволяющая

индивиду определять по собственному усмотрению правила и нормы поведения среди окружающих людей. Благодаря ей личность устанавливает собственные ценностные ориентиры, основанные на закономерностях развития природы и социума.

Законы природы оказывают влияние на обычаи, традиции и нормы поведения человека, но общество ещё бессильно повлиять на ход этих явлений. В общественных законах, в отличие от природных, всё это происходит наоборот. Каждый человек и его окружение ежедневно «творят» историю народа и государства, в котором они живут. История как необходимость не может развиваться без деятельности людей, обладающих обусловленным уровнем свободы и способностью человека, группы людей и общества определять важные задачи и стремиться решать их. Свобода воли человека невозможна без комплекса ограничительных мер, созданных в обществе – иными словами, чувство ответственности за нормы поведения в обществе. Ответственность – социальная категория, формирующая уровень и границы свободы личности для достижения всевозможных целей. Необходимый тип ответственности отражает нормы, определяющие взаимоотношения между человеком и обществом [15, с. 187]. Моральная ответственность охватывает большой спектр отношений среди индивидов, начиная от ответственности перед родителями и заканчивая ответственностью перед государством. Все эти общественные объединения требуют от личности адекватного отношения к окружающим людям и воспитывать способность предвидеть положительные и отрицательные результаты собственного поведения.

В философии и социологии существуют теории, основанные на различных типах социальной ответственности, среди которых наибольшее значение для человека и общества являются политическая и социальная ответственность [8, с. 108]. Категории «свобода» и «ответственность» – две составляющие сущности осмысленной и целеполагающей деятельности человека. Они в любой форме направляют личность на продуктивную и нужную деятельность для достижения поставленной перед ней общественной цели [10, с.16].

В данном контексте сложился симбиоз, свобода не существует без ответственности, ответственность определяет уровень свободы. Кроме того, свобода личности не может быть без ответственности человека за поступки, чем большей свободой обладает субъект над другими, тем выше уровень ответственности перед обществом. Верное понимание личной свободы человеком – задача не только личности или группы людей, а приоритет государства.

Тем самым ограниченность свободы человека является необходимым условием существования общества как единого «целостного» организма, поэтому государство устанавливает необходимый объём обязанностей, без которых невозможно вести диалог о свободе. Ограниченность личности даёт возможность ощутить и осознать ценностный уровень свободы. Русский философ Н.А.Бердяев полагает, что «необходимость» имеет две стороны, с одной, она есть создатель границ свободы, с другой, чрезмерный контроль со стороны любой власти или общества приведёт неминуемо к её злоупотреблению [13, с. 370].

Категория «необходимость» по своей сущности близка к «ответственности». Если часть людей создает условия для собственной свободы, не учитывая интересы других членов общества, это приводит к социальным конфликтам, а в иных ситуациях и революциям или государственным переворотам [16, с. 155]. Для стабильных отношений в обществе необходимо соблюдать баланс между социальным уровнем свободы для личности и её ответственностью перед ним.

Таким образом, свобода человека – не только возможность реализовывать свой трудовой, научный или творческий потенциал, но и необходимость соблюдать права других людей и исполнять государственные законы. Проблема «границ» свободы человека находится в русле взаимоотношений между человеком, обществом и государством.

На современном этапе развития либерализма свобода человека понимается как одно из главных средств достижения смысла жизни. От уровня предоставляемой свободы личности зависит исторический путь и перспектива государственного развития народов и наций. Свобода человека формируется на основе владения частной собственностью и возможности применять свой профессионализм на благо развития общества. Либеральная идеология сформирована на неукоснительном соблюдении прав и свобод человека и всемерной их защите всеми существующими государственными органами.

Список литературы

1. Локк Дж. Сочинения в 3 т. / Локк Дж. – М., 1988. Т. 3. – 668 с.
2. Мизес Л. Либерализм в классической традиции / Л. Мизес. – М.: Начала-Пресс, 1994. – 239 с.
3. Поппер К. Открытое общество и его враги / пер. с англ. В.Н. Садовского. – М.: Феникс, 1992. Т. 1. – 448 с.
4. Руссо Ж.-Ж. Трактаты / Ж.-Ж. Руссо. – М.: Наука, 1969. – 704 с.
5. Хайек Ф. А. Дорога к рабству / Ф.А. Хайек. – М.: Нов. изд-во, 2005. – 264 с.
6. Шельгорн Д.С. Эволюция представлений о свободе человека в философской мысли античности и нового времени // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 17 (346). – С. 163–169.
7. Черкесов Б.А. К вопросу о проблеме соотношения свободы и власти // Современные наукоемкие технологии. – 2006. – № 3. – С. 99–101.
8. Золотарев С.П. Основы либерализма как идеологема современной научной методологии в социальной философии / С.П. Золотарев. Вестник Калмыцкого университета. 2019. № 2 (42). – С. 107–114.
9. Золотарев С.П., Золотарева Т.Н. Возникновение и развитие либерализма в России / С.П. Золотарев, Т.Н. Золотарева Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2018. Т. 45. № 3. – С. 573–580.
10. Золотарев С.П. Соотношение политики и классической либеральной теории в современной России / С.П. Золотарев В сборнике: Российский патриотизм: традиции и современность. 2013. – С. 15–20.
11. Киссель М.А. Дороги свободы Ж.- П. Сартра // Вопросы философии. 1994, №11. – С. 34–46.
12. Корнфорт М. Открытая философия и открытое общество / М. Корнфорт. – М.: Прогресс, 1972. – 531 с.
13. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества / Н.А. Бердяев. – М., 1989. – 608 с.
14. Гоббс Т. Сочинения в 2 т. Т. 1 / Пер. с лат. и англ.; Сост., ред. изд., авт. вступ. ст. и примеч. В. В. Соколов. – М.: Мысль, 1989. – 622 с.
15. Ореховский А. И. Философия ответственности: монография. – Новосибирск: Издво СибГУТИ, 2013. – 227 с.
16. Степанов А.Г. Факторы социальной детерминации системы социально-исторического познания // Вестник Чувашского университета. – 2011. – № 1. – С. 154–160.

З.А. Жаде, Б.З. Гвашева, Л.А. Шадже
Адыгейский государственный университет

МНОГОУРОВНЕВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ОЦЕНКАХ НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА АДЫГЕИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках государственного задания на НИИР Адыгейского государственного университета по проекту № FENZ-2022-0001 «Региональная политика идентичности в условиях современных геополитических и социокультурных вызовов (на примере Республики Адыгея и Краснодарского края)»

В статье на основе экспертного опроса, проведенного в 2022 г. в Республике Адыгея, анализируется содержание понятий «национально-гражданская идентичность», «региональная идентичность» и «этническая идентичность»; исследуется соотношение понятий «государственно-гражданская идентичность» и «национально-гражданская идентичность». Особое внимание обращается на оценку экспертным сообществом восприятия политической элитой Республики Адыгея стратегической цели государственной национальной политики. Оцениваются факторы, влияющие на позитивные и негативные взаимодействия идентичностей в Адыгее. Делается вывод о том, что в условиях мира и экономической стабильности все уровни идентичности совместимы и взаимодополняемы.

Ключевые слова: *многоуровневая идентичность, государственно-гражданская идентичность, национально-гражданская идентичность, региональная идентичность, этническая идентичность, политика идентичности, экспертная оценка, национальная политика, Республика Адыгея.*

Z.A. Zhade, B.Z. Gvasheva, L.A. Shadzhe
Adygea State University

MULTILEVEL IDENTITY IN THE ASSESSMENTS OF THE SCIENTIFIC COMMUNITY OF ADYGEA

The research was carried out with the financial support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation within the framework of the state assignment for the research of the Adygea State University under the project No. FENZ-2022-0001 "Regional identity policy in the context of modern geopolitical and socio-cultural challenges (on the example of the Republic of Adygea and Krasnodar Krai)"

The article analyzes the content of the concepts of "national-civil identity", "regional identity" and "ethnic identity" based on expert survey conducted in 2022 in the Republic of Adygea. The researchers study the relationship between the concepts of "state-civil identity" and "national-civil identity". Particular attention is drawn to the assessment by the expert community of the perception by the political elite of the Republic of Adygea of the strategic goal of the state national policy. The factors influencing positive and negative interactions of identities in Adygea are assessed. It is concluded that in conditions of peace and economic stability, all levels of identity are compatible and complementary.

Key words: *multilevel identity, state-civil identity, national-civil identity, regional identity, ethnic identity, identity politics, expert assessment, national policy, Republic of Adygea.*

Сегодня в меняющемся мире концепт идентичности и идентитарные исследования, в которых осмысливается многоликий феномен, заняли прочную позицию [15, с. 18]. Многолетнее изучение идентичности обнаруживает ее сложную природу [8; 17].

На Юге России в последние годы проведено множество экспертных опросов, нацеленных на выявление особенностей взаимодействия и гармонизации разных уровней идентичности [1; 2; 3; 5; 16]. Мы солидарны с мнением коллег в том, что «особый интерес представляют социологические исследования этнокультурной и конфессиональной сферы в регионах России, поскольку социологический мониторинг выступает эффективным инструментом системы государственного мониторинга межнациональных и межконфессиональных взаимоотношений» [4, с. 109]. Концепция многоуровневой идентичности разработана учеными Адыгейского государственного университета, по мнению которых «анализ уровней идентичности показывает, что они могут трансформироваться, могут меняться в силу объективных и субъективных причин, может иметь место «сужение» (или фрагментация) или «расширение» идентичностей» [13, с. 241].

Соглашаясь с Л.М.Дробизевой в том, что сегодня «перед учеными встает задача проанализировать интенсивность и дифференцированность российской идентичности в связи с разными региональными сценариями и этническими полями, а также ее соотношенность с характером межэтнических отношений и вектором консолидационных процессов в поликультурном российском пространстве» [7, с. 27], в данной статье рассмотрим актуализированное в последнее время содержание многоуровневой идентичности.

Эмпирической основой исследования явились результаты экспертного опроса представителей научного сообщества (n=14), проведенного методом полуструктурированного интервью в Республике Адыгея в 2022 г. Опрос проведен с целью, во-первых, определения содержания понятий «национально-гражданская идентичность», «региональная идентичность» и «этническая идентичность»; во-вторых, соотношения понятий «государственно-гражданская идентичность» и «национально-гражданская идентичность»; в-третьих, оценки экспертным сообществом восприятия политической элитой Республики Адыгея стратегической цели государственной национальной политики; в-четвертых, выявления факторов, влияющих на позитивные и негативные взаимодействия идентичностей в Адыгее.

«Национально-гражданская идентичность», «региональная идентичность», «этническая идентичность»: содержание понятий. В проведенном нами опросе, отвечая на вопрос «Как бы Вы определили понятия «национально-гражданская идентичность», «региональная идентичность», «этническая идентичность»? Что входит в их содержание?», эксперты утверждают, что национально-гражданская идентичность подразумевает под собой процесс осознания принадлежности человека к определенной нации. Более того, по мнению одного из экспертов, «ее главным принципом является желание и возможность граждан действовать как единый субъект государства».

В содержание национально-гражданской идентичности заложено свободное отождествление с нацией, позволяющее включить гражданина в культурную, общественную жизнь страны, ощущение причастности к будущему, настоящему и прошлому нации.

Более того, она воспроизводится посредством поддержки чувства сопричастности к государственному строительству: на ретроспективном уровне – «наши деды построили это государство, защитили ... и т.д.», в настоящем – «мы строим его сегодня... (голосуем, боремся за новые институты или отстаиваем старые...), в перспективе – «наши дети продолжат...». Так же ощущение сопричастности к государственным символам, прошлому, ценностям и т.д. (второстепенное значение).

Большинство опрошенных солидарны в том, что преобладающим идентификационным признаком является институт гражданства. В экспертной среде присутствует мнение, согласно которому «национально-гражданская идентичность подразумевает комплекс поведенческих показателей, связанных с пониманием гражданской позиции с правовой и моральной точек зрения, представление о себе как о представителе титульной нации, ответственной за историческое прошлое и современное состояние».

Отдельного внимания заслуживает идея о комплементарности трех типов идентичности. Они не только не противоречат друг другу, а взаимосвязаны, так как их объединяют разного рода правила поведения, обычаи, устои, ментальность, присущие определенной группе, с которой отождествляет себя гражданин. Каждый вид идентичности обладает своими собственными признаками. Национально-гражданская идентичность шире по сравнению с другими видами идентичности и проявляется на другом (более высоком) уровне многоуровневой идентичности.

Касаемо определения региональной идентичности, большинство респондентов трактуют его как узкое понятие, связывающее индивида с его территориальной принадлежностью, которая, будучи вплетенной в систему многоуровневой идентичности, способна стать ресурсом социальной интеграции.

Региональная идентичность предполагает осознание личностью своей территориальной причастности по рождению, проживанию или трудовой деятельности к определенному региону государства. Поскольку региональная идентичность не связана напрямую с национальной принадлежностью, она может фундаментализироваться людьми разных национальностей, проживающих на этой территории / в этом регионе.

Один из экспертов трактует региональную идентичность как «осознанное самоотжествление/принадлежность к определенной территории, в рамках которой воспроизводится ценностный мир человека, осуществляется аутентификация с конкретными культурно-историческими образами, которые актуализируются в границах конкретных пространственно-временных координат».

Более того, она, обладая определенными административными границами, предполагает готовность представлять себя как часть регионального социума за его пределами, а также желание действовать коллективно в интересах региона.

Полярной точки зрения придерживается другой эксперт, по мнению которого «региональная идентичность лишена конкретной параметрической структуры, а следовательно, не обладает мобилизационными свойствами национальной и этнической идентичности».

В свою очередь, этническая идентичность интерпретируется как чувство принадлежности человека к какому-либо конкретному этносу, к какой-либо этнической общности. В более широком смысле она предполагает принадлежность человека к определенной национальности и понимание личностью ответственности за сохранение народных традиций и соблюдение правил жизни в соответствии с действующими обычаями и законами народности.

Ее основой выступает чувство принадлежности к конкретной этнокультурной общности. Отмечается, что «она закладывает в человеке базовые принципы и формы аутентичного мышления, репрезентирует ментальные смыслы, воспроизводящиеся в единой системе социально-исторических и антропологических атрибуций». Ее основу составляют: следование традициям и ценностям своего этноса, сопричастность истории и культуре, языку определенного этноса; наличие индивидуальной и групповой солидарности, возникающей в результате отождествления с определенным этносом; следование нормам этнокультуры; право этноса на самоопределение; определенная культура и быт.

Конкретизируя компоненты этнической идентичности, третий эксперт дифференцирует их в зависимости от субъекта восприятия: «для внешнего наблюдателя – совокупность признаков, которые этнос воспроизводит и транслирует – язык, культура, история, территория, самоопределение, все они, кроме языка, функционируют как конструкт, набор установок самовосприятия. Для внутреннего наблюдателя этническая идентичность – форма родства, базирующаяся на вере в общее происхождение, все атрибуты и функции родства ей присущи».

Мы ранее обосновали, что «в Адыгее, как и в любом другом регионе Северного Кавказа, национально-гражданская, региональная и этническая идентичности сосуществуют по принципу взаимодополняемости и совместимости. Более того, экспертное сообщество солидарно в том, что противоречий или противостояния между уровнями идентичности не наблюдается, поскольку в регионе на протяжении длительного времени сформирован положительный опыт по гармонизации межэтнических и межконфессиональных взаимоотношений» [16, с. 193].

«Государственно-гражданская идентичность» и «национально-гражданская идентичность»: соотношение понятий. В социогуманитарном дискурсе при исследовании структуры общероссийской идентичности учеными выделяются разные ее составляющие. В экспертном опросе при ответе на вопрос «Существует ли, на Ваш взгляд, разница в содержании понятий «государственно-гражданская идентичность» и «национально-гражданская идентичность»? Если да, то опишите, в чем она заключается?» мнения экспертов разошлись.

Большинство опрошенных специалистов убеждены в том, что разница между указанными формами идентичности существует. Разница состоит в том, что в государстве нация может не сложиться, а может и сложиться. Понятие «национально-гражданская идентичность» априори указывает на существование нации. Более того, первая форма идентичности апеллирует к соотношению себя с государством, его институтами, а вторая форма идентичности привязана к нациестроительству, и здесь первичной становится привязка к населению. В первом случае гражданин осознает себя жителем многонационального государства, а во втором – человек демонстрирует принадлежность к нации, а через нее идентифицирует себя как гражданин.

Сторонники второго подхода к осмыслению «государственно-гражданской идентичности» и «национально-гражданской идентичности» указывают на их транзитивный характер. Разница существует и состоит еще в том, что нация, помимо политической коннотации, в отличие от государства, включает в себя еще и социокультурное содержание. Однако, когда речь идет о нации-государстве, разница между понятиями может стираться.

Если исходить из понимания нации и народности, то можно вспомнить, как соотносились эти понятия. Нация отличалась от народности тем, что была в основе государства как формы существования общества, для которой были характерны централизм власти, классовые различия, территориальная общность и т.д. С этой позиции государственно-гражданская идентичность и национально-гражданская идентичность могли быть тождественны. Но современные реалии, характеризующиеся переделом государственных систем, диктуют другое понимание идентичности.

Наконец, приверженцы третьего подхода, который предполагает отождествление государственно-гражданской и национально-гражданской идентичности, указывают на то, что «при их описании возникает проблема семантического разведения однокоренных слов: нация и национальность и осмысления генезиса государственности как

результата развития этничности одного народа, претендующего на роль государствообразующего, в многонациональном государстве». По мнению одного из экспертов, указанные терминологические сложности вырастают из колониального и постколониального дискурсов.

Развивая данную мысль о единстве двух форм идентичности, один из экспертов утверждает, что национально-гражданская идентичность находится внутри государственно-гражданской идентичности, потому как наше государство является многонациональным, в этой связи разделять эти две категории нецелесообразно. Особенно исходя из направлений государственной политики, предполагающей все большее единение народов и этносов. В данном контексте можно говорить о том, что государственно-гражданская идентичность несколько шире по своему содержанию.

По мнению представителя экспертного сообщества, взаимозависимость и вытекающая отсюда тождественность обуславливаются их возникновением в эпоху Просвещения. Данная эпоха характеризовалась возникновением новой формы политической организации: государство – нация. Когда в европейской культуре устоялась данная форма политической организации, гражданская и национальная идентичность стали противопоставляться государственной. В разных политических идеологиях гражданская и государственная обрела свои специфические черты, но их объединяла идея сохранения самостоятельности гражданского объединения в рамках государственного устройства.

Согласно оценкам экспертов, государственно-гражданская идентичность апеллирует к соотношению себя с государством и его институтами, а национально-гражданская идентичность апеллирует к нациестроительству, и здесь первичной становится привязка к населению. В первом случае гражданин осознает себя жителем многонационального государства, а во втором – человек демонстрирует принадлежность к нации, а через нее идентифицирует себя как гражданин.

Восприятие политической элитой Республики Адыгея стратегической цели национальной политики. Разное понимание государственно-гражданской и национально-гражданской идентичности находит отражение в осмыслении научным сообществом региона природы восприятия политической элитой Республики Адыгея стратегической цели национальной политики, состоящей в формировании общероссийской гражданской идентичности и включающей многообразие этнических культур. Также по-разному оценивается степень ее поддержки национально-культурными обществами в республике.

Однако большинство экспертов убеждены в том, что «политическая элита региона и субъекты гражданского общества относятся осмысленно к реализуемой государством национальной политике». Несомненно, что национально-культурные общества в республике поддерживают Стратегию национальной политики, так как ее реализация играет роль мобилизующего фактора, способствующего укреплению гражданского самосознания, этнокультурного развития народов Адыгеи, гармонизации межэтнических отношений, обеспечению государственной безопасности, правопорядка и политической стабильности в обществе, а также повышению имиджа Республики Адыгея. О поддержке региональным социумом стратегии национальной политики и ее положительном восприятии свидетельствует спокойный и благоприятный национально-политический «климат» в Адыгее.

Анализируя данную проблему, следует согласиться с О.В. Поповой в том, что «государственная политика идентичности формирует национальную и гражданскую идентичность населения страны, способствует поддержанию символического единства

граждан и относительно унифицированного восприятия наиболее значимых образов «своего» государства. Одновременно государственная политика идентичности может быть направлена на поддержание и/или разрушение определенных политизированных форм социальной идентичности граждан» [14, с. 86].

Экспертами отмечается, что республиканские власти значительное внимание уделяют политике идентичности в Адыгее. Об этом свидетельствуют и специальные программы по развитию этнической культуры, сохранению языка, поддержке гражданских инициатив, направленных на формирование идентичности и др. Также подчеркивается участие самых многочисленных этносов в сохранении многообразия национальных культур.

Более того, политические элиты Адыгеи в достаточной мере осознают ее значимость и инвариантность. Сама республика является показательным регионом, который посредством сохранения баланса идентичностей на протяжении более 30 лет своего существования демонстрирует этноконфессиональный мир и согласие. Активно продвигается модель многоуровневой идентичности, которая исключает противопоставление и битву идентичностей.

Аналогичную модель позиционирования демонстрируют и национально-культурные общества республики. Косвенно об этом свидетельствует солидарность и сплоченность региональных элит и этнокультурных сообществ Адыгеи в вопросе оценки проводимой спецоперации в Украине. Политическая элита республики довольно старательно формирует общероссийскую гражданскую идентичность, это отражается как в создании такого полинационального культурного поля, кадровой политики и, как следствие, уход от паритета во властных структурах. Вместе с тем, общество в большей степени сохраняет пассивное отношение к этноидентификационным процессам, а деятельность культурных сообществ регламентируются сверху.

Вместе с тем, в экспертном сообществе присутствует позиция, согласно которой укрепление общероссийской гражданской идентичности за последнее десятилетие стало вполне очевидным трендом на уровне региональных политических элит, однако крен сделан в пользу общероссийской государственной, нежели гражданской идентичности. Государственная «машина» демонстрирует стремление к демократическому устройству. В этих условиях и национально-культурным обществам предоставляется достаточное количество форматов и площадок для своего позиционирования, иницируемых и контролируемых государством.

В экспертном сообществе наблюдаются ученые, которые скептически воспринимают роль региональной политической элиты в укреплении национальной политики России. Как утверждает один из экспертов, «скорее всего, политическая элита пишет вверх нужные бумаги и не всегда делает то, о чем говорит на кухне. Однако в целом этнические общности в Адыгее живут довольно обособленно, в некотором смысле безразлично по отношению друг к другу. Это касается практически всех – курдов, татар, косовских адыгов. На уровне рядовых жителей республики существует даже незнание друг о друге. Знание начинается только в случае возникновения конфликтов или в ситуации празднично-фестивальных мероприятий». Отмечается, что поддержка многообразия этнических культур как цель в политической риторике в российском политическом пространстве с конца нулевых окончательно ушла на второй план. Региональные политические элиты в Адыгее пытаются заигрывать с внутриэтническими интеллектуальными элитами в вопросах сохранения, поддержки, развития культурного наследия малых народов Адыгеи. Однако, поскольку от поддержки

интеллектуальной элиты в принципе политические элиты не зависят и вопрос легитимизации региональной власти с ними почти не связан, «решения в решении данного вопроса региональные власти не проявляют».

Обозначая важность стратегической цели национальной политики и ее наличие в программных документах, представитель экспертного сообщества выражает сомнения в том, что какой-то значительный государственный ресурс будет направлен на ее реализацию в текущих условиях.

Как мы ранее обосновали, «в настоящее время республиканскими институтами власти и гражданского общества накоплен значительный опыт выстраивания политики идентичности, опыт в упрочении межэтнического и межконфессионального взаимопонимания и согласия народов Адыгеи. Вместе с тем существенной и актуальной задачей остается дальнейшее выстраивание эффективной модели национально-гражданской идентичности в регионе» [9, с. 17].

Позитивные и негативные взаимодействия идентичностей в Адыгее. Данная проблема не раз становилась предметом исследования ученых Юга России [5; 6; 10; 11; 12]. В проведенном опросе, оценивая факторы, влияющие на позитивные и негативные взаимодействия идентичностей, эксперты разошлись во мнениях. Главный фактор, который как позитивно, так и негативно может сказаться на взаимодействии идентичностей, – это социально-экономические условия развития региона. Чем ниже уровень жизни населения региона, тем выше напряженность, что сказывается на вопросах идентичности. Решающую роль в ее ослаблении играет позиция политической элиты и активной общественности. Двойственным характером обладает и информационная среда, которая транслирует определенный социокультурный опыт межэтнического взаимодействия. Бинарной природой духовной жизни регионального социума обладают социокультурные факторы, способные выстраивать иерархию идентичностей.

Одни из экспертов утверждают, что «региональная идентичность во многом подпитывается этнической для этноса, давшего название республике». Последняя рассматривается как символ национального/этнического самоопределения. Для других этносов республики региональная идентичность строится на иных основаниях – принадлежности к теплому, спокойному, бесконфликтному миру, олицетворяющему собой некую мечту благородного и созидательного труда, способствующего богатому урожаю, сытой, безопасной жизни, патерналистского мировоззрения. Последнее как раз подчеркивает позитивное взаимодействие национально-гражданской и этнической, да и региональной идентичностей.

На позитивные взаимодействия идентичностей также влияет опыт многолетнего построения межконфессионального и межэтнического мира в Адыгее, созидательный потенциал традиционной культуры, политика России по поддержанию и развитию этнических культур. К числу позитивных факторов указанного взаимодействия эксперты относят взаимоуважение и солидарность народов, а также проводимую региональными властями политику.

В качестве факторов, влияющих на негативные взаимодействия идентичностей, выделяют отсутствие экономической и социокультурной стабильности, ограниченность доступа к политическим, экономическим, образовательным ресурсам. Уточняется, что «отсутствие или сокращение этого доступа у различных групп будет приводить к повышению рисков увеличения количества негативных взаимодействий, так как идентичность – основа мобилизационного ресурса, к которому прибегают при возникновении дефицитов, в борьбе за ресурсы (под сокращением нужно понимать, что уменьшение избыточного доступа, тоже приведет к повышению рисков)».

К числу негативных факторов эксперты отнесли некие исторические аспекты, накладывающие отпечаток на современную жизнь этносов и их взаимодействие. Исторические события, каким-либо образом отразившиеся на жизни народа, так или иначе влияют на современные обстоятельства и взаимодействие с другими этносами.

Особо в ряду негативных детерминант взаимодействия идентичностей ученые выделяют «политизацию этноидентификационных процессов, радикализацию общества, социальное расслоение, маргинализацию и космополитизацию регионального социума, активизацию деструктивных религиозных течений и этнорадикалов».

Вместе с тем, опрошенные специалисты делают посыл к возможной трансформации негативных факторов в позитивные. Так, один из экспертов утверждает, что «ясное понимание политических и идеологических идеалов, сформированных в обществе, позволяет устранить негативный характер, который может быть связан с конфликтами между разными уровнями идентичности и отсутствием ясного понимания населением «Кто мы?» и «Куда мы идем?».

Таким образом, в противовес точке зрения наших коллег, согласно которой «сложившаяся иерархия идентичностей в субъектах федерации может быть определена как конкуренция, а не взаимодополнение, вследствие чего идентификационная сфера региона несет в себе риски конфликтов» [1, с. 82], экспертное сообщество Адыгеи солидарно в том, что в условиях мира и экономической стабильности все уровни идентичности совместимы и взаимодополняемы. В региональном экспертном мнении в целом сложилось представление о том, что непротиворечивость идентификационных процессов в итоге приводит к взаимодополняемости различных идентичностей. В Адыгее совместимость всех видов идентичности во всех вариациях, так же, как и в любом другом северокавказском регионе, возможна, актуальна и имеет точки роста.

Список литературы

1. Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В., Гриценко Г.Д., Иванова С.Ю., Шульга М.М. Формирование российской идентичности на Северном Кавказе: институциональные и социокультурные рамки // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. – 2022. – Т. 18. – № 1. – С. 72-86. – doi: 10.21638/spbu23.2022.105.
2. Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В., Гриценко Г.Д., Иванова С.Ю., Шульга М.М. Общероссийская идентичность на Северном Кавказе: опыт экспертной оценки // Вестник Пермского университета. Политология. – 2022. – Т. 16. – № 1. – С. 115-124. – doi: 10.17072/2218-1067-2022-1-115-124
3. Атласкиров А.Р. Проблема становления общероссийской идентичности в многонациональных регионах Северного Кавказа // Политика и общество. – 2021. – № 1. – С. 26-32. doi: 10.7256/2454-0684.2021.1.34728
4. Бадмаев В.Н., Пурэвсүрэн Б. Феномен идентичности и этнокультурное многообразие народов в регионе (по материалам социологического исследования в Республике Калмыкия) // Вестник Калмыцкого университета. – 2019. – № 4. – С. 108–114.
5. Баранов А.В. Этническая идентичность в Адыгее: политические аспекты конструирования в начале XXI в. (по материалам социологических исследований) // Научная мысль Кавказа. – 2014. – № 12. – С. 86–92.
6. Денисова Г.С., Жаде З.А., Клименко Л.В. Особенности региональной идентичности этнических групп населения Республики Адыгея // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, экономика, юриспруденция, политология, культурология». – 2010. – Вып. 3. – С. 74–80.

7. Дробижева Л.М. Общероссийская идентичность и уровень межнационального согласия как отражение вектора консолидационных процессов // Социологические исследования. – 2017. – № 1. – С. 26–36.

8. Дробижева Л.М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. – 2020. – № 8. – С. 37-50. – doi: 10.31857/S013216250009460-9

9. Жаде З.А. Политика идентичности в региональном измерении: кейс Республики Адыгея // Общество: политика, экономика, право. – 2022. – № 8. – С. 13-18. – doi: 10.24158/per.2022.8.1

10. Жаде З.А., Денисова Г.С., Клименко Л.В. Роль этнического фактора в формировании региональной идентичности населения Республики Адыгея // Политэкс. – 2011. – № 2. – С. 87–95.

11. Жаде З.А., Клименко Л.В. Этнокультурные особенности гражданской идентичности молодежи Республики Адыгеи // Социально-гуманитарные и экологические проблемы развития современной Адыгеи: сборник научных статей. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. – С. 46–63.

12. Клименко Л.В. Идентичность населения Республики Адыгея: соотношение общероссийского, регионального и этнического компонентов // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2011. – № 1. – Т. 14. – С. 148–159.

13. Многоуровневая идентичность / З. Жаде, Е. Куква, С. Ляужева, А. Шадже. – Москва: Российское философское общество. – Майкоп: ООО «Качество», 2006. – 245 с.

14. Попова О.В. Государственная политика идентичности как теоретический конструкт и реальная практика: опыт экспертных оценок российских исследователей // Южно-российский журнал социальных наук. – 2019. – Т. 20. – № 4. – С. 74-91. – doi: 10.31429/26190567-20-4-74-91

15. Семененко И.С. Категория идентичности в социальных науках: понятие, когнитивный потенциал, приоритеты исследований // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / ред. И.С. Семененко. – Москва: Весь мир, 2017. – 992 с.

16. Хунагов Р.Д., Жаде З.А. Взаимодействие национально-гражданской, региональной и этнической идентичностей в Республике Адыгея: экспертное мнение // Гуманитарий Юга России. – 2022. – Том 11. – № 4. – С. 188-195. – doi: 10.18522/2227-8656.2022.4.14

17. Хунагов Р.Д., Жаде З.А. Многоуровневая идентичность: опыт исследования на Северном Кавказе // Кавказские чтения (памяти проф. В.В. Черноуса). – Ростов-на-Дону: Изд-во «Фонд науки и образования», 2021. – С. 184–197.

С.А. Нижников¹, Ле Тхи Туэт²

¹Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова

¹Российский университет дружбы народов

²Ван Ланг университет, г. Хошимин, Вьетнам

«СОЦИАЛЬНО ВОВЛЕЧЕННЫЙ БУДДИЗМ» ТХИТЬ НЯТ ХАНЯ В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
№ 19-18-00118, <https://rscf.ru/project/19-18-00118/>*

В статье анализируется концепция «социально вовлеченного буддизма» Тхить Нят Ханя (1926–2022) и то, насколько она может способствовать налаживанию диалога между различными культурами, религиями, духовными практиками. Прежде всего, компаративному анализу подвергаются буддизм и христианство. Вскрывается традиционализм и одновременно модернизм в методологическом подходе Тхить Нят Ханя. Эта модернизация не означает отказа от базовых ценностей и догматов, – она скорее касается методов. Не претендуя на построение новой догматики, но используя современные методы интерпретации традиции, экуменическая позиция Тхить Нят Ханя заключается как в возврате к корням, так и в их переосмыслении на основе принципа осознанности, «здесь и сейчас», совестливости. Только на основе глубокого познания собственной традиции, личностного духовного развития можно понять и принять другого, открыться и вступить в продуктивный диалог. При этом Тхить Нят Хань не стремится всех уравнивать и некритически слить в однородную массу, не стремится и подчинить всех какой-либо одной догматической системе (включая буддизм). Он ориентирован не на форму, а на содержание, не на догмы, а на внутренний опыт, – «горизонтальную теологию». И, действительно, как бы догматически ни различались мировые религии, добродетели святости в них совпадают. И, прежде всего, это сострадание, ненасилие, бесстрашие и др., что указывает на их единую онтологическую основу при всей разнице метафизических систем. На наш взгляд, Тхить Нят Хань исходит из понятия духовного познания, хотя и не использует данный термин. Он обнаруживает общие черты духовного познания в различных учениях, которые он знает из собственного опыта самопознания.

Ключевые слова: диалог культур, компаративный анализ, социально вовлеченный буддизм Тхить Нят Ханя, буддизм и христианство, духовное познание, осознанность, совесть.

S.A. Nizhnikov¹, Le Thi Tuyet²

¹Kalmyk state university named after B.B. Gorodovikov

¹Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

²Van Lang University, Ho Chi Minh City, Vietnam

“SOCIALLY ENGAGED BUDDHISM” THICH NHAT HANH IN THE DIALOG OF CULTURES

*The research is supported by the Russian scientific fund's grant № 19-18-00118,
<https://rscf.ru/project/19-18-00118/>*

The article analyzes the concept of “socially engaged Buddhism” by Thich Nhat Hanh (1926-2022), how it can contribute to establishing a dialogue between different cultures, religions, and spiritual practices. First of all, Buddhism and Christianity are subjected to comparative analysis. Traditionalism and, at the same time, modernism are revealed in Khan's methodological approach. This modernization does not mean a rejection of basic values and dogmas, it rather concerns the methods. Not claiming to build

a new dogma, but using new and contemporary methods of interpreting tradition, Khan's ecumenical position is both a return to the roots and their rethinking based on the principle of awareness, "here and now", conscientiousness. Only based on a deep knowledge of one's own tradition, personal spiritual development, one can understand and accept another; open up and enter into a productive dialogue. At the same time, ThichNhatHanh does not seek to equalize everyone and uncritically merge into a homogeneous mass, nor does he seek to subordinate everyone to any one dogmatic system (including Buddhism). He orients not on form, but on content, not on dogmas, but on inner experience, – "horizontal theology". Indeed, no matter how dogmatically the world religions differ, the virtues of holiness coincide in them. And, above all, it is compassion, non-violence, dispassion, etc., which indicates their common ontological basis, despite the difference in metaphysical systems. In our opinion, the Hanh proceeds from the concept of spiritual knowledge, although he does not use this term. He discovers the common features of spiritual knowledge in various teachings that he knows from his own experience of self-cognition.

Key words: *dialogue of cultures, comparative analyses, socially engaged Buddhism Thich Nhat Hanh, Buddhism and Christianity, spiritual cognition, mindfulness, conscience.*

*Для того, чтобы диалог был плодотворным,
мы должны глубоко переживать нашу собственную традицию
и в то же самое время с глубоким пониманием относиться к другим.*

Если мы живём осознанно, мы всё время встречаемся с Буддой и Иисусом.

Нирвана, Царство Божие доступно здесь и сейчас.

Понимание и любовь – это ценности, которые превосходят все догмы.

Тхить Няч Хань. «Живой Будда, живой Христос»

Введение

Буддизм играет важнейшую роль в истории вьетнамской культуры: появившись в II–III вв. н.э., он продолжает развиваться, несмотря на все существовавшие препятствия в далеком и недалеком прошлом. И в настоящее время до половины населения страны в той или иной степени разделяет учение Будды, прежде всего – махаяны. Однако и у направления тхеравады имеется несколько сотен тысяч последователей, проживающих, прежде всего, на юге Вьетнама [1, с. 913; 9, с. 73–112]. О том, что буддизм во Вьетнаме не является музейным экспонатом, говорит, прежде всего, деятельность монаха Тхить Няч Ханя (Тит Нат Хан – Thích Nhất Hạnh, 1926–2022). Хотя он и прожил многие годы за рубежом, именно его заслугой считается развитие теории и практики так называемого «социально вовлеченного буддизма» («Socially Engaged Buddhism»), относящегося к необуддизму. Он стал продолжателем идей «гуманистического буддизма», получившего развитие в Китае. Согласно Салли Кинг, Тхить Няч Хань стремился выразить свое учение «на языке своеобразной универсальной духовности в большей степени, чем специфической буддистской терминологии» [13, с. 59]. Это способствовало распространению его взглядов как во Вьетнаме, так и на Западе, прежде всего, в США и Франции.

Понятие социально вовлеченного буддизма по ряду публикаций уже известно в русскоязычной исследовательской литературе [4, с. 187; 2, с. 106–122]. Его определяют как «движение в современном буддизме, ставящее своей целью применить учение Дхармы и опыт практики медитации к решению проблем социальной, политической, экологической и экономической сфер жизни с целью способствовать уменьшению присутствующих в них страданий и несправедливости» [4, с. 187].

Как отмечает С.П.Нестеркин, «когда мир традиционного буддизма столкнулся с процессами глобализации, традиционные формы социальной активности сангхи перестали отвечать вызовам современности, что привело к необходимости выработки новых форм» [4, с. 188].

Целью нашего исследования является то, как концепция вовлеченного буддизма Тхить Няг Ханя может способствовать развитию межкультурного диалога (прежде всего, между буддизмом и христианством), каков его фундамент и каковы принципы его осуществления, как он соотносится с некоторыми другими концепциями, в чем его достоинства и оригинальность, каковы его возможности.

1. Христианство и буддизм: путь к диалогу

Тхить Няг Хань полагал, что встреча буддизма и христианства в XXI веке будет удивительной, в результате чего эти две величайшие духовные традиции смогут многому научиться друг у друга. Сам он признавался, что в его сознании нет никакого противоречия между Буддой и Христом. Как бы отвечая наиболее непримиримым ортодоксальным теологам, он пишет, что может представить, как Будда и Иисус сидят вместе и пьют чай:

«Можете ли вы представить, как Иисус отвечает Будде: “Вьетнамский народ, вы следуете неправильно духовному пути. Вы должны отказаться от всего и вступить на новый духовный путь, который Я собираюсь вам предложить. Это – единственный путь, который приносит спасение”... Будда каждый день приходит в Европу и Америку. Будда говорит Иисусу: “Я впервые на этой земле. Как Ты думаешь, мне можно остаться или я должен вернуться в Азию?”» [14]

Будда и Христос для него два брата, которые должны помогать друг другу через ныне живущих людей ради человечества и других биологических видов на Земле. Тхить Няг Хань выступает против индивидуализма, насилия и невежества. И самое удручающее – это когда нет взаимопонимания, нет общения, диалога. Поэтому вместо того, чтобы препятствовать друг другу, последователи буддизма и христианства должны объединяться «каждый день, каждое утро, каждый вечер, чтобы быть истинными братьями. Их встреча – это надежда для всего мира. Будда и Иисус должны встречаться каждый момент в каждом из нас. Каждому из нас в нашей повседневной практике нужно прикоснуться к духу Будды и к духу Иисуса, чтобы они проявились. Эта энергия очень важна для нас, чтобы принять наши страхи, отчаяние и беспокорство». Для него буддизм и христианство – не просто концепции, для него Будда и Христос живы и сейчас рядом с нами, мы можем прикоснуться к ним в вашей повседневной жизни. О «трансценденции посреди жизни» также говорил Дитрих Бонхёффер, расстрелянный фашистами.

Говоря о необходимости диалога и взаимопонимания, Хань приводит пример, когда муж и жена принадлежат к разным вероисповеданиям, и дает свой рецепт счастья. Чтобы был возможен такой диалог между любящими людьми, между представителями различных традиций, необходимо «выйти за пределы форм». На первый взгляд кажется, что между буддизмом и христианством нет ничего общего. Так буддизм учит о метемпсихозе, а христианство – о единственности жизни; буддизм учит об отсутствии «я», христианство же персоналистично; буддизм отрицает всякую субстанциальность бытия, а христианство основывается на креационизме и не ставит под сомнение бытие материи и духа. Однако, пишет Хань, все это очень поверхностный способ видения. Конечно, у них есть различия и их нельзя смешивать, но есть и общность.

Свою книгу «Живой Будда, живой Христос» Тхить Няг Хань начинает с биографических воспоминаний. Он исходит из своего духовного опыта и опыта общения с

представителями других религий, в данном случае – христианами. Однако, как признается автор, путь к пониманию и признанию христианства не был для него прост, и причина того – в колониальной политике французских католиков во Вьетнаме. Это привело к тому, что буддисты выступили за религиозную свободу и свержение режима президента Нго Дин Зьема. Предшествовало этому самосожжение монаха Тхить Куанг Дька (1963) на одной из площадей Сайгона. Этот поступок получил широкий резонанс в стране и за рубежом, стал сигналом к активизации антиправительственных выступлений южновьетнамских буддистов, которые стали одной из главных причин падения режима Зьема [1, с. 912].

Однако общение с настоящими христианами, одним из которых был и Мартин Лютер Кинг (был номинирован им на Нобелевскую премию мира), открыло для него Иисуса как одного из его «духовных предков». Таким образом, обнаруживается интересная линия преемственности, ведь Мартин Лютер Кинг учился у Махатмы Ганди. Оба они, выступавшие за ненасилие, против любой дискриминации и эксплуатации, были убиты. Тхить Нят Ханю повезло больше, он имел возможность жить и трудиться по имя ближнего, реализуя одну из основных христианско-буддийских заповедей – сострадания и любви к ближнему.

После общения с настоящими христианскими подвижниками Тхить Нят Хань признал и Христа, наряду с Буддой, своим «духовным предком». Так он пишет:

«Когда вы соприкасаетесь с кем-то, кто доподлинно представляет традицию, вы не только соприкасаетесь с его или её традицией, вы соприкасаетесь и со своей традицией тоже. Это качество необходимо для диалога. Когда стороны хотят учиться друг у друга, диалог уже происходит просто в том, что они находятся вместе... Действительно, иногда гораздо труднее вступить в диалог с людьми нашей собственной традиции, чем с представителями других традиций» [15].

В книге «Дорога домой. Иисус и Будда как братья» Тхить Нят Хань отмечал, что на алтаре его уединённого жилища во Франции стояли изображения Будды и Христа, которым он воскуривал благовония, как своим духовным предкам. Он призывал своих слушателей, представителей различных религий и конфессий, вернуться к своим собственным традициям и «обрести корни». Так один из его слушателей, еврей, признался ему, что благодаря его проповедям вернулся к вере своих отцов.

Хотя, по словам Тхить Нят Ханя, миссионеры во Вьетнаме принесли народу много страданий, заставляя отречься от традиций, в том числе буддистских, когда он слушал колокола в Праге, то понял, что у него начали появляться корни не только в его собственной культуре, но и в духовной культуре Европы. В результате он пришел к выводу, что если корни человека уходят в его собственную культуру, то у него появляется шанс глубоко соприкоснуться с другой культурой и укорениться в ней. Согласно ему человек, у которого нет корней, не может быть счастлив. Поэтому он призывал всех вернуться к своим культурным корням, семье и своей церкви. Как дерево, так и человек не может жить без корней.

Таким образом, Тхить Нят Хань разрушает известный либеральный тезис о том, что вера в Абсолют приводит к конфликтам, ибо два Абсолюта невозможны, так как один будет отрицать другой. На деле оказывается, что представители различных духовных традиций вполне могут понимать и принимать друг друга, не изменяя своей вере. Но это происходит, по его словам, именно тогда, когда они глубоко укоренены в своей вере и не являются одновременно фанатами: «Для того, чтобы диалог был плодотворным, мы должны глубоко переживать нашу собственную традицию и в то же самое время с глубоким пониманием относиться к другим». Обычно причина конфликтов заключается не в разнице вер, а в невежественном и фанатичном ее восприятии.

Различия для Ханя только украшают истину, если при этом, конечно, они не ведут к ненависти и не строятся на насилии: «Уважая различия внутри вашей собственной церкви и видя, как эти различия обогащают друг друга, мы станем более открытыми к тому, чтобы оценить по достоинству богатство и разнообразие других традиций». Он изначально признает, что истина может быть и вовне, а не только внутри его собственной традиции.

Вместе с тем вступление в диалог не означает утрату собственной идентичности: «Диалог – это не средство уподобления, когда одна сторона расширяется и смешивает другую со своим “я”». Это еще и возможность не только лучше понять другого и обогатиться этим познанием, но через него лучше понять себя самого.

Продуктивное общение с другим возможно, лишь когда утверждён мир в самом себе, поэтому «диалог должен начаться внутри себя»:

«Наша способность создавать мир с другим человеком и его окружением очень зависит от нашей способности творить мир внутри себя. Если мы находимся в состоянии войны со своими родителями, своей семьёй, своим обществом или своей церковью, очевидно, что внутри нас также происходит война. Таким образом, основная миротворческая работа заключается в том, что мы возвращаемся к себе и создаём гармонию... Когда внутри нас есть мир, становится возможным диалог с другими» [15].

Вспомним в этой связи известное изречение великого православного святого Серафима Саровского, определившего цель христианской жизни как стяжание Духа Святого, все же остальное – как средство [6, с. 307]. Ему также принадлежит известное высказывание: «стяжи дух мирен и вокруг тебя спасутся тысячи». Тхить Нят Хань поясняет, что для этого необходимо признать «природу взаимного существования», взаимосвязанность всего, и тогда возможно рождение в сердце мира и любви. Тогда, когда рождается сострадание.

Говоря о христианах и буддистах, он отмечает, что, хотя у них разные корни, традиции и взгляды, у них есть общие качества любви, понимания и приятия. Чтобы начать диалог, необходимо отставить предубеждения и учиться внимательно слушать и слышать другого. Необходимо соприкоснуться с живым Буддой и живым Христом в самих себе, и тогда можно будет увидеть их в других людях. Тхить Нят Хань призывает к терпимости и выступает против, как он выражается, «религиозного империализма».

Интересный опыт межрелигиозного взаимодействия, например, мы видим в социокультурном пространстве современной Калмыкии как результат совместных усилий буддийской и православной общин. Так, в республике «фиксируется положительная динамика в области межконфессионального взаимодействия, которая обусловлена исторически сложившимися особенностями взаимопомощи и уважения друг к другу всех проживающих здесь народов» [3, с. 22]. Интересным и по сути уникальным фактом является то, что исторически в Калмыкии соседствуют и, можно сказать, взаимодействуют все три мировые религии. Калмыки стали первым и единственным этносом в Европе, который традиционно исповедует буддизм [11, с. 145]. М.С.Уланов и А.М.Грищенко в своем исследовании указывают, что многие калмыки-буддисты в советскую эпоху, когда не было хурула, приходили в Крестовоздвиженскую церковь Элисты, объясняя это тем, что «хурула нет, а Бог один» [11, с. 147]. М.С.Уланов приводит наблюдение, что «в домах калмыков и бурят, особенно крещеных, часто соседствовали буддийские и православные предметы культа, а буддийская вера причудливо соединялась с элементами христианства» [10, с. 116]¹. Автор справедливо указывает (в противовес устоявшимся представлениям), что причиной гармоничного

¹Уланов Уланов М.С. Буддизм и православие в цивилизационном пространстве России: истоки толерантности // Философские науки. – 2013. №2. – С.115–122.

включения буддизма в социокультурное пространство России было его определенное сходство с православием, как на институционально-культурном, так и на религиозно-философском уровнях. Это существование таких общих институтов, как монашества, иконопочитания и др. Это и отсутствие непреодолимого барьера между человеком и Абсолютом, Его апофатическом определении, существовании схожих практик созерцания и др. [10, с. 118].

2. Осознанность как основа для коммуникации и практика как критерий истины

«Постигайте искусство осознанной жизни» [7, с. 131], – призывает Тхить Нят Хань. Осознанность – ключевое понятие в его вовлеченном буддизме. Об осознанности пишет также Экхарт Толле: «Тишина – это твоя природная суть. Что такое тишина? Твое пространство осознанности, внутри которого слова этой страницы воспринимаются и становятся мыслями. Без этой осознанности нет восприятия, нет мыслей, нет мира. Ты – осознанность, переодетая в личность» [8]. В христианской традиции есть идентичное понятие – «трезвение». Тхить Нят Хань не только разрабатывает понятие осознанности, но и проводит компаративное сравнение со схожими, с его точки зрения, фундаментальными понятиями других традиций. Что касается христианства, то осознанность, с его точки зрения, очень похожа на Святой Дух, ибо осознанность помогает прикоснуться к нирване, а Святой Дух открывает дверь к Троице. Для христианского уха это может слышаться кощунственно, однако посмотрим, как это поясняет Хань:

«Самый ценный дар, который мы можем предложить другим, это наше присутствие. Когда наша осознанность обнимет тех, кого мы любим, они распустятся как цветы... Осознанность облегчает страдание, потому что она наполнена пониманием и состраданием. Когда вы действительно там, показывая свою любящую доброту и понимание, в вас пребывает энергия Святого Духа... Одна вещь содержит в себе всё. Мы можем заглянуть вглубь с помощью энергии осознания. Мы можем заглянуть вглубь с помощью Святого Духа. Осознание – это энергия Будды. Святой Дух – это энергия Бога» [14].

Что касается основоположений буддизма, то Хань поясняет, что «Будда не был против Бога. Он был только против представлений о Боге, которые просто являются умственными конструкциями, не соответствующими реальности, понятиями, которые мешают нам развивать себя и прикасаться к конечной реальности. Вот почему я верю в то, что безопасней достигать Бога через Святого Духа, чем через дверь теологии. Мы можем распознать Святой Дух всякий раз, когда почувствуем его присутствие. Всякий раз, когда мы видим человека, исполненного любовью, состраданием, осознанностью, заботой и пониманием, мы знаем, что Святой Дух здесь» [15].

Осознанность приводит к пониманию, что принципиальную значимость имеет глубоко осознанное присутствие в ситуации «здесь и сейчас», из которого ткуются нити будущего, закладываются его основы. Мы здесь и сейчас что-то совершаем, и оно носит характер благого или неблагого, ответственного или безответственного, совестливого или аморального. По сути призыв Ханя к осознанности равносителен христианскому «жить по совести». Это значит быть предельно чутким к себе и окружающим, к ситуации в настоящий момент. Только в этом случае можно слышать тонкий, негромкий и одновременно глубокий голос совести и следовать ему. Это значит быть моральным. Это путь и к нирване, и к Богу. Наш истинный дом, – подчеркивает он, – в настоящем мгновении. Чудо же состоит не в том, чтобы ходить по воде, а в том, чтобы ходить по зелёной земле здесь и сейчас.

Данная осознанность, жизнь под знаком совести, как определили бы мы, распространяется на всю деятельность человека, практическую и умственную. Это и осознанный

прием пищи, и осознанное говорение, и осознанный шаг. По культивации осознанности Ханем прочитаны проповеди и написаны специальные книги: «Как любить осознанно», «Как сидеть осознанно», «Мир в каждом шаге», «На одном дыхании. Самоучитель по медитации». «Руководство по медитации при ходьбе» и др. С этих же позиций он рассматривает и христианскую практику. Церемония причастия, пишет он, побуждает нас быть полностью осознанными. Хлеб и вино для него, как и для христиан, – это не символы, в них содержится реальность.

Тхить Нят Хань исходит из «неконцептуальной природы Бога» [14]. Для него действительно «вера без дел мертва». «Наша вера, – пишет он, – должна быть живой. Она не может быть просто набором жёстких представлений и взглядов. Наша вера должна развиваться каждый день и приносить нам радость, покой, свободу и любовь. Вера подразумевает практику, ежедневное пребывание в осознанности... В своих поступках мы должны соответствовать живому Будде и живому Христу. Если мы живём так, как жили они, у нас есть глубокое понимание и чистые действия, и мы вносим свой вклад в то, чтобы помочь создать более спокойный мир...» [15].

Свой метод он назвал в одном месте «горизонтальной теологией», которая направлена на установление связи со своим ближним, с непосредственной окружающей действительностью:

«Прикосновение к Богу символизируется вертикальной линией и называется “вертикальной теологией”. Это два измерения. Если вам не удастся соприкоснуться с горизонтальным измерением, вам не удастся соприкоснуться также и с вертикальным измерением. Это подобно тому, как связаны между собой горизонталь и вертикаль. Это то, как они взаимопроникают друг в друга. Если вы не можете любить человека, животных и растения, я сомневаюсь, что вы можете любить Бога. Способность любить Бога зависит от вашей способности любить человечество и другие биологические виды. Практика тесного соприкосновения с вещами на горизонтальном уровне дает нам способность прикоснуться к Богу – ноуменальному уровню, или вертикальному измерению» [14].

Заключение

Тхить Нят Хань был убежден, что различные религиозные традиции могут начать диалог друг с другом в истинном духе экуменизма. «Общению нужно учиться» [7, 125], – отмечал он. Если все стороны будут открыты, диалог может быть плодотворным и обогащающим. Если они действительно верят в то, что в каждой традиции есть ценные элементы, и что они могут учиться друг у друга, они также заново откроют многие ценные аспекты их собственной традиции через такой диалог». Таким образом, можно заключить, что Тхить Нят Хань выступает как традиционалист (если смотреть с либеральной точки зрения). В основе его диалога культур – возврат к традиционным духовным учениям. При этом он не занимается прямым и непосредственным прозелитизмом буддизма. Для него не суть важно, к какой религии принадлежит человек, важно, чтобы он не утратил связь со своими духовными корнями. Лишь изнутри, из глубины своей традиции человек оказывается способным понять и другого. Утратив же свое, он не сможет понять и другого.

«Если мы найдём способ почитать и развивать наше духовное наследие, мы избежим отчуждения, которое разрушает общество, и снова станем целостными. Мы должны вдохновлять других, особенно молодых людей, возвращаться к своим традициям и открывать заново сокровища, которые есть в них. Учиться глубоко прикасаться к сокровищам нашей собственной традиции, значит позволить себе понять и оценить ценность других традиций, и это принесёт пользу всем» [15].

Но, будучи приверженным духовным учениям древности, Хань не был сторонником их консервации. Обновление, с его точки зрения, это веление времени, и если проповедники не чувствуют этого, то теряют свою паству. Эта модернизация не означает отказа от базовых ценностей и догматов, она скорее касается методов: необходимо «говорить с молодыми людьми на понятном им языке».

Одновременно он – модернист (если смотреть с консервативной точки зрения), ибо ратует за умеренно экуменическое общение, не претендуя на построение новой догматики, но используя новые и современные методы интерпретации традиции. Как и Георгий Флоровский, провозглашая возврат к отцам, святоотеческому наследию, он смотрит в настоящее и желает строить будущее, в котором не должно быть места лжи и насилию. Как и Дитрих Бонхёффер и Александр Шмеман, он мыслит «трансценденцию посреди жизни», посреди городской суеты современных мегаполисов. Ведь главное – это сохранение внутреннего покоя. И отсюда учение Ханя о медитативной практике, которая направлена на культивацию, возвращение этого покоя, – своеобразный лаический исихазм, если употреблять восточнохристианскую терминологию. При этом Тхить Нят Хань не стремится всех уравнять и некритически слить в однородную массу, не стремится и подчинить всех какой-либо одной догматической системе, включая буддизм. Он ориентирован не на форму, а на содержание, не на догмы, а на внутренний опыт. И, действительно, как бы ни различались догматически мировые религии, добродетели святости в них совпадают. И, прежде всего, это бесстрашие, добродетельность, ненасилие и др. Это указывает на их единую онтологическую основу при всей разнице метафизических систем.

Он не строит очередную вавилонскую башню, не стремится к объединению всех и вся – ведь тогда все превращается в мешанину, лишённую всякой основы и духовности, или все равно происходит подчинение, поглощение одним учением остальных. Он не идет ни по пути Вл. Соловьева с его сумасбродной идеей объединения церквей, ни по пути Е. Блаватской, стиравшей грани религий, но на деле подчинявшей, стремившейся включить их в веданту. При этом у первого и у второй зачастую стираются грани между религией, философией и наукой, торжествует эклектика.

Ничего подобного мы не находим у Тхить Нят Ханя. Его концепция ближе к Р. Генону и К. Ясперсу. Однако у него нет мистификаций Генона – некой «примордиальной мудрости». Нет и своей особой интеллектуализированной концепции, которая все-таки присутствует у Ясперса в виде некой несуществующей «библейской религии» и религии, нет своего «всеобъемлющего, внутри которого мы осуществляем наше познание» [12, с. 152]. Невозможно построить безупречную всеобъемлющую концепцию, даже гению Гегеля это не удалось. Видимо, осознавая это, Хань и не ставит перед собой такой задачи. На наш взгляд, Хань исходит из понятия духовного познания, хотя и не использует данный термин [5]. Он обнаруживает общие черты духовного познания в различных учениях, которые он знает из собственного опыта самопознания и буддистской философии.

Вскрывая общие духовные истоки в личном опыте самопознания, равно как и интеллектуально, через концепцию «осевого времени», можно обрести основу не только для диалога личностей и культур, но и для глубинного взаимопонимания. В этом ключ к решению как личностно-экзистенциальных, так и глобальных проблем человечества: в единстве, видящем общий корень человеческого духа и одновременно многообразии его интерпретаций в различных традициях, ведь разнообразие украшает и обогащает наше видение истины.

Название одного из произведений Тхить Няг Ханя – «Диалог: ключ к миру» – говорит само за себя. Те, кто не хочет вступать в диалог, а говоря о демократии, как раз пресекает все контакты между людьми, странами, народами, политиками – несут угрозу миру, ибо множат недопонимание, а зачастую распространяют ложь и возбуждают на ее основе ненависть, провоцируя конфликты и войны. Диалог для Ханя – это ключ к миру, диалог пресекает гнев и насилие [7, с. 147]. Никогда раньше в истории человечества, пишет он, не было столько средств коммуникации, и всё же мы остаёмся изолированными. Мы мало общаемся даже в своих семьях, в обществе и между странами и народами. Мы не развиваем искусство слушания и говорения. Нам необходимо снова учиться общаться.

Список литературы

1. Благов С.А., Никитин А.В. Буддизм во Вьетнаме // *Философия буддизма: энциклопедия* / отв. ред. М.Т. Степанянц; Ин-т философии РАН. – М.: Вост. лит., 2011. – С. 906–914.
2. Йонутите К. «Без овечьей отары достойной жизни не будет»: установление границы религии в контексте социально вовлеченного буддизма в Бурятии // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2020. №1 (38). С. 106–122.
3. Лиджиева И.В., Немгирова С.Н. Этнокультурное развитие региона: мониторинг этноконфессионального и межкультурного взаимодействия в Республике Калмыкия // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2014. Т.7. – №1. – С. 15–22.
4. Нестеркин С.П. «Социально вовлеченный буддизм» на Западе // *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*. 2017. Том 6. № 4А. – С. 187–193.
5. Нижников С.А. *Духовное познание в философии Востока и Запада: Монография*. – М.: РУДН, 2009. – 432 с.
6. Серафим Саровский о цели христианской жизни // *Жития и творения русских святых*. – М.: Современник, 1993. – С. 287–323.
7. Тик Нат Хан. *Гнев* // Аджан Сумедо. *Счастье внутренней тишины*. Тик Нат Хан. *Гнев*. – Москва, «Нирвана», 2006. – С. 84–192.
8. Толле Экхарт. *Сила момента*. М., 2007. – URL: <http://mir45.narod.ru/power1.htm> (дата обращения: 30.10.2022)
9. Торчинов Е.А. Буддийская школа Тхиен (становление и история развития) // *Кунсткамера. Этнографические тетради*. Выпуск 2-3. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1993. – С. 73–112.
10. Уланов М.С. Буддизм и православие в цивилизационном пространстве России: истоки толерантности // *Философские науки*. – 2013. №2. – С. 115–122.
11. Уланов М.С., Грищенко А.М. Буддизм и православие в социокультурном пространстве современной Калмыкии: опыт межконфессионального диалога // *Вестник Калмыцкого университета*. – №3(55). – 2022. – С. 143–149.
12. Ясперс, К. *Смысл и назначение истории*. М.: Республика, 1994. – 527 с.
13. King Sallie B. *Socially Engaged Buddhism. Dimensions of Asian Spirituality*. Honolulu, University of Hawaii Press, 2009. – 208 p.
14. Nhát Hanh, Thích. *Going Home: Jesus and Buddha as Brothers*. New York: Riverhead Books, 2000. <https://archive.org/details/goinghomejesusbu00nh>
15. Nhát Hanh, Thích. *Living Buddha, Living Christ*. The Berkley publishing group. Published by the Penguin Group (USA). <https://elblogdewim.files.wordpress.com/2017/11/living-buddha-living-christ.pdf>

*К.В. Савельева**Южный федеральный университет***ФЕНОМЕН КУЛЬТУРНЫХ ИНДУСТРИЙ
В ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

В данной статье автор рассматривает феномен культурных индустрий в философско-культурологическом дискурсе. В работе анализируются эволюция методологических подходов к концептуализации культурных индустрий и их роли в современной социо-культурной сфере. В статье раскрывается взаимосвязь современной культуры и экономики и выявляется степень развития нового сектора экономики и культурных индустрий, как на национальном, так и на глобальном уровнях. Автор анализирует работы классических (Т. Адорно, М. Хоркхеймер, А. Хоннет) и современных исследователей (Н. Гернхем, Д. Хезмондальш, Д. Тросби) культурных индустрий.

Ключевые слова: культурные индустрии, креативные индустрии, креативная экономика, массовая культура, франкфуртская школа, современные практики, концентрическая модель.

*K.V. Savelyeva**Southern Federal University***THE PHENOMENON OF CULTURAL INDUSTRIES
IN PHILOSOPHICAL AND CULTUROLOGICAL DISCOURSE**

The author of the article examines the phenomenon of cultural industries in philosophical and cultural discourse. The paper analyzes the evolution of methodological approaches to the conceptualization of cultural industries and their role in the modern socio-cultural sphere. The article reveals the relationship between modern culture and the economy and reveals the degree of development of a new sector of the economy and cultural industries, both at the national and global levels. The author analyzes the works of classical (T. Adorno, M. Horkheimer, A. Honneht) and modern researchers (N. Gernham, D. Hesmondhalgh, D. Throsby) cultural industries.

Key words: cultural industries, creative economy, mass culture, Frankfurt School, modern practice.

Предпосылки для возникновения культурных индустрий появились в начале XX века. Во всех регионах мира начался процесс коммерциализации культурного производства в силу влияния таких факторов, как процесс развития массового индустриального производства, становления системы массового потребления, формирования социальных и культурных групп, готовых присваивать товары культурного производства, ускоренного внедрения новых массовых технологий распространения информации, а также масштабного введения системы массового образования. Массовая культура становится объектом изучения многих исследователей, из-под пера авторов выходит большое количество трудов на данную тему. Феномен культурных индустрий активно входит в научный дискурс.

Целью статьи является компаративистский анализ классического и современных подходов к пониманию сущности и масштабов распространения культурных индустрий.

Среди тех, кто внес фундаментальный вклад в развитие данной тематики, можно особо выделить немецких социальных философов Теодора Адорно и Макса Хоркхеймера. Т. Адорно и М. Хоркхеймер полагали, что в массовой культуре мало места отводится творчеству и гуманному отношению к человеческой личности. Авторы выступили с идеей «культурных индустрий». В своем произведении «Диалектика

Просвещения» авторы отводят отдельную главу, посвященную вопросам и проблемам развития культурной индустрии на современном этапе развития общества [1].

Используя методологию негативной диалектики, т.е. принцип отказа от любого утверждения позитивистского типа или, иначе говоря, принцип постоянного отрицания, немецкие мыслители сформулировали ряд концептуальных идей, которые легли в основу понимания тенденций массовой культуры, индустрии культуры, креативной индустрии, реализации культурной политики на долгие годы вперед.

Т. Адорно и М. Хоркхаймер в своих работах использовали термин «культуриндустрия» с целью привлечь внимание критиков и читающей публики к коммерциализации искусства. Многие исследователи культуры акцентировали внимание на том, что в процессе индустриализации все упрощалось, в том числе и эта сфера, и отношение к ней. Многое было опущено и выступило в несколько ином свете, сообразно духу свободной эпохи [2].

Т. Адорно и М. Хоркхаймер выступили с авторской формулировкой понятия «индустрия культуры». Исследователи считали, что данная индустрия выступает специализированным аппаратом, который выполняет функции стандартизатора, осуществляющего унификацию новых произведений в сфере культуры. В ней нет ориентиров для индивида, которые можно назвать ценностными. Ее цель не состоит в достижении просвещения и усилении духовной составляющей личности. Культура рассматривается как нечто развлекательное, уводящее от серых будней.

Сама по себе индустрия культуры – это товар, в котором нуждается потребитель. Он производится с целью удовлетворения потребностей людей. Стандартизированное искусство становится тем продуктом, в получении которого заинтересованы массы. Искусство в таком виде является средством манипуляции общественным сознанием. Индустрия культуры дает импульс развитию процесса управления мечтами и стремлениями людей. Многие философы считали, что повышение доступности культуры и последующая ее демократизация негативным образом сказались на ее состоянии. Культура как товар не дает повода для уважения.

Т. Адорно и М. Хоркхаймер поднимают одну из важных проблем массовой культуры – проблему коммодификации (процесс придания продуктам товарных качеств для дальнейшей купли-продажи. В результате этого процесса культурные продукты встраиваются в рыночную экономику), происходит отчуждение искусства, и данная проблема становится важнейшей во второй половине XX столетия [2; 10]. Исследователи отмечали, что подлинное искусство убито массовостью, что термин «массовая культура» является по своей сути идеологическим, что массовая культура навязывается сверху, а не исходит от народа.

Для Т. Адорно и М. Хоркхаймер массовое искусство – это особенный товар, который найдет своего покупателя. Однако они признали, что это инструмент манипуляции общественным сознанием. Общественность в лице простых рабочих, элиты, представителей прогрессивных слоев населения, промышленников, предпринимателей выступила потребителем этого продукта. В капиталистическом производстве нет места душевным проявлениям. Оно порабощает тело и душу, потребитель приносит себя в жертву, используя этот продукт [1, с.166].

Авторы считали, что капитализм получил надежные условия для своего процветания именно благодаря стремительному развитию индустрии культуры. Потребление продукта, генерируемого данной индустрией, дарит нереальное ощущение свободы. По большому счету культура переходит в разряд бизнеса.

Немецкий философ и социолог Аксель Хоннет продолжает традиции Адорно и Хоркхеймера, но дает менее негативное и более психологическое понимание культурной индустрии. По мнению А.Хоннета, культурные индустрии несут тяжелое бремя становления психологии личности у членов социума. Индустрия культуры «взяла на себя в качестве суррогатной задачи процесс регулирования инстинктов». В результате этого процесса индустрия культуры не встречает никакого сопротивления и успешно интегрирует людей для достижения социального консенсуса [13].

А.Хоннет обращает внимание на психоаналитическое понимание невроза, который вызван напряженностью и внутренним конфликтом. Движения и стремления деформируются и удовлетворяются посредством потребления товаров и изображений, предлагаемых культурой. Человек отдыхает, познавая предложенные объекты культуры. Культура оказывает на него расслабляющее воздействие, снимает усталость и противодействует возникновению стрессовых состояний в эпоху индустриализации [9].

В заключение важно отметить, что А.Хоннет дает абсолютно новый, отличающийся оригинальностью взгляд на «культурные индустрии». Согласно автору, данный феномен влияет на психологическое конструирование личности, ее социализацию и успешную инкультурацию.

Следующим важным этапом в развитии темы становления «культурных индустрий» являются работы Дэвида Хезмондалша, который занимался исследовательской работой в английском университете Лидса. Автор в 2010–2013 годах являлся руководителем Института коммуникационных исследований. В настоящее время он возглавляет Центр исследования медиаиндустрии.

Именно Д. Хезмондалш представляет наиболее развернутую и подробную историю развития культурных индустрий. Как отмечает автор, «во многих европейских странах культурные индустрии становятся центром экономической активности. Компании, работающие в сфере культуры, перестали рассматриваться как вторичные. «Креативные индустрии» выпускают культурные знаки, которые характеризуются элементом массовости. Кроме этого, продуктом индустрии выступают индивидуальные объекты, преобладающие в коллекциях богатых людей, предметы одежды, украшения, дизайнерские вещи. В области культурных индустрий фигурируют различные элементы – инфраструктуры, обращающиеся в отдельно устроенном междисциплинарном пространстве. Они относятся к политической, образовательной, технической, информационной отрасли» [3].

Анализируя существующие административные документы [5], Хезмондалш подразделяет креативные индустрии на такие группы:

- маркетинговая деятельность, стимулирующая сбыт готовой продукции;
- рекламная работа;
- сфера создания кинофильмов;
- сфера создания телевизионного продукта;
- архитектура;
- дизайн объектов;
- ремесленная сфера;
- объекты информационных технологий;
- видеообъекты;
- передачи на радио;
- искусство фотографии;
- предоставление телекоммуникационных и информационных услуг;
- издательское дело;

- работа музеев, галерей и выставочное дело;
- библиотечная сфера;
- изобразительное искусство;
- исполнительство.

Данная классификация отталкивается от символического содержания культурных индустрий, основанного на разнице между видами деятельности и получаемым культурным продуктом.

В сфере культуры задействованы разные по масштабу предприятия. Здесь функционируют корпорации, взявшие в работу крупную отрасль культуры. Такие глобальные корпорации действуют в сфере издательской работы, телевидения и радиовещания, киноиндустрии, звукозаписи. Отмечается взаимное проникновение этих секторов и создание общей междисциплинарной культурной индустрии [8].

Д.Хезмондалш отметил, что изменения в обществе и экономике происходят в том числе и за счет введения новых культурных веяний. Тем самым автор еще раз акцентировал внимание на важности исследования особенностей преемственности в развитии культурных индустрий. Значение их сложно переоценить вследствие того, что они являются драйвером развития экономических систем и формируют значительный уровень занятости на рынке труда. Роль их значительна, и сложно ее измерить в каких-либо количественных показателях. Многие исследователи доказали возрастание роли культурного производства для развития государств. Однако роль эта увеличивается не в глобальных масштабах.

Следует отметить действенность культурных индустрий, проявляющуюся в том, что они стимулируют рынок труда, создавая новые рабочие места. Тем самым формируются современные ценности, роль которых неопределима для развития государства и общества. В этом проявляется суть взаимодействия между экономикой, социумом, культурой на современном этапе развития человеческой цивилизации [7].

Следующий исследователь культурных индустрий Н. Гернхем – почетный профессор Вестминстерского университета в области медиа-исследований. В своем произведении «От культурных к креативным индустриям: анализ последствий «креативной индустрии»» не разделяет понятия «культурная индустрия», «творческая индустрия», для него они являются тождественными [11]. Н.Гернхем обращается к вопросу осмысления новых отношений, внутренних оппозиций: коммерция и искусство, искусство и культурная индустрия. Автор решает оценить долгий путь взаимодействия понятия «креативные индустрии» в контексте сопоставления с такими явлениями, как «интеллектуальная собственность» и «авторское право». Ему интересна природа и развитие понятия «информационная индустрия», которая влияет на становление творческой индустрии.

Важно с его точки зрения проследить взаимодействие этих понятий во времени, так как они находятся под влиянием политики. Автор задается вопросом о целесообразности осуществления вмешательства государства в культурную сферу. В работе Н. Гернхема главным образом рассматривается государственная политика Великобритании, где переход экономики к «творческой индустрии» проходил совсем нелегко. С 80-х годов сфера культуры ощутила мощный импульс к развитию. Отрасли культуры претерпели в связи с этим кардинальные изменения, о чем не преминули указать философы и политологи. На мировой арене заинтересовались развитием культурных индустрий и вынесли этот вопрос на всеобщее обозрение. По установлению ЮНЕСКО важным стало упоминание о культуре в ее экономическом контексте. Культурная индустрия стала рассматриваться с промышленной точки зрения [2].

В течение этого периода индустрии культуры начали оказывать влияние на национальную политику. Это было мотивировано исторически конкретным политическим контекстом, в котором приняли участие политическая команда Маргарет Тэтчер и целый ряд политических событий, идущих от начала 1980-х годов [10]. Понятие «индустрия» означает, что люди стали воспринимать культуру как товар, представляя ее в экономическом измерении. Бизнес-стратегии переориентировались на финансирование рекламы, которая в свою очередь стала стимулировать развитие креативных индустрий.

Анализируя культуру с политической точки зрения и экономики, Н.Гернхем отмечает преобладающий частный сектор рынка, что в свою очередь концептуализирует культуру как производство и обмен символическим значением, то есть, материальный процесс производства и обмена, который определяется широкими экономическими процессами общества [10, с.54].

Н. Гернхем представил свою трактовку понятия «креативные индустрии». По его мнению, эта сфера связана с использованием уникальных знаний и умений. Результатом подобной деятельности является создание добавленной стоимости. Рынок труда благодаря таким индустриям остается живым и динамично развивающимся. В основе деятельности лежит интеллектуальная собственность [12]. Креативные индустрии обобщили наличие отдельных секторов в своей структуре. Здесь выделены такие отрасли, как мода, кино и издательская деятельность. Они предоставляют разные возможности получить экономическую отдачу.

Н. Гернхем установил, что креативные индустрии и экономика тесно связаны между собой и акцентирует внимание на том, что использование и возникновение термина «культурные индустрии» является отсылкой к изменениям в обществе, а именно к становлению информационного общества [12, с. 19].

Дэвид Тросби также раскрывает значение экономических аспектов и экономического поведения в культурной деятельности и культурных индустриях. Дэвид Тросби – заслуженный профессор экономических наук Университета Маккуори (Сидней), всемирно известный эксперт в области экономики культуры и искусства. В своем исследовании «Модель концентрических кругов культурных индустрий» [14] предлагает модель, которая основана на предположении, что культурные товары и услуги порождают два различных типа стоимости: экономическую и культурную. Модель утверждает, что именно культурная ценность или культурное содержание производимых товаров и услуг придает культурным индустриям их наиболее отличительную черту. Очерчиваются концентрические круги: в центре находятся основные отрасли, соотношение культурного и коммерческого содержания которых оценивается как самое высокое, причем слои простираются наружу от центра по мере того, как культурное содержание падает по сравнению с коммерческой ценностью товаров или произведенных услуг. Таким образом, в центре круга находится такие виды искусства, как музыка, живопись, литература и театральное искусство. Следующий круг – фильмы, музеи, галереи, библиотеки. Третий слой – услуги по сохранению наследия, издательские и печатные средства массовой информации, звукозаписывающие кампании, телевидение, радио, видео и компьютерные игры. И самый последний круг – реклама, архитектура, дизайн и мода. Данная модель представлена в схематической форме на рисунке №1.

Тросби отмечает: «Распространение творческих идей может происходить через виды обобщенных процессов коммуникации и обмена, которые управляют циркуляцией знаний и информации в экономике и обществе в целом. Например, сюжет романа или пьесы может стать идеей для видео или компьютерной игры» [14; с. 150].

Рисунок № 1. Концентрическая модель Д. Тросби

Привлекательность модели концентрических кругов заключается в ее акценте на первичные творческие идеи как на источник движущей силы, которая стимулирует развитие культурных индустрий и отличает их от других отраслей экономики [15]. Эта базовая характеристика помогает связать экономический и культурный анализ креативного сектора.

Заключение

На протяжении 50 лет место и значение культурного производства менялось, приобретая коммерческую и экономическую составляющую. Согласно классической теории (Т. Адорно и М. Хоркхеймер), культуриндустрии приводят к обеднению и снижению качества творческого продукта. Теряется уникальность, индивидуальность и ценность искусства. Данные авторы одними из первых среди европейских интеллектуалов критически проанализировали перспективы развития культурной индустрии как результата развития массовой культуры в связи с ускоренным становлением СМИ и массового индустриального производства.

В работах современных исследователей Д.Хезмондальш, А. Маркусен, Д.Тросби, Н.Гернхем культурные индустрии обрели положительные коннотации. Авторы рассматривают данный феномен с позиции креативной экономики и классифицируют культурные индустрии в зависимости от степени влияния технического прогресса на традиционные (издательство, архитектура, музыка, кино, исполнительские искусства) и нетрадиционные отрасли культуры (программное обеспечение и компьютерные услуги, реклама). Все эти подходы пытаются осмыслить структурные особенности культурных и творческих индустрий, комбинируя «культурное» и «индустриальное» измерения. Культурные индустрии стали функционировать на принципиально иной основе. Они охватывают не одну сферу деятельности, а осуществляют масштабную

работу сразу в нескольких культурных отраслях. Таким образом, создались отдельные культурные конгломераты, между ними сложились отношения конкуренции и отдельные созидательные связи.

В современном дискурсе культурные индустрии являются ключом к политической, экономической и социальной стабилизации. Они являются источником развития нового сектора экономики как на национальном, так и на глобальном уровнях, а также возможностью будущего роста занятости и доходов от экспорта. Активисты ООН и политические деятели отметили роль и значение культурных индустрий и установили 2021 год годом креативной экономики в глобальном масштабе [6]. Провозгласив приоритет поведения, в основе которого лежат знания, способствующие достижению стабильности, технологии, идеи и творчество, культурные ценности, наследие, нетрадиционные формы мировосприятия становятся важными элементами формирующейся новой системы.

Список литературы

1. Адорно Т., Хоркхаймер М. Диалектика Просвещения. – Спб.: Медиум, Ювента, 1997. – 310 с.
2. Адорно Т., Хоркхаймер М. Культурная индустрия. Просвещение как способ обмана масс. – М.: Ад Маргинем Пресс. – 2016.
3. Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии // Организация объединенных наций URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declaration
4. Хезмондальш Д. Культурные индустрии. М.: Издательский Дом ВШЭ, 2018.
5. Creative Industries Mapping Documents 1998 // GOV.UK URL: <https://www.gov.uk/government/publications/creative-industries-mapping-documents-1998> (дата обращения: 25.09.2022).
6. David Geddes Creative Industries in Historic Buildings and Environments // COLLIERS INTERNATIONAL PROPERTY CONSULTANTS LIMITED. 2018.
7. Hesmondhalgh, D. and S. Baker, 2010. Media Work in Three Cultural Industries. London: Routledge, pp: 68.
8. Hesmondhalgh D. & Pratt A. C.. Cultural industries and cultural policy // International Journal of Cultural Policy. 15 Aug 2006. 19 p. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tandfonline.com/loi/gcul20> (дата обращения: 20.09.2022)
9. Fuchs, C., 2016. Critical Theory of Communication: New Readings of Lukács, Adorno, Marcuse, Honneth and Habermas in the Age of the Internet. University of Westminster Press, pp: 150.
10. Garnham N. Afterword: The cultural commodity and cultural policy, in The UK Cultural Sector, ed. S. Selwood, PolicyStudiesInstitute, London.2000
11. Garnham N. From Cultural to Creative Industries: An Analysis of the Implications of the “Creative Industry” // International Journal for Cultural Policy. 2005. №1(2). С. 62-71.
12. Garnham N. From cultural to creative industries // International Journal of Cultural Policy. 2006. P. 16.
13. Honneth A. The Critique of Power: Reflective Stages in a Critical Social Theory. MITPress, 1991.
14. Throsby D., 2008. The concentric circles model of the cultural industries. Cultural Trends, 17(3): 147-164.
15. Throsby D. Economics and culture. – Cambridge university press, 2001.

М.С. Топчиев

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева

**АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА
КАСПИЙСКОГО МАКРОРЕГИОНА:
ПОТЕНЦИАЛ УГРОЗ СОЦИЕТАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ**

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00301
«Процесс конструирования новых идентичностей в Каспийском макрорегионе
в контексте социальной безопасности».*

В статье представлены результаты исследования амбивалентности геополитического пространства Каспийского макрорегиона в контексте решения вопросов о потенциале угроз социальной безопасности России. Автор использует междисциплинарную методологию исследования, опираясь на социально-философский, политико-философский, исторический подходы. Статья определяет проблемы Каспийского макрорегиона как особого геополитического пространства, а также роль «внешних держав» в росте геополитических угроз социальной безопасности России в Каспийском макрорегионе. Итогом исследования является раскрытие амбивалентности геополитических процессов в Каспийском макрорегионе и их потенциальности в формировании угроз социальной безопасности России.

Ключевые слова: *Каспийский макрорегион, акторы Каспийского макрорегиона, Россия, внешние державы, социальная безопасность, геополитическое пространство, амбивалентность, угрозы.*

M.S. Topchiev

Astrakhan State University

**AMBIVALENCE OF GEOPOLITICAL SPACE
OF THE CASPIAN MACRO-REGION:
THE POTENTIAL OF THREATS TO RUSSIA'S SOCIETAL SECURITY**

*The study was carried out by a grant from the Russian Science Foundation
No. 22-18-00301 "The process of constructing new identities
in the Caspian macroregion in the context of societal security"*

The article presents the results of the study of the ambivalence of the geopolitical space of the Caspian macroregion in the context of resolving issues about the potential threats to Russia's societal security. The authors use an interdisciplinary research methodology based on socio-philosophical, political-philosophical, historical approaches. The article defines the problems of the Caspian macroregion as a special geopolitical space, as well as the role of "external powers" in the growth of geopolitical threats to Russia's societal security in the Caspian macroregion. The result of the study is the disclosure of the ambivalence of geopolitical processes in the Caspian macroregion and their potential in shaping threats to Russia's societal security.

Key words: *Caspian macroregion, actors of the Caspian macroregion, Russia, external powers, societal security, geopolitical space, ambivalence, threats.*

Каспийский макрорегион как особое геополитическое пространство

Каспийское море – уникальный водоем, «море-озеро» исторически объединяло вокруг себя геополитические интересы многих цивилизаций. В современных исследованиях проводится множество дискуссий об определении принадлежности стран к Каспийскому макрорегиону. Мы исходим из общепринятого понимания «каспийской

принадлежности»: России, Азербайджана, Туркменистана, Казахстана и Ирана к единому пространству – Каспийскому макрорегиону. Хотя, безусловно, будем учитывать влияние и иных «международных игроков», как близко расположенных (Узбекистан, Киргизстан, Турция), так и мировых держав – США и Китая. Собственно говоря, специфика геополитического пространства Каспийского макрорегиона как раз и состоит в многоуровневом пересечении интересов многих государств, что неизбежно вызывает конфликты и несет угрозы безопасности как стран Каспия, так и населяющим их народам и сообществам [10, 11]. Распад СССР и выведение Казахстана, Азербайджана, Туркменистана на международную арену в качестве суверенных государств существенным образом осложнили каспийское взаимодействие и общую ситуацию на постсоветском пространстве. В.В.Лысюк в своей диссертации справедливо констатирует факт конфликтогенности постсоветского пространства: «Во-первых, пространство конфликтного потенциала вокруг России значительно расширилось за счет появления очагов напряженности в бывших советских республиках, в которых процессы государственного строительства сопровождаются возникновением различных противоречий. Во-вторых, все «ближнее зарубежье» объективно вовлечено в сферу российских жизненно важных интересов. Российское государство заинтересовано в решении проблем собственной безопасности на данном пространстве. В-третьих, постсоветское пространство превратилось в арену острого геополитического противоборства. Ситуация, при которой многие государства мирового сообщества заинтересованы во влиянии на бывшие советские республики, несет в себе внешне- и внутривнутриполитический конфликтный потенциал. В-четвертых, «исламский фактор» в мировой политике приобретает все более глобальный характер» [7]. Данные комплексные международные, внутривнутриполитические, экономические и социокультурные проблемы, несомненно, определяют неустойчивость развития стран Каспия и продуцируют масштабные угрозы безопасности.

В этих новых исторических условиях геополитический статус Каспийского макрорегиона получает особое значение для России в контексте обеспечения ее социетальной безопасности. Причем вопрос «каспийской безопасности», несомненно, нужно рассматривать в широком евразийском контексте [2].

Историческая справедливость требует отметить, что после распада СССР процессы формирования суверенитета странами Каспия проходили очень сложно и противоречиво, в контексте проблематики регионализма-глобализма [13]. Если в советский период в данном пространстве доминировали два типа национальной идентичности: иранская (исламская) и советская (атеистическая), то в новый период истории каждой стране пришлось не только формировать собственную идентичность, но и искать новые механизмы «каспийского сотрудничества» и международных отношений.

Формирование независимых государств: Россия, Азербайджан, Казахстан, Туркменистан – дало активный импульс к развитию идей национальной идентичности, фактически произошла цивилизационная смена социокультурных парадигм от «атеистической советской идентичности» к национальным идентичностям. При этом полностью уйти от советского прошлого каспийским странам до сих пор не удается, что связано как с социально-экономической базой, созданной в СССР, так и с тем, что большинство населения значительную часть жизни были советскими гражданами [12]. Процесс формирования национальных идентичностей каспийских государств сразу стал объектом международных интересов внешних стран, особенно США и Турции. Так, США еще в 90-е гг. XX века активно насаждали в России западные ценности и вестернизированный тип идентичности, что непосредственно было связано с эксплуатацией природных ресурсов и продолжением стратегии на децентрализацию и распад России,

на множество мелких, зависимых государств. Масштабное влияние США стали оказывать и на Азербайджан, Казахстан. В свою очередь, Турция стала активно использовать «тюркский фактор». Она первой признала независимость тюркских народов и получила статус значимого внерегионального игрока в Каспийском макрорегионе, продвигая интересы в областях безопасности, энергетики, культурно-религиозного взаимодействия.

Можно сказать, что на территории стран Каспия произошел своеобразный религиозный ренессанс. Если Азербайджан, Казахстан, Туркменистан стали возрождать исламскую традицию на уровне национальной идентичности, практически с момента обретения суверенитета, то Россия обратилась к социокультурным основам собственной цивилизации уже в 2000-е годы, разочаровавшись в «линейности западного пути глобализации», стала центрировать национальную идентичность на историческом опыте и религиозных ценностях, в частности, на Православии.

Конечно, на определение векторов внешней и внутренней политики стран Каспия большое влияние оказывали географические факторы, особенно выход к морским пространствам. В этом контексте проблема регионализма как фактора, определяющего национальную (региональную) идентичность для Казахстана, Туркмении и Азербайджана (не имеющих выхода к водам мирового океана), стоит более остро, в отличие от Ирана и тем более России, которые не имеют географической замкнутости только в пространстве Каспийского макрорегиона.

Анализируя специфику геополитического пространства Каспийского макрорегиона и возможные угрозы социетальной безопасности России, наряду с международным уровнем, следует рассматривать и внутривнутриполитические процессы прикаспийских стран и проблемы внутренней и региональной безопасности. Ярким примером внутривнутриполитической противоречивости стали Массовые протесты населения в Казахстане (2–7 января 2022 г.), вызванные ростом цен на сжиженный нефтяной газ, которые быстро переросли в беспорядки. Протестующие первоначально предъявили социально-экономические требования: снижение цен на бензин и продукты питания, снижение пенсионного возраста (женщины 58 лет, мужчины 60 лет), повышение размера минимальной пенсии. Позже добавились и политические: освобождение всех задержанных за беспорядки и отставка Президента КЖ.К.Токаева. В стране ввели режим ЧП, правительство ушло в отставку. Президент КЖ.К.Токаев назвал происходящее актом внешней агрессии и обратился к ОДКБ, которая решила отправить в страну миротворцев. В Алма-Ате проходила операция по зачистке от мародеров и погромщиков. Примечательно, что протесты стали нарастать даже после удовлетворения первых требований протестующих (цена на ГСМ была значительно снижена, правительство было отправлено в отставку), этот факт подтверждает, что основным фактором протестов была попытка свержения политического режима КЖ.К.Токаева. В результате Президенту Казахстана удалось не только удержать, но и существенно укрепить собственную власть. Лидер нации Н.Назарбаев был снят с поста главы Совета безопасности Казахстана и удален со всех общественно-политических постов, его семейный клан также потерял былое влияние. Очевидно, что победа КЖ.К.Токаева во многом была обусловлена вводом войск ОДКБ и поддержкой России. Министерство обороны РФ сообщало, что «ввиду угрозы национальной безопасности и суверенитету Республики Казахстан и руководствуясь статьями 2 и 4 Договора о коллективной безопасности, Совет коллективной безопасности ОДКБ принял решение о проведении силами и средствами Войск (Коллективных сил) ОДКБ миротворческой операции на территории Республики Казахстан», – гласит письмо генсека ОДКБ Станислава Зася, разосланное членам Совбеза ООН» [4]. При этом справедливость требует отметить, что

КЖ.К.Токаеву до сих пор приходится балансировать между западным и российским векторами политики, что, в частности, объясняет неоднозначную позицию Казахстана по вопросам антироссийских санкций и СВО России на Украине (с 24 февраля 2022 г.), что в целом не является для безопасности России худшим вариантом по сравнению с возможной потерей власти КЖ.К.Токаева и приходу в политические круги ультрарадикальных антироссийских сил.

Роль «внешних держав» в росте геополитических угроз социетальной безопасности России в Каспийском макрорегионе

На наш взгляд, для понимания сложности и конфликтогенности геополитической ситуации в Каспийском макрорегионе нужно, в первую очередь, рассматривать роль ключевых мировых держав: США и Китая. Что касается ЕС, то, на наш взгляд, не играют определяющей роли в Каспийском регионе, европейские страны продвигают свои экономические интересы посредством инструментов «мягкой силы», при необходимости опираясь на военно-политическую мощь США. Учитывая, что большинство европейских стран входят в блок НАТО, полностью определяемый США, то отдельно рассматривать роль ЕС в Каспийском макрорегионе не имеет большого значения.

Мы полагаем, что роль США и Китая усиливается, в первую очередь, за счет их экономического присутствия, в том числе пересечения их экономических интересов с интересами части элит стран Каспийского макрорегиона. Экономическая и транзитная привлекательность Каспия, безусловно, стала объектами и инструментами геополитической борьбы, порождающей различные типы угроз. Относительная экономическая слабость стран Каспия по отношению к США и Китая во многом делает их политику уязвимой для внешнего вмешательства, в то же время стимулирует поиск новых механизмов каспийского сотрудничества и развития участия новых международных организаций, например, ЕАЭС и ОДКБ.

США начали активно продвигать свои интересы в Каспийском макрорегионе начиная с 90-х годов XX века, но явная военно-политическая стратегия на доминирование сложилась в начале XXI века. Одним из факторов данной стратегии стала ядерная программа Ирана. «Иран, являющийся как каспийским государством, так и государством, относимым к региону Ближнего Востока, занимает ключевое место в расстановке приоритетов США в сфере безопасности. США рассматривают распространение оружия массового поражения, включая ядерное оружие и его использование экстремистами как ключевую угрозу своей безопасности» [15, р 4]. США и зависимую от них Великобританию чрезвычайно беспокоит рост влияния РФ и Китая в данном регионе мира. «Клубок» политических, военных и экономических интересов США вокруг Каспия и его основных акторов увеличивается по мере усложнения мировой политической и экономической повестки.

Необходимо подчеркнуть, что политика США в Каспийском макрорегионе не отличается оригинальностью. Вашингтон целенаправленно, но шаблонно пытается создавать угрозы в разных регионах мира, не учитывая их геополитической и социокультурной специфики. Собственного говоря, США часто испытывают трудности в достижении своих международных целей именно потому, что не могут в полной мере «понять» сущность и национальную идентичность своих противников. Тем не менее масштаб их деструктивных воздействий очевиден. США реализуют задачи экономической дестабилизации и продвижения собственных интересов, военного ослабления противников и выстраивания линии на военной зависимости от Вашингтона

(поставки вооружений, планы по размещению военных баз НАТО), актуализируют конфликты между этническими, религиозными сообществами, политическими и социальными группами.

Большое внимание США уделяют политической девальвации национальных лидеров и вообще политиков, политических сил, отстаивающих национальные интересы, что, безусловно, связано с вопросами формирования политической идентичности и ориентирования новых элит на «ценности Запада». Особую роль в реализации американских стратегий «мирового господства» выполняют технологии разжигания этнических и религиозных конфликтов, использование их для дестабилизации в обществе, его «разрыва» на противоборствующие сообщества, что особенно опасно для Каспийского макрорегиона, учитывая его социокультурное своеобразие. Так, в конце XX – начале XXI века Казахстан, Туркменистан, Азербайджан стали получать от США «помощь» в создании и обучении военно-морских сил на Каспии. Подобное военно-политическое сотрудничество США с этими государствами позволяли в определенной степени снизить геополитическую мощь и военное присутствие России и Ирана в пространстве Каспийского макрорегиона. Примечательно, что на протяжении последних тридцати лет США подчеркивают различность векторов их политики в отношении России, Ирана и Казахстана, Азербайджана, Туркменистана. На наш взгляд, это обусловлено тем, что Россия и Иран рассматриваются США как более устойчивые государства, центрированные на национальной идентичности, а потому более одиозно отстаивающие собственный суверенитет, соответственно, в большей степени препятствующие достижению интересов США в Каспийском макрорегионе. В свою очередь, Казахстан, Азербайджан, Туркменистан больше подвержены американскому влиянию, значительная часть их политической элиты и населения (особенно молодежи) идентифицирует себя с западными ценностями. Именно поэтому США и Великобритания стремятся не допустить дружественных отношений этих стран с Россией, что достигается, в частности, дестабилизацией политической ситуации и разжиганием русофобских настроений, например, в Казахстане [5].

Учитывая данную геополитическую ситуацию, Россия и Иран, естественно, стремятся сохранить и упрочить свои военно-политические позиции в Каспийском макрорегионе и не допустить военного присутствия внешних стран. Руководство России четко понимает уязвимость нашей страны в данном регионе мира и растущие геополитические угрозы. В этом контексте совершенно правы Погорельская С.В. и Ашенкамф Н.Н., которые в качестве геополитического интереса России в Каспийском макрорегионе, в первую очередь, определяют «создание в регионе зоны стабильности» [3, с. 212]. В свою очередь, Иран, находящийся многие десятилетия под международными санкциями, испытывает особую потребность в обеспечении военно-политической безопасности, что логично объясняет масштабные работы по ядерной программе. По мнению Вашингтона, Иран «препятствует распространению США западных либерально-демократических ценностей в арабском мире» [6, с. 139]. Для мирового сообщества очевидно, что «Иран целеустремленно идет по пути создания условий для производства атомного оружия. Доказательство этого даже не столько строительство нового завода по обогащению урана вблизи Кума, сколько тот факт, что тегеранские правители несколько раз отклоняли предложение России и других держав перенести процесс обогащения на российскую территорию» [8]. Данная стратегия Ирана дает США международно-правовые условия для дальнейшего давления и санкций, хотя очевидно, что Вашингтон больше всего волнует собственные интересы и, в частности, контроль над поставками иранской нефти. Современный подход США к Ирану

явно коррелирует с задачей: «обострения внутренней экономической и политической ситуации в стране, которая могла бы привести к смене режима либо к отказу от программы освоения ядерных технологий и противостояния Израилю» [6, с. 141].

В контексте напряженных американо-иранских отношений тема возможной военной операции США в Иране вызывает особые опасения, поскольку объективное усиление геополитической роли Ирана в Каспийском макрорегионе и на всем Ближнем Востоке явно противоречит интересам США. Учитывая трагический опыт стран, уже пострадавших от агрессии США (в частности, Ирака и Сирии), Иран стремится найти новых союзников и укрепляет связи с Россией, которая понимает, что возможная американо-иранская война не только нанесет удар по пространству Каспия, но и затронет весь Ближний Восток, вызовет масштабные последствия и гуманитарную катастрофу. Безусловно, военный конфликт в Иране несет существенные угрозы и для социетальной безопасности России в Каспийском макрорегионе, именно поэтому наша страна прилагает многолетние дипломатические усилия для снижения международной напряженности вокруг ядерной программы Ирана. На сегодняшний день основным инструментом международного влияния на Иран является наложение и ужесточение санкций, но «благодаря твердой позиции Китая и РФ как постоянных членов СБ ООН не принимают формы «удушающего» характера, а являются фактором сплочения иранского общества перед лицом внешней угрозы» [6, с. 140–141].

США пытаются консолидировать против Ирана другие Прикаспийские государства, в частности, Азербайджан. Играв на «Карабахском конфликте», США склоняют Азербайджан в свою сторону, но снова не учитывают геополитическую и социокультурную специфику Каспийского макрорегиона, в частности, тот исторический факт, что 35% граждан Ирана этнически являются азербайджанцами и проживают в трех северо-западных провинциях. Именно поэтому еще «в 2007 г. президент Азербайджана заявил о том, что Азербайджан выступает против принятия санкций в отношении Ирана и не допустит использование территории Азербайджана против какого-либо государства» [1].

В этих геополитических условиях особое значение начинает приобретать противостояние США и Китая в пространстве Каспийского макрорегиона. В 2012 г. «США в своей военной доктрине подчеркнули, что утверждение Китая как регионального центра силы потенциально повлияет на безопасность США» [14]. Соответственно, США активно препятствуют росту геополитического влияния и возможной военной экспансии Китая в различных регионах мира: Европе, Азиатско-Тихоокеанском регионе (Тайванский кризис, обострившийся в августе 2022 г), в Центральной Азии и Каспийском макрорегионе. При этом важно отметить, что Китай, следуя своей «цивилизационной мудрости», не ставит задач военно-политического доминирования и смены политических режимов в Каспийском макрорегионе (в отличие от США), а использует «мягкую силу».

Директор Китайского института международных стратегических исследований Сюн Гуанкай, анализируя Концепцию национальной безопасности Китая, относит к угрозам национальной безопасности «политику с позиции силы, а именно рост числа локальных войн и вооруженных конфликтов, проблему распространения ядерного оружия, в том числе ядерную проблему Ирана» [9]. Китай в основном использует свою все возрастающую экономическую мощь, активно включается в энергетические, транспортные, промышленные проекты, особенно в Казахстане и Туркменистане. Данный подход Китая весьма близок России, хотя очевидно, что масштабное усиление Китая в Каспийском макрорегионе может помешать и экономическим интересам России, особенно в области энергетики и транспорта.

Соответственно, можно отметить, что специфика геополитического пространства Каспийского макрорегиона обусловлена не только уникальным географическим положением, масштабными энергетическими, биологическими ресурсами и транспортно-логистическими перспективами, но и амбивалентностью геополитических процессов, выражающейся в противоречивом переплетении национальных интересов как прикаспийских государств, так и внешних «политических игроков»: США, Китая, Турции. Данная амбивалентность серьезно обостряет геополитическую уязвимость и угрозы социальной безопасности России в Каспийском макрорегионе.

Список литературы

1. Азербайджано-иранские отношения. 1 февраля 2007. URL: <https://lib.aliyevheritage.org/ru/7586806.html>
2. Аршинов Ю.Е., Казанцев А.А., Лапенко М.В., Притчин С.А. Каспийский регион-2025: международно-правовой статус, экономика и безопасность. Аналитический доклад // Казахстанско-российский экспертный IQ-клуб. Саратов, 2017. – С. 70–73.
3. Ашенкамф Н.Н., Погорельская С.В. Геополитика. – М.: Академический Проект, 2010. – 447 с.
4. Беспорядки в Казахстане. 7 января 2022 г. URL: <https://ria.ru/20220106/kazakhstan-1766696090.html>
5. Вскрыта роль британских спецслужб в подготовке покушения на президента Казахстана. URL: <https://www.mk.ru/politics/2022/04/05/vskryta-rol-britanskikh-specsluzhb-v-podgotovke-pokusheniya-na-prezidenta-kazakhstana.html>
6. Карякин В.В. Современная геополитическая динамика Ближнего и Среднего Востока. – М.: Граница, 2010. – 349 с.
7. Конфликтный потенциал постсоветского пространства и его влияние на национальную безопасность Российской Федерации : автореферат дис. ... кандидата политических наук : 20.01.02 / Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ. – Москва, 2004. – 22 с.
8. Мирский Г.И. Тугой узел Ближнего Востока. Говорят «Сирия» – подразумевают Иран. Дойдет ли до войны? URL: http://vsvvvv.ng.ru/ideas/2012-02-17/5_siria.html
9. СюнГуанкай. Всеобъемлющая концепция национальной безопасности Китая. Март 2009. URL: <http://svop.ru/files/meetings/m011813372437051.pdf>
10. Храпов С. А. Информационная безопасность социокультурного пространства Прикаспия // Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности. – 2021. – № 3. – С. 51–59.
11. Храпов С. А. Национальная идентичность в контексте вопроса безопасности Каспийского макрорегиона // Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности. – 2022. – № 2. – С. 21–33.
12. Храпов С. А. Трансформация общественного сознания в социокультурном пространстве постсоветской России дисс. на соиск. уч. ст. доктора филос. н. – Астрахань, 2011 г. – 306 с.
13. Щипков В. А. Регионализм как идеология глобализма: монография. – М.: МГИМО Университет, 2017. – 188 с.
14. Sustaining U.S. Global Leadership: Priorities for 21 st Century. January 2012. URL: https://www.globalsecurity.org/military/library/policy/dod/defense_guidance-201201.pdf
15. The White House. Washington. National Security Strategy. May 2010. 60 p.

Л.Б. Четырова, А.С. Сахаров
Самарский национальный исследовательский университет
им. академика С.П. Королева

КОММУНИКАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПИСЕМ КАЛМЫЦКИХ ХАНОВ И ВЛАДЕЛЬЦЕВ (XVIII в.)

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01767,
<https://rscf.ru/project/22-28-01767/>*

В статье анализируется вопрос о коммуникативных особенностях писем калмыцких ханов и владельцев, написанных на тодо бичиг и обращенных к чиновникам имперской администрации в XVIII веке. В качестве теоретического инструмента анализа предлагается коммуникативная теория Ю.М. Лотмана, а также постколониальный и деколониальный подходы. Предложенные аналитические стратегии позволяют рассмотреть вербальную коммуникацию как способ политического и эпистемического сопротивления. В результате анализа нами были установлены такие коммуникативные приемы, используемые калмыцкой знатью, как манипуляция обращениями, подчеркивание близости к императору и использование калмыцкого языка и тодо бичиг для ведения деловой переписки.

Ключевые слова: деловое письмо, иерархия, ханы, владельцы, чиновники, имперская администрация, тодо бичиг, русский язык, калмыцкий язык, перевод, калмыки.

L.B. Chetyrova, A.S. Sakharov
Samara University

COMMUNICATIVE ANALYSIS OF THE KALMYK KHANS' AND OWNERS' LETTERS (18th CENTURY)

*The research is supported by the Russian scientific fund's grant № 22-28-01767
<https://rscf.ru/project/22-28-01767/>*

This paper analyzes experience of Kalmyk resistance to the Russian epistemic frame on the material of correspondence between Kalmyk khans and Russian officials of the 18th century. For the analysis, we proposed to apply the communicative theory of Y.M. Lotman and postcolonial and decolonial approaches. The proposed analytical strategies allow us to consider verbal communication as a way of political and epistemic resistance. As a result of the analysis, we established such communicative techniques of the Kalmyk khans as a manipulation of appeals, demonstration of proximity to the emperor and use of the Kalmyk language for conducting the official correspondence.

Key words: official letter, hierarchy, khans, owners, officials, imperial administration, todobichig, Russian language, Kalmyk language, translation, Kalmyks.

Введение

Современная наука все чаще обращается к рассмотрению коммуникативных аспектов межкультурного взаимодействия. Возрастание исследовательского интереса к данной оптике объясняется как процессами глобализации, в ходе которой складывается единое культурное поле, так и ростом влияния быстрорастущих информационных процессов. Одна из проблем, возникших вследствие этого, – асимметричность

культурного взаимодействия, предопределенная доминированием в нем западноевропейской культуры. Корни этой проблемы следует искать в минувшей эпохе колониализма и колонизации, рассмотрение которой в перспективе теории коммуникации позволит объяснить асимметричность культурного взаимодействия.

Цель статьи заключается в выявлении коммуникативных особенностей писем калмыцких ханов и владельцев, которые по тем или иным поводам обращались к российским чиновникам в XVIII веке.

Эмпирическая основа – письма калмыцких ханов и владельцев XVIII в. и их переводы с *тодо бичиг*, осуществленные в тот период, а также переводы этих же писем, сделанные современным исследователем Д.А.Сусевой.

В качестве теоретического инструмента анализа нами избрана коммуникативная теория Ю.М. Лотмана, а в роли методологического подхода – постколониальные и деколониальные исследования.

Теория коммуникации как самостоятельная научная дисциплина появилась в первой половине XX века. Предпосылкой этого стало интенсивное развитие лингвистики, требовавшее комплексного взгляда на язык. Предмет теории коммуникации – язык в практической плоскости, процесс и результат обмена информацией [1, с. 43–44]. Междисциплинарный характер данного научного направления – его изначальная принадлежность одновременно лингвистике и философии – выразился в том, что теория коммуникации нашла применение в самых разных областях знания: социологии, политологии, психологии и др.

Важный вклад в изучение коммуникации сделал советский лингвист Ю.М. Лотман, разработавший семиотическую модель коммуникации. Его коммуникативная теория сформировалась в контексте семиотики, что позволило рассмотреть коммуникацию как процесс обмена кодами, имеющими для адресанта и адресата – агентов коммуникации – изначально разное смысловое содержание. Передача сообщения, следовательно, требует перевода информации с одного языка на другой, с языка «Я» на язык «ОН» [2, с. 12–17]. Описанная модель применима не только к изучению межличностного общения, но и к рассмотрению любых социальных взаимодействий, осуществляемых в различных сферах общества.

Принципиальная оригинальность концепции Лотмана заключается в установлении конфигурации отношений агентов коммуникации – *говорящего и слушающего*. Как было сказано выше, они по-разному воспринимают коды, которыми обмениваются. Эта неэквивалентность *говорящего и слушающего* для Лотмана является центральной предпосылкой коммуникации, без которой любая передача информации будет иметь характер команды – однозначного и строго ограниченного сообщения [3, с. 2–3]. Чистая же коммуникация подразумевает поиск общего в информации, а порой – в случае художественной коммуникации, например, – творческое преломление культурного кода. Однако этот процесс не обладает эгалитарным характером, поскольку *говорящий и слушающий* находятся в разных положениях. Речь *говорящего* однонаправленна, тотальна по отношению к адресату, она не учитывает акта восприятия [3, с. 4–5]. Фигура реципиента у Лотмана всегда пассивна. Безусловно, *слушающий* принимает участие в коммуникации, но только лишь как декодирующий агент. Созидательную роль он принимает только тогда, когда сам становится *говорящим* [2, с. 126–127]. Из вышенаписанного следует, что процесс коммуникации неизбежно содержит в себе конфликт, столкновение разных кодов, обладатели которых – коммуниканты – отстаивают истинность и приоритет своего кода.

Современная исследовательница М.В. Глостанова применила коммуникативную модель Лотмана для описания межкультурной коммуникации в эпоху глобализации. Роль *говорящего* в данном случае отводится западноевропейской культуре, коммуникативная однонаправленность которой препятствует установлению эгалитарного межкультурного диалога [4, с. 50–51]. Применение ею коммуникативной теории Лотмана открыло новые перспективы для постколониальных и деколониальных исследований.

Постколониальные исследования – результат интеллектуального осмысления эпохи колонизации XVI–XX веков и ее последствий. Предметом этих исследований предстают культурные, социальные и политические проблемы постколониальных народов, находящихся в пограничном положении между колониальной и родной культурами [5]. Деколониальная теория, продолжая этот вектор, сосредоточивает внимание на поиске возможностей облегчения травматичного колониального опыта посредством обретения собственной идентичности и сопутствующих ей атрибутов: эпистем, эстетизиса, этоса и др. [6, с. 31–36]. Один из ключевых терминов описанных исследовательских направлений – эпистемическое порабощение, то есть колониальное навязывание определенной модели мышления. Колонизация, следовательно, не ограничивалась сугубо политическим контролем, а веками формировала паттерны мышления субалтернов [7, с. 55–59]. Важную роль в этом процессе сыграла философия эпохи Просвещения, которая сформировала установки на рациональность и прогресс [8, с. 171–172]. Использование теории Лотмана в данном контексте позволяет описать асимметричность структуры межкультурной коммуникации калмыцкой элиты с российскими чиновниками в раннеимперскую эпоху российской истории и сформулировать стратегию интеллектуального поиска новой – поликультурной и эгалитарной – модели межкультурного диалога.

Развитие официально-делового языка в Российской империи XVIII века

В русистике XVIII столетие называют веком «кристаллизации» официально-деловой речи [9, с. 46–47]. Языковые реформы Петра I включали в себя регламентацию составления документов и введение перечня допустимых для них формулировок. Для полноценной реализации новшества требовали времени, поскольку любые языковые реформы неизбежно связаны с практикой и образованием чиновников, поэтому полноценно деловой русский язык сложился лишь спустя столетие – к началу XIX века.

Официально-деловой язык был необходим Петру Великому для эффективной реализации государственных преобразований, поскольку деловая речь выполняет целый ряд социальных функций: консервативную, координирующую, интегрирующую, мобилизационную, социализирующую. В контексте данного исследования нас прежде всего интересует социализирующий аспект, который заключается в «усвоении в процессе информационного обмена социально-политических норм, ценностей и традиций государства» [10, с. 13–16]. Исходя из этого определения, повсеместное введение делового языка следует рассматривать как способ формирования имперской администрацией эпистемической рамки у калмыцкой элиты. Также стоит отдельно сказать о координирующей функции, которая «призвана обеспечивать координацию властных воздействий субъекта власти» [там же]. Координирующая функция здесь позволяет выстраивать иерархию власти, которая, в свою очередь, выступает в качестве предпосылки для формирования колониальной матрицы власти, то есть представления о безусловном превосходстве доминирующей культуры и ее носителей.

Для деловой переписки как акта коммуникации важно наличие в ней властной вертикали. Следовательно, официально-деловой язык кристаллизует изначально,

согласно Лотману, асимметричную конфигурацию диалога [11, с. 104–106]. Начиная с петровской эпохи документ в Российской империи стремится к четкой фиксации приказного или просительного тона адресанта – в зависимости от его реального места во властной иерархии.

В допетровской Руси деловая переписка была отмечена глубоко феодальным характером, о чем говорит склонность коммуникантов к интимизации диалога – использованию уменьшительно-ласкательных форм имени, форм сослагательногоклонения в значении побуждения и преимущественно личной формы изложения, а также общей эмоциональности и экспрессивности текста [12, с. 69–72]. Все это, несомненно, связано с феодальным характером допетровской Руси, в которой личные отношения царя и его вассалов имели огромное значение, поэтому именно деловое письмо представляло возможность вассалу поправить свое положение в государственной вертикали, то есть, говоря в терминах Лотмана, сыграть роль *говорящего*.

То, как меняется деловая переписка в XVIII веке, следовательно, указывает и на изменения в представлениях о государстве [13]. Однако, как сказано выше, процесс складывания норм деловой речи был постепенным, а значит, в деловом тексте на протяжении всего XVIII столетия сохранялась возможность для феодальной интриги и вольного декодирования сообщений.

Анализ писем калмыцких ханов и владельцев XVIII века

При анализе писем калмыцких ханов следует учесть оценку ими своего собственного статуса. Поскольку Калмыцкое ханство не находилось в вассальной зависимости от России, не платило податей, а, напротив, получало оплату от имперской администрации за участие в военных походах, то ханы предпочитали рассматривать императора/императрицу как военного лидера и защитника, не вмешивающегося в их дела. Называя себя в письмах *младшими братьями* российского императора, калмыцкие ханы тем самым ставили себя ниже императора, но вместе с тем подразумевали свое превосходящее положение в отношении к чиновникам имперской администрации, требуя соответствующего к себе обращения.

В деловой переписке с местными российскими чиновниками калмыцкая знать пользовалась рядом приемов для утверждения себя в превосходящем статусе. Прежде всего заметно, как от характера и темы письма, а также от чина адресата меняется начальное обращение. В отношении губернаторов, князей и офицеров использовались слова «верный друг», что можно было бы интерпретировать как обращение к равному. Таким было обращение наместника Дондук-Омбо к астраханскому вице-губернатору по случаю отправки калмыцкого войска на Кубань. Однако содержание письма и тон обращения к «ober-коменданту и бригадиру» показывает, что вряд ли властолюбивый наместник считал его равным себе:

«верный мой друг, здоровы ли Вы? В соответствии с приказом Великой Государыни императрицы 15 числа следующего месяца мы собираемся с войском на Кубань. Приказ Великой Государыни гласит, что ко времени выступления войска брать у Вас пороха – свинца, железа – сколько угодно.

Выданного Вами весной пороха и свинца на наши ружья и пушки не хватило. По приказу Великой Государыни сейчас 40 пушек, пороха и свинца с расчетом на 1000 ружей с избытком, а также больше железа отвезите в Янхалу и выдайте войску пораньше» [14, с. 485–486].

Сам тон письма не просительный, а скорее приказной, «теперь дайте больше прежнего». Более того, он ставит выступление калмыков в зависимость от того, как скоро даст губернатор боеприпасы.

Тон письма в переводе XVIII века, сделанном Андреем Чубовским, меняется и теряет свой приказной характер:

«по оному ея величества указу изволте данного походу на сорок пушекъ, да на десять тысяче ружей дать пороху свинцу железа довольное число» [14, с. 483].

Переводчик здесь употребляет глагол *изволте дать довольное число* вместо *побольше железа отвезите и выдайте войску пораньше*. Тем самым выстраивается нужная имперской власти иерархия, в которой калмыцкий наместник занимает подчиненное положение в отношении представителя российской администрации.

В письме сына джунгарского хана, оказавшегося в Калмыцкой степи, подобные обращения и вовсе опускались – например, в письмах с выражением недовольства по поводу недобросовестного исполнения чиновниками своих обязанностей:

«Письмо Шуну Василию Пахомовичу. На письмо, посланное императрице, прибыл ответ или нет? Почему так долго? Мне обещал прежде прислать книгу, чтобы была бумага. Сахару, дынь, арбузов, яблок, вишен да лекарственной водки пришли. У посланника Лоузанга Замбы есть устное сообщение». (Письмо Лоузана Шуну, сына джунгарского хана, Василию Пахомовичу Беклемишеву 25 августа 1731 г.) [14, с. 385].

Представленное письмо отмечено явно приказным характером, что характерно для большей части ханских писем этой эпохи. Приказной тон также можно рассматривать как способ занять доминантное положение в коммуникации с российскими чиновниками. Деловой же язык подразумевал более этикетное выражение просьбы на этом уровне властной вертикали, на что указывают переводы XVIII века:

«Шуноево письмо Василию Пахомовичу дано. К императрице государыни писали мы. Если отповедь или нет. Што долго нет. Прежде сего хотели вы прислать мне книгу в коже, чтоб бумага простая была. Сахару, арбузовъ, дынь, яблокъ, вишни да лекарстве иной водки. У посланца есть словесной приказъ. У писма печать Лоузанъ Шонин» [14, с. 386].

На примере этого перевода мы видим, насколько сильно может меняться характер одного и того же сообщения в зависимости от выбранной риторики. Получив официально-деловую обработку, изначально требовательное и укорительное письмо Лоузана Шуну становится обыкновенной вежливой просьбой.

Факт того, что все ханские письма составлялись на калмыцком языке, содержал в себе огромный потенциал для сопротивления социализирующей и координирующей функций делового языка. Дело в том, что нормы деловой переписки XVIII века не только требовали соблюдения конкретной структуры текста, которой ханы формально придерживались, но и обязывали использовать русский язык. Важнейшее нововведение петровской эпохи заключалось в использовании славянизмов – лексики церковнославянского языка, которая считалась сугубо книжной и возвышенной [15].

Российские филологи Т.С.Садова и Д.В.Руднев выделяют две функции славянизмов в деловой речи этого времени. Во-первых, введение славянизмов означало отказ от лексических норм допетровской Руси. С помощью возвышенной церковнославянской лексики император меняет взгляд своих подчиненных на государство – отныне оно становится величественной империей европейского типа и не является больше средневековым феодальным царством. Во-вторых, книжный язык выполняет мобилизационную функцию – убеждение подчиненных в правильности всех государственных указов и одновременное символическое закрепление их одобрения политики императора [9, с. 48].

Калмыцкие ханы даже при желании не смогли бы встроиться в данную коммуникативную модель, так как калмыцкий язык не смог бы релевантно отразить двуязычную

природу русского литературного языка. Следовательно, соблюдая формальные требования деловой переписки, ханы упускали важнейший ее аспект – конструирование нового имперского образа, построенного на ценностях Просвещения.

Именно данное упущение компенсировалось усилиями переводчиков при переводе писем калмыцкой знати. Вот, к примеру, письмо сына Аюки-хана Галдан-Данжина к астраханскому вице-губернатору, где эта процедура была осуществлена переводчиком А. Чубовским:

«А понеже вы без упущения великой государыни благополучно и щастливо дела управляете, прошу мать мою с Бижитеномъ малой нутукъ от неприятеля охранит. Голодныхъ же и неимушихъ пиши на кормное место посадить, и какъ ихъ оберегать в томъ предаюсь в волю вашу» (перевод XVIII века) [14, с. 496].

В современном переводе с тодо бичиг письмо выглядит так:

«Здоровы ли Вы, неся государеву службу справно, по всей строгости? Прошу мать мою и Бижитеню, оставшихся при малом нутуке, от неприятеля охранять. Бедных и неимущих из моих нутуков вы, вероятно, знаете, как можно прокормить в местности, богатой едой» (перевод Сусеевой) [14, с. 497].

Выражение *вы, вероятно, знаете, как прокормить и оберегать*, переводится в этикетном выражении *предаюсь в волю вашу*.

Далее в письме сын Аюки-хана пишет о будущей встрече с вице-губернатором после завершения военной операции по усмирению башкир, куда он отправился из Саратова:

«Я тоже молюсь божественному небу, чтобы быстрее вернуться, завершив успешно (полностью) государеву службу, в здравии, хорошо и благополучно встретиться» (перевод Сусеевой) [14, с. 497].

Однако переводчик А. Чубовский, введя в перевод обращение *верному другу* и благодарность вице-губернатору, придает письму этикетную форму, ставя тем самым Галдан-Данжина в зависимое положение:

«А я, бурхану и тенгрию молясь, великой государыни дело окончивши и, незакося яко другу верному при свидании здоровъ должен васъ благодарить» (перевод XVIII века) [14, с. 496].

Данные отрывки из перевода письма Галдан-Данжина, сына хана Аюки, астраханскому вице-губернатору от 30 ноября 1736 года отмечены глубокой церковнославянской стилизацией, о чем говорит использование славянизмов «понеже» и «яко», а также обилие причастных и деепричастных оборотов.

Использование калмыцкого языка для составления текстов писем позволяло ханам и владельцам сохранять в коммуникации свои смысловые коды, а именно – отстраниться от норм деловой переписки, формировавшейся в это время. Отказываясь от полноценного воспроизведения российского официального письма, ханы ставили себя в обособленное положение в государственной иерархии, не поддаваясь окончательному подчинению. Утверждение в процессе коммуникации своего смыслового кода, таким образом, достигалось через сохранение языка со всей содержащейся в нем семантикой. Российские чиновники, в свою очередь, ослабляли это обособление посредством стилизации и «правильного» для них перевода, создавая тем самым иллюзию полного согласия в коммуникации.

Общими местами в кодировании писем выступали – соблюдение формальной структуры письма и почтительное упоминание императора. Через соблюдение этих строго зафиксированных и однозначных норм деловой переписки ханы и владельцы демонстрировали свою лояльность российскому трону. Согласие с ведением переписки по упомянутым правилам является немаловажным шагом к усвоению калмыками имперской эпистемической рамки.

Выводы

Произведя лексико-семантический анализ переписки калмыцких ханов и российских чиновников, мы пришли к выводу, что в ситуации отсутствия окончательно сформированного официально-делового языка калмыцкие ханы находили способы коммуникативного влияния на адресата, что изначально не предусматривается жанром делового письма. Посредством манипуляции обращениями, использования приказного тона в письмах, написанных на тодо бичиг, авторы писем стремились играть доминантную роль в процессе коммуникации. Занимая позицию тотального *говорящего*, калмыцкие ханы и владельцы получали возможность задавать дискурс общения, тем самым отстаивая свое место в государственной иерархии. Особую роль в этом играли калмыцкий язык и письменность тодо бичиг, предоставлявшие возможности сопротивления государствообразующим функциям деловой речи. Безусловно, сама практика ведения такого рода переписки помещала калмыков в ситуацию эпистемического подчинения, однако процесс этот существенно осложнялся описанными выше факторами.

Список литературы

1. Громова Т.Н. Государственная коммуникация: теоретическая модель и региональная практика // Теория коммуникации и прикладная коммуникация. Вестник Российской коммуникативной ассоциации / Под общ. ред. И.Н. Розиной. Ростов н/Д: ИУБиП. – 2002. – № 1. – С. 43–52.
2. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. – М.: Гнозис. – 1992. – 272 с.
3. Постникова Т.В. Понятие автокоммуникации в семиотике Ю.М. Лотмана. Философско-антропологический анализ фильма // Аспекты: Сб. статей по философским проблемам истории и современности: Вып IV. – М.: Современные тетради. – 2006. – 512 с.
4. Тлостанова М.В. Транскультурация как коммуникативная модель эпохи глобализации. – Вестник НГУ. Серия: Философия. – 2010. – №3 – С. 48–57.
5. Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока / пер. с англ. А.В. Говорунова. – СПб: Русский мир. – 2006. – 636 с.
6. Mignolo W., Walsh C. On decoloniality: concepts, analytics, praxis. Durham: Duke University Press. – 2018. – 291 p.
7. Gilroy P. «There Ain't No Black in the Union Jack»: The Cultural Politics of Race and Nation. L.: Routledge. – 1987. – 416 p.
8. Quijano A. Coloniality and Modernity/Rationality // Cultural Studies. – 2007. – Vol. 11. Issue 2–3. – P. 168–178.
9. Садова Т.С., Руднев Д.В. Кристаллизация деловой речи в Петровскую эпоху // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 5 (182). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kristallizatsiya-delovoy-rechi-v-petrovskuyu-epohu> (дата обращения: 24.10.2022).
10. Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. М: Изд-во Школа «Языки рус. культуры». – 1996. – 590 с.
11. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: Искусство. – 1970. – 387 с.
12. Качалкин А.Н. Содержательно-стилевые свойства деловых текстов XVII века // Русская речь. 2014. – № 6. – С. 69–76.
13. Лобашевская И.С. Жанры официально-деловой речи. Петропавловск-Камчатский: КамчатГТУ. – 2007. – С. 27–32.
14. Сусеева Д.А. Письма калмыцких ханов XVIII века и их современников (1713–1771 гг.). Избранное. – Элиста: ЗАОР «НПП «Джангар». – 2009. – 992 с.
15. Майоров А.П. Славянизмы в деловом языке 1-й половины XVIII века // Филологические науки. – 2009. – № 4. – С. 29–36.

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARHEOLOGY

Gunaev E.A.

ADMINISTRATIVE-TERRITORIAL AND LAND ARRANGEMENT
OF BUKEEV (INNER) HORDE IN THE RUSSIAN EMPIRE:
PRE-REVOLUTIONARY HISTORIOGRAPHY6

Dzhagaeva O.A., Eshchenko Y.G., Golubeva E.V.

THE SOCIETY OF ASTRAKHAN DOCTORS:
STRUCTURE, ACTIVITY, RESULTS12

Dzhalaeva A.M., Komandzhaev A.N.

N.N.PALMOV: "THE PURPOSE OF MY WORK IS SELF-DEVOTION"
(150th ANNIVERSARY OF PALMOV N.N.)21

Lawand S., Koltsov P.M.

ANTIOCH AND THE EMERGENCE OF CHRISTIANITY
IN THE FIRST HALF OF THE 1st CENTURY AD32

Lidzhieva I.V.

TRADITIONS AND SCIENCE IN THE MANAGEMENT SYSTEM
ON ARID LANDS (ON THE EXAMPLE OF THE KALMYK STEPPE)38

Michaelis D.V.

THE CHANGE OF STATUS OF MAGISTRATES IN THE RUSSIAN EMPIRE
IN THE PERIOD OF 1881 TILL 1917
(ON THE EXAMPLE OF A SIBERIAN REGION)45

Ochirov B.V.

THE CHANGING NUMBER OF POPULATION
OF BOLSHEDERBETOVSKY ULUS OF STAVROPOL PROVINCE
AT THE END OF THE XIXth CENTURY51

Shikhanov N.A.

THE HISTORY OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT
OF THE 229th AIR SQUADRON IN SOVIET KALMYKIA FROM 1957 TO 197061

PHILOLOGICAL SCIENCES

Dadaeva A.R., Bakhaeva L.M.

THE CONCEPT OF "GOOD/EVIL" IN THE LANGUAGE PICTURE
OF THE RUSSIAN AND CHECHEN PEOPLES
(BASED ON THE MATERIAL OF EXPLANATORY DICTIONARIES)72

Daidaeva M.V., Kharanutova D.Sh.

THE ABSTRACT LEXEMES SEMANTIC CONTENT IN THE LANGUAGE
CONSCIOUSNESS OF CHILDREN WITH INTELLECTUAL DISABILITIES
(THE ASSOCIATIVE EXPERIMENT RESULTS): A COMPARATIVE ASPECT78

Djungurova V.N., Alishina Hk.Ch.

THE NAMES OF ANIMAL BODY PARTS AND THEIR DISEASES
IN THE KALMYK, BURYAT, OIRAT-XINJIANG LANGUAGES COMPARED
TO THE TATAR LANGUAGE87

<i>Esenova G.B., Esenova T.S.</i> CHANGING THE SEMANTICS OF NOMADIC VOCABULARY IN MONGOLIAN LANGUAGES	94
<i>Lidzhiya L.A., Bitkeev P.Ts., Pyurbeev G.Ts.</i> SEMANTICS OF VERBS OF DYNAMIC LOCALIZATION IN MONGOLIAN LANGUAGES	100
<i>Mushaev V.N., Honinov V.N., Barinova B.V.</i> NAMES OF CELESTIAL CONSTELLATIONS IN LEXICAL-CULTURAL TRADITION OF THE KALMYKS.....	108
<i>Omakaeva E.U., Salykova V.V., Tsolmon Sh.</i> RUSSIAN, MONGOLIAN AND KALMYK ANIMALISTIC IMAGES OF PROVERBIAL MINI-TEXT IN THE MIRROR OF LINGUOCULTURAL CODES: HARE/TUULAI/TUULA, WOLF/CHONO/CHON, FOX/UNEG/ARAT	115
<i>Sarangaeva Zh.N.</i> LINGUOCULTURAL AND LINGUO-TRANSLATION ASPECT OF ENGLISH TRANSLATION (BASED ON THE MATERIAL OF RIMMA KHANINNOVA'S POEM "ZUL").....	124
<i>Trofimova A.N., Fayzieva G.V.</i> DEFINITIONAL ANALYSIS OF THE LEXICAL UNIT «FOREIGNER».....	131
PHILOLOGICAL SCIENCES	
<i>Buvaeva G.A., Andreeva A.A.</i> DIGITAL HUMANITIES: FROM FRONTIER DISCOURSE TO THE "DIGITAL TURN"	138
<i>Gulevsky A.N.</i> WAR AND PEACE: THE CLASH OF RUSSIA AND EUROPE	144
<i>Gulyak I.I., Smagina G.V.</i> PHILOSOPHICAL PROBLEM CORRELATION OF FREEDOM AND RESPONSIBILITY OF A HUMAN IN THE STATE.....	150
<i>Zhade Z.A., Gvasheva B.Z., Shadzhe L.A.</i> MULTILEVEL IDENTITY IN THE ASSESSMENTS OF THE SCIENTIFIC COMMUNITY OF ADYGEA.....	157
<i>Nizhnikov S.A., Le Thi Tuyet</i> "SOCIALLY ENGAGED BUDDHISM" THICH NHAT HANH IN THE DIALOG OF CULTURES.....	166
<i>Savelyeva K.V.</i> THE PHENOMENON OF CULTURAL INDUSTRIES IN PHILOSOPHICAL AND CULTUROLOGICAL DISCOURSE.....	175
<i>Topchiev M.S.</i> AMBIVALENCE OF GEOPOLITICAL SPACE OF THE CASPIAN MACRO-REGION: THE POTENTIAL OF THREATS TO RUSSIA'S SOCIETAL SECURITY.....	182
<i>Chetyrova L.B., Sakharov A.S.</i> COMMUNICATIVE ANALYSIS OF THE KALMYK KHANS' AND OWNERS' LETTERS (18th CENTURY)	189

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ В РЕДКОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК КАЛМГУ»

1. Для издания принимаются ранее не опубликованные в других печатных или электронных изданиях авторские материалы – научные статьи, обзоры, рецензии, отзывы, соответствующие научным специальностям: исторические науки и археология, филологические науки, философские науки.

2. Автором (ами) в редакцию предоставляется обязательный печатный и идентичный ему электронный пакет документов:

– текст статьи на русском или английском (с переводом) (печатный вариант статьи подписывается всеми авторами);

– анкета автора (и соавторов);

– заявление автора о праве использования научной статьи в рецензируемом журнале;

– справка с места учебы (для аспирантов).

В статью должно быть включено следующее:

– индекс УДК (располагается в начале научной статьи отдельной строчкой слева);

– индекс ББК (располагается в начале научной статьи отдельной строчкой слева);

– фамилия, имя, отчество полностью на русском и английском языках;

– ученая степень, ученое звание, наименование и шифр научной специальности (по номенклатуре), по которой автор проводит диссертационное исследование, на русском и английском языках;

– аспирантами, докторантами, соискателями, преподавателями вузов указывается кафедра, учебное заведение (магистранты указывают направление подготовки) на русском и английском языках;

– должность, место работы, город, страна на русском и английском языках;

– e-mail;

– название статьи на русском и английском языках (заглавными буквами, шрифт TNR 14, выравнивание по центру);

– аннотация на русском и английском языках (шрифт TNR 14, начертание – курсив, выравнивание по ширине, не менее 600–800 знаков без пробелов);

– ключевые слова на русском и английском языках (10–12 слов или словосочетаний из двух или трех слов, через запятую, шрифт TNR 14, начертание – курсив, выравнивание по ширине);

– статья должна содержать список литературы (15–30 позиций). На каждую статью или монографию должна иметься отсылка в тексте статьи.

Требования к оформлению текста:

Объем текста статьи от 20 000 до 25 000 знаков, включая пробелы.

Набор текста осуществляется в формате MS Word. Гарнитура шрифта Times New Roman. Размер основного шрифта – 14 кегль. Межстрочный интервал для текста – одинарный. Абзацный отступ 1,25 одинаковый по всему тексту. Отбивка абзацного отступа пробелом и клавишей Tab не допускается. Формат страницы А4. Поля страницы (верхнее, нижнее, правое, левое) – 2 см. Текст набирается без переносов, режим «выравнивания по ширине».

Иллюстрации (рисунки, графики) располагаются в тексте статьи и выполняются в одном из графических редакторов (формат tif, jpg в градации серого), с соблюдением ГОСТ 2.304–81 ЕСКД «Шрифты чертежные». Допускается создание и представление графиков при помощи табличных процессоров «Excel». Рисунки и фотографии должны иметь контрастное изображение. Графики, таблицы и рисунки: черно-белые, без цветной заливки. Допускается штриховка.

Формат рисунка не более 12 см по ширине, толщина линий в рисунках не менее 0,75 pt. Рисунки, включающие текст, цифровые или буквенные обозначения, набираются соответствующим текстом шрифтом, индексом – не меньше 8 pt.

Под рамкой рисунка на расстоянии не менее 1 см располагается его номер и подписуемая подпись.

Рисунки в тексте статьи должны быть также выполнены отдельно в формате tif или jpg, иметь единую нумерацию и прилагаться к электронному варианту статьи.

Таблицы оформляются по форме: слово «Таблица» в правом верхнем углу, номер таблицы цифрами (если их более одной), название с большой буквы форматируется по центру таблицы. Содержимое ячеек следует располагать по центру. Если таблица занимает более одной страницы, ниже шапки таблицы на первой странице располагается строка нумерации колонок – по порядку слева направо, вторая и последующая страницы начинаются словами «Продолжение таблицы», далее повторяется строка нумерации. Таблицы размером менее одной страницы разрывать не следует. Размеры ячеек и таблицы в целом следует по возможности минимизировать. В таблице указываются единицы измерения, погрешность. Таблицы должны иметь единую нумерацию. В тексте формируется ссылка к таблице.

Библиографический список (References) оформляется после основного текста статьи на русском и английском языке (шрифт Times New Roman, начертание для заголовка – прописной жирный, кегль 14; для списка – строчный, кегль 14).

Редакция сообщает автору о решении по поводу публикации. В случае отрицательной рецензии редакция направляет автору рукописи мотивированный отказ. Рукописи по почте не возвращаются.

Аспиранты публикуют свои работы на бесплатной основе.

Более подробно с требованиями к статьям можно ознакомиться на сайте Калмыцкого государственного университета: <http://www.kalmsu.ru>.

«Вестник Калмыцкого университета» (возрастная категория 12+) издается для широкого ознакомления научной общественности с достижениями научных школ Калмыцкого государственного университета. В журнале публикуются результаты научных исследований по истории, филологии, философии. Авторами «Вестника КалмГУ» могут быть преподаватели, научные сотрудники и аспиранты университета, а также другие ученые, активно сотрудничающие с университетом.

Журнал «Вестник КалмГУ»
включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции, издателя и типографии:

ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова»
358000 г. Элиста, улица Пушкина, 11. Тел./факс: (847-22) 4-02-97
E-mail: vestnik.kalmgu@yandex.ru
Страница журнала на сайте КалмГУ:
<https://kalmgu.ru/category/vestnik-kalmgu/>

Распространение журнала осуществляется по адресной системе.

Журнал зарегистрирован
в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
по Волгоградской области и Республике Калмыкия
(свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ТУ34-00731 от 8 апреля 2016 г.)

Научный журнал

ВЕСТНИК
Калмыцкого университета

№4(56)/2022

Подписано в печать 27.12.2022 г.
Дата выхода в свет 30.12.2022 г.

Формат 70x108/16. Усл. печ. л. 17,5.
Тираж 300 экз. Заказ №5061. Цена свободная.

ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова»
358000 Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Пушкина, 11. Тел./факс: (84722) 39014